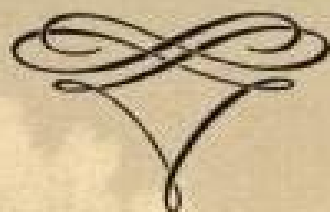

Старомосковский детектив

ЕЛЕНА СЕМЕНОВА
ЕДИН ХАЛВУ,
ДА ГОРЬКО ВО РТУ

Annotation

80-е годы XIX века. Странные события происходят в коломенской усадьбе князей Олицких. При загадочных обстоятельствах умирает старый князь, его сыновья получают угрожающие письма, а по дому ночами бродит призрак Белой Дамы. Княгиня обращается за помощью к своему старому другу доктору Жигамонту. События развиваются стремительно: один за другим погибают члены семьи Олицких. Почти каждый обитатель дома прячет скелет в шкафу и может оказаться убийцей. На помощь доктору приезжают следователи Немировский и Вигель. Между тем, коломенский сыщик Овчаров, получив заказ от одного из обитателей усадьбы, отправляется в Москву, чтобы узнать о судьбе фигурантов страшного преступления, имевшего место 20 лет назад. В этом ему помогает Василий Романенко, для которого то дело было первым в сыщицкой практике. Как связаны нынешние преступления с давним? Что скрывает «дворянское гнездо», оказавшееся разорённым пороками своих обитателей? В этом предстоит разобраться сыщикам.

- [Елена Владимировна Семёнова. Ели халву, да горько во рту.](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)

- [Эпилог](#)

**Елена Владимировна
Семёнова. Ели халву, да
горько во рту**

Пролог

Луна обогнула лес и растеклась мутным пятном, укрытая кружевным облаком. Заухала в темноте сова и, сорвавшись с ветви, пролетела над самой головой Ильи Никитича, едва не сшибив с него картуз.

— Чёртова птица! — выругался Овчаров, потирая замёрзшие руки. — Нет, право слово, не будет улова...

Несмотря на июнь, ночь выдалась холодной и даже промозглой, и Илья Никитич уже не раз помянул недобрым и не употребляемым в приличном обществе словом и человека, сказавшего ему ждать его здесь, и всю родню оного, ни в чём совсем не повинную.

По правде сказать, Овчарову не впервой приходилось коротать ночь столь малоприятным образом. Жизнь сыскного агента, как известно, полна различных передряг. Впрочем, Илья Никитич своей службою был доволен. Приносила она ему аккуратный, хотя и более чем скромный доход, а также бесплатный проезд и гостиничные номера в тех случаях, когда требовалось разнюхать что-либо в ином городе. Будучи человеком предприимчивым, Илья Никитич с готовностью брался за поручения частных лиц, которые платили не в пример сыскному ведомству гораздо большие суммы. Надо сказать, что работы в последнем для агента было немного. Да и откуда взяться ей в уездном городе? Вот, иное дело — Москва! Там ой как недурно можно было бы заработать! Ведь большие способности дремлют в Илье Никитиче, ведь куда как на большее способен он, и тесно ему в родной тихой заводи! Вся радость только — рыбу удить да попивать со скуки. Денег аккурат на выпивку и достаёт, а ни на что серьёзное всё одно хоть сто лет копи, не скопишь.

Пропадай жизнь! Так и захлебнётся талант в вине, отупеет мозг, и кому тогда будет нужен Овчаров?

Подул ветер, и первая тяжёлая капля надвигающегося дождя упала на нос сыскному агенту. И куда это господин запропастился, черти бы подрали его? Сидеть бы ныне у камелька да попивать рябиновку... Или уж у озера, что здесь неподалёку, сома караулить. Крестьяне сказывали, что здесь сом — всем сомам сом — настоящее чудище. Прикормить бы его да поймать! Вот, не кисло бы было! Если уж настоящего крупного преступника не судьба, так хоть сома...

Хрустнула ветка под чьей-то нелёгкой поступью. Овчаров сощурил красные, воспалённые глаза: идёт!

— Долго ждать заставляете, господин хороший! — не удержался от замечания продрогший агент.

— Вы будете ждать меня столько, сколько потребуется, — звякнул в тишине резкий ответ.

Илья Никитич подошёл ближе к закутанному в непромокаемый плащ господину, нагнул голову, посмотрел снизу вверх:

— Чем могу соспешествовать вашей милости?

— Не юродствуйте, господин Овчаров! Или останетесь без работы!

— Это вряд ли, — Илья Никитич криво усмехнулся, обнажив свои жёлтые, уже крошащиеся, несмотря на молодые годы, зубы. — Это ведь вам мои услуги нужны, а не мне ваши. Кстати, не будет ли у вас приличного курева? Я жутко продрог, поколь ждал вас.

— Я не курю, господин Овчаров. И прошу вас покорно: говорите несколько в сторону, а то от вас дух такой...

— Нет, значит, курева... Так и запишем-с, — Овчаров извлёк из кармана завёрнутый в бумагу табак, проворно скрутил папиросу, закурил. — Скоро дождь разойдётся. Говорите, зачем звали.

— Мне нужно, чтобы вы поехали в Москву и выяснили там о судьбе одного семейства, с коим я был знаком двадцать лет назад.

Илья Никитич закашлялся:

— Ходила к дьяку попадья... Ничего себе задачка! Двадцать лет! Каким же это образом я должен суметь отыскать их?

— Вы меня спрашиваете об этом? Это ваша работа — искать, вынюхивать, рыть землю носом. А моя — платить вам за это.

— Это займёт много времени, а Москва город недешёвый...

Господин фыркнул и протянул Овчарову бумажник:

— Здесь на текущие расходы. Должно хватить. Остальное только в случае успеха вашей миссии.

Илья Никитич проворно пересчитал деньги, довольно крякнул и спрятал бумажник в карман:

— Кого же я должен отыскать?

— Двадцать лет назад в Москве, в Староконюшенном переулке была швейная мастерская фрау Ульбрехт. Она была весьма хорошо известна в ту пору. У Лейды Францевны имелось много помощниц-учениц, юных девушек из бедных семей или же вовсе сирот, о которых она проявляла большую заботу. Среди них была семнадцатилетняя Аннушка Колыванова. Её мать, кажется, прачка, жила в районе «Балкан», что в Протопоповском переулке, сильно болела и много пила. А Аннушка была очень добра, трудолюбива, хороша собой. В Староконюшенном её знали буквально все: её просто невозможно было не заметить... У девушки был жених. Некто Фёдор Палицын. Из мелких лавочников. Отец его, Кузьма Григорьевич, держал лавку церковной утвари всё в том же Староконюшенном. Фёдор у отца и работал. Очень странный юноша. Физически сильный, но нервами слаб. Припадки у него бывали, знаете ли. И, вот, однажды, находясь, по всей видимости, в таком

припадке, он жестоко убил свою невесту. Следствие полагало, что из ревности... Аннушка представлялась девицею высокой нравственности, Фёдор дышать на неё не смел, а потом вдруг выяснилось, что девушки из заведения фрау Ульбрехт оказывают услуги известного рода состоятельным господам. Вероятно, это сильно потрясло несчастного, и он убил Аннушку... Потом был суд, Фёдор был приговорён к двадцати годам каторги, там он, кажется, заболел нервной горячкой и умер. Родители его, несчастные старики, в виновность сына не верили. Что стало с ними дальше, я не знаю.

— И именно это мне предстоит выяснить? — уточнил Овчаров.

— Да, — лязгнул в темноте ответ. — Узнать, что стало со стариками. Узнать, были ли иные родные, как у Фёдора, так и у Аннушки. Если да, то живы ли и всё о них подробно. И ещё я желал бы точно знать, верно ли, что Фёдор на каторге умер...

— Труднѐхонько будет, — покачал головой Илья Никитич. — Но уж постараюсь, как могу. Завтра же и отбуду в Первопрестольную.

Внезапно тишину нарушил громкий крик.

— Бог мой, это, кажется, в доме кричат... — произнёс господин, вздрогнув.

— Оттуда, — кивнул Овчаров. — Вон, огни в окнах замелькали... Чай, случилось что...

— Ступайте, господин Овчаров! Выполняйте вашу работу... И поторопитесь! Это очень важно!

Нежданный работодатель Ильи Никитича почти бегом ринулся к дому. Овчаров передёрнул плечами, скрутил очередную папиросу:

— Эх-эх-эх, барин, и что тебе потребовалось раскапывать этокое бородатое дело? Темнишь, ваша милость... Не с брызгу ты так забеспокоился. И отчего ж не сказал ты, какова твоя роль в том деле была? Кем ты этим Фёдору с Аннушкой приходился? Что на Москве

делал в тот год? Или у самого рыльце в пушку? Так и запишем-с... Да разнюхаем. Чёрт знает, может, это судьба моя есть. На Москве-то и развернусь... Интересно, что у них стряслось в доме? Но да не моё дело. Завтра в путь, а нынче обогреться и спать! Мерзейшая погода...

Глава 1

— Всё-таки, Елизавета Борисовна, я никак не могу понять, для какой нужды я вам понадобился? — спросил доктор Жигамонт, захлопнув крышку золотых часов и убрав их в карман.

— А что, милый доктор, большое неудобство вам вышло от моего приглашения? — улыбнулась княгиня Олицкая, не отвечая на вопрос.

— Отчего бы вдруг неудобство?

— Ну, как же, известное дело: из матушки-Москвы, где у вас свои пациенты, ехать в нашу глушь...

— Разве же это глушь, Елизаветы Борисовна? Ей-богу, вы живёте в красивейшем краю.

— Правда ваша. Вам бы следовало ещё осмотреть город. Изумительные красоты вы нашли бы в нём. Быть может, вы не согласитесь со мною, но, по мне, так наш Кремль хоть и уступает вашему, столичному, но тоже великолепен.

— Несомненно, Елизавета Борисовна. Каждому своё гнездо мило.

— Это как сказать. Многим чужое гнездо завсегда просторнее и мягче представляется. Вы хоть бы возьмите нашу здешнюю молодёжь: ведь они бредят Москвой, милый Георгий Павлович! Москвой и Петербургом. Будто бы мёдом намазано там, будто ждут их там, будто здесь им дела нет! А ведь нигде так не одинок человек как в окружении множества чужих людей, в больших городах...

Жигамонт внимательно рассматривал лицо своей спутницы. Они были знакомы ещё с молодости, но виделись в последний раз более двадцати лет назад, хотя всё это время часто переписывались и не забывали с трогательной заботой посылать друг другу небольшие

презенты к Рождеству, Пасхе и на День Ангела. Время мало изменило Елизавету Борисовну. В свои шестьдесят с лишком лет она выглядела много моложе. Холёное, гладкое, продолговатое лицо с крупными, похожими на цыганские, тёмными глазами, прямой нос с небольшой горбинкой, рот со слегка выпяченной нижней губой, тёмная, не тронутая до сей поры сединой шевелюра — в этом лице читалась царственность, подчёркнутая и безупречной осанкой княгини. Правда, небольшая полнота всё-таки наложила свой отпечаток на прежде стройную шею Олицкой, осиную некогда талию, но не испортила красоты её, не отняла лёгкости походки и быстроты движений. Тем более, что отличающаяся тонким вкусом Елизавета Борисовна умело подбирала свои наряды: все они были тёмных тонов и пошиты в стиле а-ля рюс, столь любимом ею. Вот, и сейчас княгиня была облачена в темно-зелёное платье, имеющее некоторое сходство с сарафаном. Ткань платья была плотной, а широкие рукава более светлого тона были сделаны из тонкого воздушного шёлка. Такой же шёлковый шарф покрывал голову Олицкой. К нему была приколата старинная брошь с искусной миниатюрой.

— Позволю себе сделать вам комплимент, княгиня: вы прекрасно выглядите, — заметил Жигамонт.

Княгиня вздохнула и, потянув вожжи, остановила лошадь. Ещё при встрече Георгия Павловича удивило, что знатная дама ездит одна, без кучера, сама правит изящной, сделанной, по всей видимости, на заказ искусным мастером, коляской, запряжённой серым в яблоках жеребцом, слегка погоняя его время от времени кнутом, сжимаемым изящной рукой, затянутой в тёмно-зелёную перчатку.

— Скажите, Елизавета Борисовна, вы не боитесь ездить одна? — спросил доктор. — Лошадь может понести, да и мало ли...

— Лошадь понести не может, — уверенно ответила Олицкая. — Мой отец держал множество лошадей. То была его страсть. С малых ногтей я привыкла к ним, я ездила верхом, как заправский гусар. И ни один конь не сбросил меня, заметьте! Даже самые буйные подчинялись. Теперь уж я, конечно, редко выезжаю верхом: лета не те. Но уж из повозки-то как-нибудь не выпаду. Впрочем, я иногда беру с собой кучера. Знаете, есть у меня один... Глухонемой. Только с ним и езжу, когда устала или дурно чувствую себя. У него великое есть достоинство — его немота и глухота. Как будто бы и нет его вовсе.

Жигамонт улыбнулся краешком губ. Они стояли на дороге, по обеим сторонам которой шумели благоухающие сосны. Пахло смолой и свежестью недавно прошедшего дождя, и лучи солнца пронизывали сплетённый полог ветвей, скользили, разливались радужными красками.

— Как в церкви... — сказала Олицкая, глубоко вздохнув. — Как говорит наш отец Андроник, лес — нерукотворный храм Божий...

— Елизавета Борисовна, для чего вы всё-таки пригласили меня? На больную вы не похожи. Быть может, кто-то из ваших родственников хворает? — вновь спросил Георгий Павлович.

— Милый доктор, если б болела я, так позвала бы нашу знахарку, бабу Степаниду, а мои любимые родственники вполне обошлись бы местными лекарями. Вас я вызвала для себя.

— Чем же местные лекари вам не подошли?

— Во-первых, они все пьяницы и чрезвычайно скучные люди, — рассмеялась княгиня. — Во-вторых, они не играют в шахматы, а вы дока в этом деле. Представьте, я уже долгое время вынуждена играть сама с собою!

— Вы пригласили меня играть в шахматы? — улыбнулся Жигамонт.

Елизавета Борисовна помрачнела:

— К сожалению, нет... — она резко повернула лицо к доктору: — Мне нужна помощь, милый Жорж.

— Вы только что сказали, что здоровы...

— Здорова, да. Но мне нужна помощь иного рода. Я хочу понять, что происходит в моём доме.

— То есть?

— Выслушайте меня. Месяц тому назад скоропостижно скончался мой муж.

— Ему, если я не ошибаюсь, было хорошо за восемьдесят...

— Не ошибаетесь. Александр Владимирович часто хворал в последние годы. Накануне смерти он почувствовал недомогание. Врач осмотрел его, но не нашёл никаких причин для беспокойства. На другой день князь чувствовал себя уже лучше, но всё-таки приказал послать за священником, дабы исповедаться. Он всякий раз посылал, когда подступал недуг... Отец Андроник пришёл, муж исповедался... В ту же ночь он вдруг дико закричал. Мы все, кто был в доме, прибежали на крик и нашли князя уже при смерти. Он только хрипел и ничего не смог сказать, но всё время указывал рукой на дверь, и глаза его были полны ужаса... Князь умер почти в тот же момент от удара...

— Простите, Елизавета Борисовна, но здесь я не вижу ничего загадочного. Учитывая возраст вашего мужа и его больное сердце...

— Вы не дослушали меня.

— Да-да, извините...

— Эта смерть мне тогда также не показалась ничуть загадочной. Хотя, по всему было видно, что его что-то сильно напугало. Но вскоре в нашем доме стали происходить другие странности. Что-то произошло с сыновьями мужа. Они стали нервными,

подозрительными... словно боятся чего-то. Старший, Владимир, даже стал запирается в своей комнате на ключ, чего прежде никогда не бывало. А однажды я вошла в комнату Антона, младшего, и увидела у него на столе записку странного содержания: «Помнишь ли ты меня? Я скоро приду за тобой, как за твоим отцом. А.К.»

— А.К.? Кто это?

— Если бы я знала! — сплеснула руками княгиня.

— А вы не спрашивали своего пасынка?

— Милый доктор, вы знаете, какие у меня отношения с сыновьями мужа! — поморщилась Олицкая. — Ещё не хватало, чтобы они решили, что я рылась в их бумагах. Они всё равно ничего мне не скажут. Но и это ещё не всё, милый Жорж! Самое главное, что в моём доме завёлся призрак!

— Кто? — поразился Жигамонт.

— Призрак белой дамы! Она появляется по ночам.

— Вы сами видели?

— Бог миловал. Но видел Антон, видел Каверзин, приятель Владимира, который живёт у нас, видела Катя, видела Машенька...

— Машенька?

— Да... Это незаконная дочь покойного сына дяди Алексея. Очень славная девочка. Дядюшка полюбил её, как родную. Она буквально освещает его последние дни. Бедняжка жутко перепугалась, когда увидела этот проклятый призрак.

— Елизавета Борисовна, это же какая-то фантазмагория...

— Ах, милый Жорж, я сама не склонна верить всяким глупостям о приведениях. Я могу не верить Антону: он часто бывает пьян, а пьяному чего не помстится! Могу не верить Кате: у неё расстроены нервы. Но Каверзину и Маше я не верить не могу. Когда четыре человека утверждают одно и то же, то как не поверить? Быть может, и мой несчастный муж увидел

эту белую даму, и именно она так напугала его. В общем, милый доктор, я хочу разобраться в этом деле и рассчитываю в этом на вашу помощь.

Жигамонт закурил трубку и, выпустив несколько клубов дыма, ответил:

— Разумеется, я готов оказать вам любое содействие. Но, мне кажется, вам лучше бы помог в подобном деле сыщик, а не врач.

— Да где же я возьму сыщика? Дорогой мой Жорж, я обратилась к вам, потому что могу вам доверять в столь щекотливом вопросе. А какому же сыщику я могу довериться? У меня таких знакомых нет, — пожалала плечами княгиня.

— Я мог бы рекомендовать вам одного в высшей степени порядочного и искусного человека.

— Кто же он таков?

— Сын моего покойного друга, ещё в юные годы весьма выручивший меня, когда моя репутация оказалась под угрозой из-за неоправданных подозрений в мой адрес. Он теперь служит следователем и обнаруживает большой талант на своём поприще.

— Как его зовут?

— Его фамилия Вигель. Пётр Андреевич. Он начинал свою службу под руководством господина Немировского. Может быть, вы слышали? В Москве это человек известный. Гроза преступного мира. Искуснейшие дела распутывал. Газеты не раз писали о нём.

— Здесь не Москва, милый доктор, — вздохнула Олицкая. — Впрочем, фамилию Немировского я где-то встречала.

— Я мог бы отписать моему молодому другу. Правда, не уверен, сможет ли он приехать... Ведь у него служба.

— Я подумаю над вашим предложением. Но прежде я хотела бы, чтобы вы побывали в моём доме, познакомились с моими домашними и составили своё

мнение. К слову, учтите, никто из них не должен знать о настоящей цели вашего приезда. Я всем сказала, что меня беспокоят боли в области груди, и я пригласила вас, как своего давнего друга.

— Я надеюсь, что боли — это часть легенды? — уточнил доктор.

— Совершенно верно. Сегодня вечером я приказала устроить ужин в вашу честь, милый Жорж. На нём соберутся все домашние. Посмотрите на нас незамутнённым оком и составите первоначальное мнение. А там уж видно станет, стоит ли беспокоить вашего сыщика, — княгиня причмокнула губами и тронула поводья. — Мы, однако же, засиделись. Пора!

Конь рысцей застучал копытами по дороге, легко катя маленький экипаж. Георгий Павлович задумчиво смотрел перед собой, несколько удивлённый неожиданным поворотом событий. Никогда прежде доктору Жигамонту не доводилось выступать в роли сыщика. Всю свою жизнь он занимался исключительно врачебной практикой: вначале работал в московской Мариинской больнице, где несколькими годами прежде служил Михаил Достоевский, и жива была память, как о нём, так и о его сыновьях, один из которых, Фёдор, только делал первые свои шаги на литературном поприще. Предки Георгия Павловича были французскими гугенотами, осевшими в России. Позднее они перешли в православие, занимались медициной. Дед Жигамонта спас немало жизней русских солдат в войну 1812-го года, за что был награждён по Высочайшему повелению. Впрочем, его подвиги и труд других членов семьи мало поправили материальное положение Жигамонтов, и на заре своей практики Георгий Павлович буквально бедствовал. Жил он в стенах всё той же Мариинской больницы, не имея денег, чтобы нанять квартиру. Однако талант и трудолюбие молодого врача всё же способствовали его

карьерному и материальному росту. К сорока годам Георгий Павлович занимался уже исключительно частной практикой, приносящей вначале умеренный, а потом и весьма приличный доход. Теперь же доктор Жигамонт стал в Москве довольно известен. Он пользовал весьма состоятельные и знатные семьи, его услуги стоили дорого, Георгия Павловича приглашали в лучшие дома первопрестольной. Он давно забыл вкус нищеты, живя в просторной квартире на Волхонке, выезжая всякое лето в Европу, поигрывая на рулетке в Баден-Бадене (впрочем, всегда зная меру и не поддаваясь страсти), обедая в лучших ресторациях Москвы и одеваясь у модных портных. Доктор Жигамонт отличался тонким вкусом, аристократизмом, безупречностью манер, глубоким умом и умением легко и остроумно поддержать любую беседу: это, безусловно, нравилось его состоятельным пациентам, а, в особенности, пациенткам, подчас выдумывающим себе разные болезни, чтобы только лишний раз иметь удовольствие увидеть всё ещё привлекательного, несмотря на лета, и столь приятного в общении доктора. Беря за свои услуги весьма большие деньги, Георгий Павлович нередко оказывал помощь и малоимущим, принимая их у себя и наведываясь в бедняцкие кварталы. С них доктор вовсе не брал денег. «Долг врача — лечить больных, — говорил он. — Лечу я всегда бесплатно. Иное дело, что некоторые мои пациенты вполне здоровы и лечатся лишь от скуки. Лечение для развлечения. А развлечение — штука, само собою, платная... Вот, за него-то и беру я полным рублём!»

...Лес внезапно закончился, и взору Георгия Павлович предстал большой усадебный дом с высоким парадным крыльцом.

— Ну, вот, дорогой доктор, мы и прибыли, — улыбнулась Елизавета Борисовна, останавливая

лошадь. — Добро пожаловать в моё поместье! Надеюсь, ваше пребывание в нём будет для вас приятным!

— И я на это надеюсь, любезная Елизавета Борисовна, — с иронией отозвался Жигамонт. — Надеюсь, ваши приведения мне его не испортят.

К экипажу подошёл крепкий, жилистый старик с густой бородой и низко поклонился княгине.

— Здравствуй, Анфимыч, здравствуй! — улыбнулась Олицкая, подавая старику руку.

Анфимыч помог Елизавете Борисовне спуститься на землю.

— Вот, милый Георгий Павлыч, это и есть мой кучер. Анфимыч. Вы ему можете ничего не говорить. Он вас всё равно не поймёт. Он понимает только меня. Так я говорю, Анфимыч?

Старик закивал и начал делать княгине какие-то знаки. Олицкая нахмурилась:

— Антон опять пьян? Да когда же только прекратится это безобразие! Мало того, что этот олух царя небесного совершеннейшим образом предаётся безделью, так ещё и позорит наш дом! Хлеб ешь, а беса не тешь! Избаловались все...

Доктор Жигамонт с интересом наблюдал странную сцену, опершись на свою тяжёлую, дабы ежеминутно тренировать руки, трость с набалдашником в виде совы с малахитовыми глазами.

— Удивляюсь я, Елизавета Борисовна, — сказал он, улыбаясь. — Как это вы понимаете, что он вам «говорит»?

— Привыкла уж. Он ведь при мне с младенчества. Анфимыч у нас книги любит.

— Что же, он грамоте учён?

— Его мой покойный отец учил. Дивный был человек, царствие небесное. Писать, правда, не выучил, но прочесть кое-что Анфимыч может. Правда, тяжело ему это, а потому кроме Святого Писания он ничего не

читает, а его уж, должно, наизусть выучил. Он картинки разные любит. Особливо, как в книжках они. А, когда так, так он их в своём чулане по стенам расклеивает. Радуетя, как дитя малое.

Анфимыч ещё раз поклонился барыне, взял лошадь под уздцы и увёл её.

— Идёмте же, — сказала Елизавета Борисовна. — Вы, должно быть, голодны с дороги? Я скажу на кухне, чтобы вас накормили обедом.

— Премного благодарен.

— Мне нужно будет теперь заняться делами. В этом доме, милый доктор, ими занимаюсь одна я. Остальные сплошь бьют баклуши да за то ждут туши. Владимир пишет проекты преобразований имперского размаха, на меньшее он никак не согласен, Антон пьёт и развлекается... При этом оба они меня ненавидят за то, что отец их завещал именье мне. Можно подумать, будто они могли бы управлять им! Я уже и при жизни отца их все дела вела, а они? Только пользовались плодами моих трудов. Ещё на меня же и лают... Володичка и Родя слишком молоды ещё, чтобы помогать в хозяйстве. Управляющий наш, Лыняев, хитрая bestия. Он, конечно, угрём изовьётся, хозяйствовать умеет... Но он вор, как и все управляющие, а потому за ним глаз да глаз нужен. Так что вы уж простите меня, что до вечера я оставляю вас. Мой сын Родя покажет вам дом и отведёт к дяде Алексею. Он, вы увидите, милейший старик. И вам будет чрезвычайно рад, так как он скучает, не имея благодарных слушателей своих воспоминаний, а их у него хватило бы на несколько томов. Дядюшка прелестный рассказчик, но беда, что все домашние слышали его рассказы уже много раз, и им надоело. Мне некогда, а Машенька ещё слишком юна, чтобы всё в них понимать... Вы уж доставьте старику удовольствие. Скучно вам не будет, уверяю. Дядюшка ведь очень многое знает. Живая история. Он даже кое-

что записывает из своих воспоминаний. О Севастополе, например... Ну, да он вам сам расскажет!

— Я почти за честь быть ему представленным, — ответил Жигамонт.

Они поднялись по белой лестнице на крыльцо, и навстречу им тотчас выбежал стройный белокурый юноша лет двадцати, одетый чрезвычайно скромно и просто. Он радостно улыбнулся княгине:

— Доброго утра, матушка!

— Да уже день на дворе давно, дорогой мой, — ласково улыбнулась княгиня, целуя сына. — Вот, познакомься, это мой добрый друг — доктор Георгий Павлович Жигамонт.

Молодой человек учтиво поклонился:

— Рад приветствовать вас, доктор. Родион Александрович Олицкий к вашим услугам.

— Родя у нас готовил себя к духовному поприщу, милый Жорж. Он лишь недавно прибыл из семинарии и удивил меня, заявив, что сомневается, стоит ли ему возвращаться туда.

— Вот как? — приподнял брови доктор, обращаясь к юноше. — Что же, вы разочаровались в своём призвании?

— Нисколько, Георгий Павлыч. Просто дух академизма, царящий в семинарии, показался мне пропитанным латинством. Мы изучаем западный опыт, забывая свой, писания наших святых отцов предаются забвению, тогда как католические мистики исследуются во всей полноте. Я ожидал, что обучение в семинарии приблизит меня к Господу, но на деле же в тамошних учёных речах я вижу всё: ум, глубину знаний, даже таланты — но только не Бога. И это удручает меня. Иногда мне кажется, что иные наши богословы сами не веруют в Господа. А не может внушать веру тот, кто не верит сам...

— Родя, прости, что прерву тебя, дорогой, — княгиня взяла сына под руку. — Мне нужно заняться делами, а доктор устал и проголодался с дороги. Покажи ему дом и распорядись насчёт обеда. Комнату приготовили ещё накануне, ты знаешь.

— А вы, матушка, не будете обедать?

— Нет-нет, я попрошу Дашу принести мне в кабинет кофе и грильяж. Более ничего теперь я не хочу. Милый Жорж, извините меня! — Олицкая пожала руку Георгию Павловичу и вошла в дом.

— Пройдёмте же и мы, — пригласил Родя гостя. — Вы не взыщите, что я говорю столь пространно. Это мой грех, я знаю, утомлять любого своими суждениями.

— О, что вы! — Жигамонт протестующе поднял руку. — Мне было бы весьма интересно продолжить этот разговор. Я не слишком сведущ в вопросах религии, но то, что вы говорите, мне показалось верным и интересным.

— Спасибо. Ах, доктор, мне больно видеть, в каком положении находится наша церковь. Монастыри развращаются, учёные богословы и даже священники впадают в католицизм, эту гангрену христианства, туда же склоняется просвещённая публика, в которой веру подменил мистицизм, основанный на чувствах и лишённый духа, или уж вовсе — материализм, превращающий человека в гордого своей слепотой слепца... Простые священники, особенно в провинции, часто невежественны, распущены, даже пьяны. Наши литераторы потратили немало чернил, высмеивая попу. Это крайне, крайне дурно, но, однако же, нет дыма без огня, и, надо признать, что сами недостойные служители Божии дают тому причину. Ах, какой бедой это всё может обратиться для нас!

— Так вы твёрдо решили оставить семинарию?

— Не знаю, доктор. Признаться, я растерян. Конечно, Богу научить нельзя, это понятно, ибо его

можно только сердцем узнать, но, вот, легко же отворотить. Знаете ли вы, что среди семинаристов есть такие, кто в Бога не верит? Они учатся там, чтобы лучше изучить предмет, который потом намереваются ниспровергать...

— А что же вы намерены делать далее? Хотите быть священником? Или поступить в монастырь?

Родион поднял на доктора крупные, как у матери, только светло-серые, глаза и, помедлив, ответил:

— Нет, доктор... Я, в сущности, не имею желаний становиться ни тем, ни другим, но я хотел бы проповедовать Бога, нести его учение людям. Этого сейчас ужасно не хватает. Правда, не уверен, вправе ли я... Ведь сам я столь черён, столь растерян, что сумею ли выразить то, что хотел бы? Нет, я не хотел бы писать учёных статей, спорить... Я, вообще, очень не люблю, когда о Боге спорят. В спорах Бог теряется... Но лишь нести Слово Его, исполнять Его Волю.

— В таком случае, вам остаётся положиться именно на Его Волю...

— Да-да. Вот, и отец Андроник говорит мне то же самое. Отец Андроник с недалёкого времени служит в нашем приходе. Это удивительный человек. Вам непременно нужно с ним познакомиться!

— Уверен, что так оно и будет, потому что надеюсь задержаться у вас на какое-то время. Раз уж, наконец, я вырвался навестить вашу любезную матушку, так уж и загощусь, сколь обстоятельства позволят.

— Матушка будет очень рада, — улыбнулся Родион. — И я тоже. Ах, я всё-таки бессовестно рассеян! Ведь матушка же наказала распорядиться насчёт обеда, а я утомляю вас своими разговорами. Приказать подать обед в столовую?

— Не стоит беспокоиться, — ответил Жигамонт. — Я не столь великая птица, чтобы брезговать кухней.

— Тогда идёмте, — кивнул молодой князь.

Родион провёл Георгия Павловича на кухню, где хлопотала молодая румяная девушка с полными руками и весёлым лицом.

— Даша? А где Фоминична?

— Так вышла она, Родион Александрович. Скоро возвращается. Что прикажите? — отозвалась девушка, с любопытством косясь на гостя.

— Подай нам с доктором что-нибудь пообедать.

— Извольте, барин. Нынче ушица стерляжья у нас есть, отбивные телячьи, пирожки со вчерашнего дня оставались... Сейчас Фоминична придёт — будем с нею ужин готовить. А насчёт обеда нынче не распоряжались...

— Подавай, что есть, — махнул рукой Родион. — Садитесь, Георгий Павлыч.

Жигамонт сел, откинувшись на спинку стула, привычно внимательно разглядывая всё вокруг.

— Вы не подумайте дурного, доктор, — продолжал молодой человек. — У нас с обедом странная история. Непонятно, обед то или ужин. А всё потому, что вся семья живёт по своим правилам, мучая бедную Фоминичну. Матушка вечно занята, и к обеду даже редко показывается, приказывая принести себе что-либо в кабинет. Дядюшка часто бывает болен и тоже редко спускается и обедает у себя. Антон и Володичка ведут такой образ жизни, что и сами не имеют понятия, где будут через полчаса. А Владимир у нас англоман. Он обедает вечером, то есть тогда, когда вся остальная семья имеет обыкновение ужинать. И жена его соответственно. Только за ужином и собирается наша семья вместе. Завтракают все тоже в разные часы. Матушка поднимается в шесть утра, а Антон, к примеру, спит до полудня... Так-то и живём...

Между тем, проворная Даша уже разлила по тарелкам золотистую уху, от аромата которой сладко щекотало внутри, подала отбивные, пирожки, сыр,

овоши и фрукты, нарезала свежий хлеб, кокетливо поглядывая на доктора, и, наконец, замерла, ожидая других указаний.

— Спасибо, Даша, — улыбнулся Родион. — Ты у нас настоящая искусница.

— Полно вам, барин. Это Фоминична искусница, а я так... — махнула рукой Даша.

— Не скромничай. Дашенька, пожалуйста, отнеси княгине кофе и её любимый грильяж. Она просила.

— Сию минуточку, Родион Александрович, — кивнула Даша.

Ветер слегка колыхал занавески, и дышащие свежестью ветви растущей под окном берёзы врывались в комнату, ласково шелестя листвой. Алексей Львович Каринский, надвинув на глаза очки, внимательно просматривал листки бумаги, исписанные чётким, ровным почерком и довольно кивал седовласой головой:

— Дивно, душечка, дивно! Се экселент!¹ У тебя прелестный почерк, дитя моё. Я уверен, что с твоей помощью, наконец, осилю мои воспоминания для семейной хроники и в назидание потомкам.

— Я счастлива, дедушка, что могу хоть чем-то отплатить вам за ваши благодеяния ко мне, — тихо ответила стоящая у окна русоволосая девушка в простом сером платье.

— Ах, брось, брось! — замахал руками Каринский. — Ты просто обижаешь меня, душечка, подобными словами. Отплатить! Мои благодеяния! Разве же ты чужая мне? Ты моя родная внучка. Ты Марья Алексеевна Каринская! И у меня нет человека роднее тебя! Я уж не говорю о том, что с твоим появлением моя, едва не уничтоженная смертью обоих сыновей жизнь вновь обрела смысл! Ты радость моя, мой луч света!

Маша опустила перед Алексеем Львовичем на колени, прижалась губами к его морщинистой руке:

— Я так люблю вас, дедушка!

— И я тебя, душечка, — ответил Каринский, глядя её по голове. — Что бы я без тебя делал! Вероятно, не жил бы... Дитя моё, прожить долгую жизнь — это, может быть, великое счастье. Но лишь в том случае, когда есть для кого жить. Иначе жизнь становится непосильной ношей. Величайшее горе пережить всех своих близких и друзей. Ещё год назад я горестно роптал, что Бог наказал меня долголетием, но ныне я всякий день благодарю Его за то, что послал мне тебя.

— Бог милостив, дедушка...

— Да, душечка. И я молюсь, чтобы Он не оставлял тебя. Знаешь, дитя моё, что я подумал?

— Что, дедушка?

— Тебе пора выходить в свет!

— Нет, дедушка! — испуганно вскрикнула Маша.

— Отчего же нет?

— Меня никогда не примут в благородное общество... Ведь я... Моя матушка была всего лишь ключницей...

— Но твой отец был моим сыном! И я твой дед! И я выведу тебя в свет, и никто не посмеет дурно отозваться или даже посмотреть на тебя! — ответил Каринский, снимая очки. — Тебе пора подумать о замужестве. Найти хорошего человека! Я уже стар и хочу быть спокоен за твою судьбу, а спокоен я буду, лишь зная, что есть человек, которому я могу верить тебя.

— Разве хороший человек непременно должен быть знатен? Бывать в свете?

— Совсем нет. Твоим мужем станет тот, кого ты полюбишь, и кто полюбит тебя, ма анфан². Но ты не

должна дичиться людей. Тебе пора привыкать к ним. Это неизбежно, мой ангел.

В глазах Маши заблестели слёзы:

— Я не хочу... Но всё будет так, как вы прикажете, дедушка.

— Ну, ангел мой! — сплеснул руками Алексей Львович. — Перестань плакать немедленно! Пощади старика! Я не могу видеть твоих слёз!

В дверь постучали. Маша быстро утёрла слёзы и отвернулась к окну.

— Антре³! — громко произнёс Каринский.

В комнату впорхнул внучатый племянник Алексея Львовича Родион, а следом вошёл незнакомый старику человек:

— Здравствуйте, дядюшка! — сказал Родя. — Позвольте представить нам нашего гостя. Георгий Павлович Жигамонт, врач. Из Москвы.

Каринский надел очки, протянул гостю руку и приветствовал его радостно:

— А! Вот, и вы, шер ами! Же суи контант дё ву вуар!⁴ Лиза говорила мне, что вы приедете, и я с нетерпением ждал вас!

— Бесконечно раз знакомству с вами, Алексей Львович, — с поклоном ответил доктор.

Каринский с первого взгляда с удовлетворением определил в госте человека благородного и наделённого большим вкусом. Его костюм был пошит по последней моде, элегантный лёгкий пиджак коричневого цвета прекрасно гармонировал с галстуком. Лицо доктора имело тонкие черты, которым морщины лишь придавали благородства, а умные глаза его смотрели внимательно и участливо. «Милейший человек!» — решил про себя Алексей Львович и, подозвав внуку, представил её:

— Это Машенька, ма птит фий⁵.

Жигамонт учтиво поклонился и легонько пожал девушке руку. Машенька зарделась, присела в реверансе и, не поднимая глаз, пробормотала нечто приветственное и вновь отошла к окну. Каринский поманил доктора и, когда тот наклонился, шепнул ему на ухо:

— Машенька ещё очень юна и всех дичится...

Георгий Павлович понимающе улыбнулся.

— Присаживайтесь, шер ами, — пригласил Алексей Львович, указывая на глубокое кресло, стоявшее напротив него. — А тебе, Родя, я полагаю, не очень хочется слушать мою стариковскую болтовню, которую ты уже слышал бесчисленное множество раз?

— Что вы, дядюшка... Я всегда рад...

— Ну-ну, се не па врэ^б, — улыбнулся старик. — У тебя, наверняка, найдутся занятия интереснее. Я думаю, доктор не будет возражать, если ты нас покинешь. Не так ли, доктор?

— Разумеется, — кивнул Жигамонт.

— Ступай, мон шер! Увидимся за ужином!

Родион удалился, и Алексей Львович, сняв очки, обратился к Георгию Павловичу:

— Ах, шер ами, в нашем доме так редко бывают гости... Когда я был молод, в доме моего отца всегда собирались люди, и у себя я поддерживал тот же хлебосольный обычай. Каринские — не самый знатный род в России. Титулов мы не имеем... Наши давние предки были простыми воинами. Но один из них, Даниил Феодорович, стяжал себе ратную славу при нашествии поляков. Он служил под началом самого князя Скопина-Шуйского и был им отличаем. Есть во Владимирской губернии Каринское поле. Там в 1609-м наши славные войска разбили латинян. В той битве Даниил Феодорович отличился особенно. Он был сильно изранен. И за отвагу свою пожалован потомственным

дворянством, землёй и получил фамилию — Каринский. Вот, оттоль мы и пошли...

— Историю прекрасней всего изучать по следам своих предков, — промолвил Жигамонт.

— О, вы правы, голубчик! Как вы правы! — с чувством произнёс Алексей Львович. — Потому-то я и вознамерился написать воспоминания. Всё-таки я прожил на этом свете скоро девяносто лет и кое-что видел на своём веку. А не станет меня, и кто-то вспомнит, кто будет знать? А самая полная история слагается не пером одного летописца, хоть бы он был и самим Нестором, но живым потоком множества голосов. Вы понимаете меня, шер ами?

— Безусловно, и, поверьте, совершенно разделяю ваше мнение.

— Маша очень помогает мне в работе. Я уже скверно вижу, и мне сложно писать самому. Тан пи!⁷ А у неё прелестный почерк. И, с Божьей помощью, мы с нею окончим наш труд, — старик покосился на внучку, склонившуюся над вышиванием.

— А много ли уже написано? — спросил доктор.

— О, совсем нет! То пока лишь воспоминания моей молодости, — улыбнулся Каринский. — Но они-то и наиболее интересны. Так приятно вновь окунаться в дни своей юности... Вы, голубчик, ведь не можете знать, что это было за время! Вы тогда ещё не родились. А я уже был прелестным юношей, кавалергардом! Совсем недавно были разбиты французы, и все мы, мальчишки, грезили о ратных подвигах. Какой высокий дух патриотизма царил тогда в сердцах! Сейчас принято дурно отзываться о временах Императора Николая Павловича, а я вам скажу, что то были благословенные времена. Государь безо всякой охраны прогуливался по улице, ездил в санях... Можно ли теперь вообразить такое? Ведь до чего дошло: на Царя, на Помазанника

охотятся, как, прости Господи, на зайца! Государя среди бела дня разрывает бомбой, брошенной каким-то мерзавцем. И это — прогресс? Нет, реформы были нужны, я не спорю... Но, если такой результат... — Алексей Львович пожал плечами. — В моё время и вообразить себе нельзя было подобного.

— А как же восстание декабристов?

— Скорбная страница нашей истории. И всё-таки это несколько иное. Знать, гвардия и прежде активно участвовала в переворотах. Хотя декабристы, возможно, стали предтечами нынешних... Многих из них я знал лично... — Каринский вздохнул. — Мы встречались в различных собраниях, служили вместе... Это были умные, смелые и достойные люди. Для меня было большим огорчением, что дело так повернулось. По счастью, меня тогда не было в столице. Я был в отпуске, и мне не пришлось делать горький выбор между моими друзьями и моим Государем. Но я никогда бы не изменил моей присяге, это безусловно. Я, доктор, как и многие, любил нашего Государя и боготворил его. Это был настоящий рыцарь, воплощённое Самодержавие. Я до сей поры храню его портрет.

Жигамонт повернул голову и увидел небольшой писанный маслом портрет Императора Николая Павловича. Каринский также посмотрел на него и продолжал:

— Теперь просвещённая публика упрекает его в жестокости. А о какой жестокости идёт речь? Ведь даже семействам государственных преступников, коими, к прискорбию, оказались многие мои приятели, был назначен пенсioen, их детям по велению Государя к Рождеству дарились подарки, они направлялись в лучшие учебные заведения... Представьте, если бы в любой европейской стране случилось нечто наподобие Сенатской площади! Да и случалось же! И таковые восстания топились в крови. И это ни у кого, заметьте,

не вызывает возмущения. Только русский Царь не имеет права карать врагов престола. А как любезен был Государь! Мне трижды посчастливилось говорить с ним. Это было огромное счастье. Я готов был умереть за него. Нет, что и говорить, чудное было время... Кстати, Георгий Павлович, не желаете ли наливочки? Лечебной?

— Не откажусь, — улыбнулся Жигамонт. — Покорнейше благодарю.

— Машенька, ангел мой, принеси, пожалуйста, нам с доктором наливочки и что-нибудь закусить.

— Да, дедушка, — девушка поднялась и вышла, так и не подняв глаз.

— Под наливочку и разговор слаще, — лукаво подмигнул Каринский. — До ужина ещё много времени... Кстати, я всё говорю, а вас не спросил, что нынче нового в Первопрестольной и в столице?

— О столице немного могу сказать, так как моя практика целиком проходит в Москве, а Москва всё та же. Даже и не знаю, какие новости я мог бы рассказать, о чём бы не писали газеты.

— Я читал пару лет назад о памятнике Пушкину... Жаль, что не был на его открытии, не видел его. А вы были?

— О, да, конечно! — кивнул доктор. — На это торжество собралась вся читающая публика. Это был прекрасный день! Особенно потрясла всех речь господина Достоевского. Признаться, я и сам слушал её, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы слово. Он был тогда уже очень болен, и говорить ему было тяжело, но что это была за сила духа, что за мысли! После него никто более не решился тотчас брать слово, а в толпе прошёл слух, будто писателю сделалось дурно, будто он даже умирает. Но, к счастью, это оказалось вздором.

— Я читал эту речь в одном из журналов. Лиза выписывает всё, что выходит. Самой ей, правда, читать

некогда, зато читаю я, Родя, Машенька... Иногда Владимир с супругой... Впрочем, он выписывает себе заграничную прессу. Как будто бы мало своей... О чём это я? Ах, да, речь... На меня она также произвела впечатление. Я Машеньку просил перечитать трижды. И как точно там было о смирении, о нашем общем скитальчестве, о гордыне... Фёдор Михайлович был величайшим писателем. Жаль, что он ушёл так рано... Се домаж⁸...

В комнату вошла Маша, неся поднос, на котором стоял графин с наливкой, блюдо с фруктами и печенье. Поставив поднос на стол, девушка вновь заняла своё место у окна.

— Прошу вас, доктор, отведайте, — Каринский разлил наливку по рюмкам.

Жигамонт выпил напиток мелкими глотками.

— Ну-с, что скажете?

— Превосходно, Алексей Львович! Выше всяких похвал!

— Это фамильная наша наливочка, — гордо сказал старик. — Угощайтесь!

— Благодарю.

— Я, шер ами, очень ценю литературу. В юности я и сам грешил виршами... Я ведь имел счастье быть знакомым со многими настоящими литераторами. И с Пушкиным, и с Жуковским...

— Что вы говорите!

— Близкими друзьями мы, разумеется, не были, но, однако же, встречались, беседовали. У меня даже сохранилась одна записка ко мне Александра Сергеевича, в которой он благодарит меня за одолжение, которое я ему сделал.

— Какое же одолжение, если не секрет?

— Сущие пустяки, — рассмеялся Каринский. — Мы оказались вместе в одной компании, и Пушкин проиграл

крупную сумму в карты. Ему не хватало, чтобы заплатить, и я с радостью ссудил его необходимыми деньгами, тем более что мне в тот вечер везло.

— Поразительно, — с искренним интересом произнёс Жигамонт. — Вам, действительно, нужно непременно записать всё это. Вы знали столько выдающихся людей...

— Да, было время, — вздохнул Алексей Львович. — Машенька, к слову, очень любит Пушкина и Жуковского. Отчего-то прозу она жалуется меньше. Достоевский слишком тяжёл для её светлой и юной головки. А поэзию она обожает, целые поэмы наизусть может читать. Может, и вас уважит, прочтёт, если вы попросите.

— Я буду счастлив, но только если сама Мария Алексеевна этого пожелает.

Маша подняла глаза и чуть-чуть улыбнулась:

— Спасибо, господин Жигамонт. Я непременно что-нибудь прочту для вас.

— Умница, — похвалил старик внучку. — Знаете ли, доктор, иногда мне кажется, словно моя жизнь мне приснилась. Самому не верится, что я мог видеть столько всего. На моей памяти весь уходящий век. Все мои сверстники уже почили... У князя Вяземского есть чудные стихи:

Смерть жатву жизни косит, косит
И каждый день, и каждый час
Добычи новой жадно просит
И грозно разрывает нас.

Как много уж имён прекрасных
Она отторгла у живых,
И сколько лир висит безгласных
На кипарисах молодых.

Как много сверстников не стало,
Как много младших уж сошло,
Которых утро рассветало,
Когда нас знойным полднем жгло...

А мы остались, уцелели
Из этой сечи роковой,
Но смертью ближних оскудели
И уж не рвёмся в жизнь, как в бой.

Печально век свой доживая,
Мы запоздавшей смены ждём,
С днём каждым сами умирая,
Пока не вовсе мы умрём.

Сыны другого поколения,
Мы в новом — прошлогодний цвет:
Живых нам чужды впечатленья,
А нашим — в них сочувствий нет.

Они, что любим, разлюбили,
Страстям их — нас не волновать!
Их не было там, где мы были,
Где будут — нам уж не бывать!

Наш мир — им храм опустошенный,
Им баснословье — наша быль,
И то, что пепел нам священный,
Для них одна немая пыль.

Так, мы развалинам подобны,
И на распутии живых
Стоим, как памятник надгробный
Среди обитателей людских.

Вот, так и я теперь... Бог знает, может, это всем старикам кажется, что их время было лучше. А так ли на самом деле? Может быть, оно кажется нам прекрасным просто потому, что тогда мы были молоды, бодры, и впереди у нас была целая жизнь. Но всё-таки николаевская эпоха, при всех своих недостатках, была блистательна. Я помню, как пустили первый поезд в Царское. Теперь поезда стали обыденным делом, ими никого не удивишь. А тогда это было подлинное чудо! На поезде катали желающих... Для удовольствия. И билет стоил аккуратно семьдесят пять копеек. Большие деньги, между прочим! Я тогда только что женился и решил сделать моей супруге подарок: прогулка до Царского на поезде. Несмотря на то, что жалование моё было невелико, и я всё время нуждался в деньгах, я купил два билета, мы сели и поехали. Какой восторг был написан на её милом лице! Мон дьё!⁹ Какая это была дивная прогулка! Под конец моя милая жена поцеловала меня и сказала: «Милый Алексис, эта прогулка навсегда будет одним из лучших воспоминаний моей жизни!» Я чувствовал то же. А первая наша фотография! Тогда она впервые появилась в столице. Напротив Казанского собора. Заказчиков вначале было очень мало. И немудрено! Шутка ли сказать: двадцать пять рублей за карточку. И, вот, в очередную годовщину нашей свадьбы я повёл мою Елену Михайловну фотографироваться. Она вышла на той карточке чудно хорошенькой! Вы можете взглянуть: эта фотография стоит на полке, в рамочке.

Доктор поднялся и приблизился к полке. На ней, действительно, стояла старая фотография, на которой были запечатлены статный господин средних лет в мундире и с пышными усами и бакенбардами и

женщина, не утратившая красоты, несмотря на годы, с лицом, чем-то напоминающим Сикстинскую мадонну.

— Хороша, не правда ли? — улыбнулся Каринский.

— Да... — протянул Жигамонт.

— Она родила мне троих сыновей и дочь. Девочка умерла ещё ребёнком, а сыновья... — старик вздохнул. — Машенька немного похожа на неё, вы не находите?

— Сходство, определённо, есть, — кивнул доктор.

— Скажите, голубчик, вы долго собираетесь пробыть в Олицах?

— Надеюсь задержаться на какое-то время.

— Это дивно, дивно! — обрадовался Алексей Львович. — Только позвольте вас предостеречь, дорогой Георгий Павлович.

— От чего?

Каринский поднёс палец к губам и прошептал с заговорщическим видом:

— В нашем доме появился призрак! Да-да, голубчик! Машенька видела его собственными глазами и ужасно перепугалась. Фоминична потом отпаивала её лечебным настоем. И ещё три человека видели этот фантом! Только они все не знают, что это. А я знаю!

— Знаете?

— Знаю!

— И что же есть этот фантом?

— Это белая дама! — торжественно объявил старик, внимательно следя за реакцией собеседника.

— Белая дама? — изумился тот.

— Абсолюман¹⁰, голубчик!

— А кто такая белая дама?

— О, мой милый! Сразу видно, что вы не служили в гвардии! — Каринский нагнулся к уху Жигамонта и прошептал уже совсем тихо: — Белая дама — это смерть, доктор! В полку наш командир часто повторял

нам: «Кавалергарды, берегитесь: Белая Дама смотрит на вас!»

— Ах, дедушка, какие страшные вещи вы рассказываете! Мне опять будут сниться кошмары, — подала голос Маша, не отрываясь от рукоделья.

— Прости, душечка. Я лишь хотел предупредить доктора, чтобы уберечь его от неприятной встречи. Мой вам совет, голубчик, не выходите поздней ночью из вашей комнаты и запирайте её на ключ. От греха, как говорится, подальше.

— Спасибо за заботу, Алексей Львович. Хотя, признаться, мне было бы любопытно взглянуть на эту белую даму...

— Bravo, bravo, голубчик! — просиял Каринский, успевший за время недолгой беседы уже полюбить гостя. — Слова настоящего гусара! Будь я немного моложе, и сам бы нарочно вышел ночью в коридор, чтобы выследить наше привидение! Если вы вдруг решитесь на такое, чего я вам всё-таки не посоветую, то не ведите себя вызывающе. Может, и обойдётся.

— Спасибо за совет, дорогой Алексей Львович. Я непременно учту его, если всё-таки решусь на это отважное дело!

— В таком случае предлагаю тост за боевой дух! — рассмеялся Каринский, разливая наливку. — Ей-богу, голубчик, вы мне очень понравились!

— Будьте уверены, что это взаимно.

Елизавета Борисовна Олицкая была женщиной неутомимой и деятельной. Большой знаток женской души, Иван Сергеевич Тургенев, разделивший образованных русских людей на «гамлетов» и «донкихотов», с огорчением отмечал, что среди мужчин превалирует первый тип, тип углублённых в себя мыслителей, не способных к действию, тогда как русские женщины часто являют собой обратное. Немало

деятельных женщин вывел писатель на страницах своих книг. Одни из них искали мужчину, дабы идти за ним и сопутствовать в любых испытаниях, вдохновляя своего избранника и внушая ему веру в себя, другие эмансипировались, ударялись в революцию... Елизавета Борисовна всю свою энергию отдавала ведению хозяйства. Муж княгини был старше её на целых тридцать лет и был сверстником дяди Алексея Львовича, с которым приятельствовал. Склонности к ведению хозяйства князь не питал никогда, предпочитая предаваться более благородным занятиям, а потому не мог нахвалиться на молодую жену, взявшую бразды правления помещьем в свои руки. Прежде Олицким принадлежало гораздо меньше земли, и она была приведена в изрядное разорение. Однако, княгиня исправила это положение, продав собственное родовое имение Каринки, а на вырученные деньги скупив земли окрест Олиц.

Елизавета Борисовна сама вникала во все тонкости ведения хозяйства, не ленясь объезжать свои владения, не брезгуя разговаривать со своими мужиками, изучая литературу, посвящённую аграрным вопросам.

— Не барыня, а барин в юбке, — говорили о ней.

Умная и волевая хозяйка самолично проверяла счета, не доверяя управляющему и следя, чтобы он «воровал да не заворовывался». Благодаря её неусыпным трудам, дела в имении вскоре пошли в гору. Елизавета Борисовна стремилась улучшить быт своих крестьян, открыла школу для их детей, завела небольшую больницу, заведовать которой был поставлен ссыльный за народничество врач. Пропаганды народников Олицкая не опасалась.

— Охальные речи там страшны, где порядка нет, где люди впроголодь живут и потому злы. А мои крестьяне, слава Богу, сыты. Нищих нет среди них. В имении моём всё устроено. Я своих мужиков знаю, и они

знают меня. Знают, что их барыня о них заботится, работает не покладая рук. Не пойдут они супротив меня. А если и смутятся, так уж я найду способ их смущение рассеять, — говорила Елизавета Борисовна.

Крестьяне барыню, в самом деле, уважали, побаивались и любили. Нередко она бывала на их свадьбах, крестинах, подчас и сама выступая в роли крёстной.

Соседские помещики с завистью поглядывали в сторону владений княгини Олицкой. Елизавета Борисовна знала, что они недолюбливали её. Недолюбливали за всё: за «везение», благодаря которому она сделалась княгиней, за умение хозяйствовать, за независимый нрав и острый язык... Олицкая платила им тем же. Она редко навещала кого-либо, сторонилась светских мероприятий, держалась особняком, отчего слыла гордячкой.

— Пусть пустоплясы на балах скачут, а я рабочая лошадка, мне делом заниматься нужно, — парировала княгиня.

Но годы брали своё, и нет-нет, а вздыхала Елизавета Борисовна, оторвавшись от расчётных книг о том, что пролетела её молодость, пронеслись мимо неё балы и увеселения, а труд её и продолжить некому, не на кого положиться...

Вечерело. Олицкая отодвинула блюдо с грильяжем, потянула затёкшую спину, откинулась на спинку кресла, посмотрела на большой портрет Екатерины Великой, висевший над каминной полкой, и поманила рукой спавшего на бархатной подушке с кисточками шпица:

— Косолапушка, иди сюда скорее...

Шпиц подбежал, княгиня подхватила его, прижала к груди, поцеловала в хитрую мордочку:

— Зайка-зайка-чумазайка...

— Ваш шпиц, прелестный шпиц, не более напёрстка! Его погладил я: как шёлковая шёрстка! — раздался бодрый голос, и на пороге кабинета возник доктор Жигамонт, уже переодевшийся к ужину.

— А, милый Жорж, вы кстати, — улыбнулась Елизавета Борисовна. — Давайте сыграем с вами партию, покуда не было гонга к ужину.

— Гонга?

— Да... Владимир завёл этот обычай. На английский манер, — Олицкая поморщилась. — Надоело мне это англоманство... А, впрочем, чёрт с ним... Шахматы лежат на каминной полке.

Жигамонт взял коробку и поставил её на стол перед княгиней, пододвинув кресло и опустившись в него.

— Расставляйте, — сказала Елизавета Борисовна. — Обратите внимание, какая искусная работа. Эти шахматы принадлежали ещё моему деду.

Георгий Павлович проворно расставил затейливо вырезанные костяные фигуры на доске и заметил:

— У вас усталый вид, драгоценная Елизавета Борисовна.

— Ходите, доктор... Как прошёл день? Полагаю, вы провели его в обществе дяди?

— Вы угадали.

— И как он вам понравился?

— Алексей Львович, по-моему, замечательный человек и редкий собеседник. Я слушал его более двух часов и даже не утомился, хотя обычно столь долгие беседы действуют на меня усыпляюще. И с удовольствием бы слушал ещё.

— Да, дядя редкий рассказчик. Жаль, что у меня так мало времени... Впрочем, я не раз слышала все его рассказы. Надеюсь, он всё-таки запишет их.

— Я тоже на это надеюсь. Вам шах, княгиня, — отозвался доктор, закуривая трубку.

Елизавета Борисовна проворно проделала рокировку:

— А как вам понравилась наша Машенька?

— Милая девушка, но очень дичится. Кстати, ваш дядя дал мне ценные рекомендации по выслеживанию белой дамы.

— Что вы говорите? Что ж, я не буду против, если вы её выследите. Мне порядком надоел этот цирк...

— Любезная Елизавета Борисовна, вам не жаль рисковать моей жизнью? — шутливо осведомился Жигамонт.

— У вас есть оружие, милый доктор?

— Я врач, а не полицейский. Моё единственное оружие — моя трость.

— Негусто. Но вы умеете стрелять?

— Немного. Признаться, я лучше владею рапирой. В молодости один мой хороший друг давал мне уроки, и я оказался способным учеником.

— Я предпочитаю револьвер клинку. И будьте уверены, милый Жорж, если эта белая тварь встретится мне, то я не промахнусь. У меня рука твёрдая, и глаз — верный. Шах!

— Bravo, княгиня! Вы пользуетесь тем, что я отвлекаюсь на беседу с вами.

— А вы не отвлекайтесь. Я же не отвлекаюсь, — Олицкая отпустила собаку и вздохнула. — О моём сыне спрашивать не буду. Не один приличный человек не станет дурно говорить матери о её чаде... А других членов нашего семейства вы ещё, должно быть, не имели сомнительного счастья видеть?

— Увы!

— Ну, значит, за ужином увидите... Если бы вы знали, милый доктор, как они все мне надоели... Хоть бы Родя не уходил в монахи. Это будет для меня большим ударом.

— А он знает об этом?

— Напрямую я не говорила, но он не может не догадываться... Если Родя уйдёт в монастырь, то поместье после меня достанется этой своре старших детей моего мужа. Моего сына это не беспокоит. Он будет только рад избавиться от бремени лишнего имущества. И откуда в нём взялось это...

В этот момент раздался гонг. Княгиня поморщилась, как от зубной боли. Она не любила громких звуков, и пронзительный звон, возвещающий время вечерней трапезы, раздражал её. Елизавета Борисовна поднялась, оправила тёмно-фиолетовое платье, набросила поверх дорожную шаль более светлого тона:

— Идёмте, милый Жорж. К ужину у нас не принято опаздывать.

Столовая в доме Олицких была выполнена в английском стиле. Это была довольно тёмная продолговатая зала с тяжёлыми шторами и массивной мебелью, освещаемая большим количеством свечей в старинных канделябрах. Гулко постукивал маятник часов, и также гулко звучали шаги входящих, разговаривавших приглушённо, словно боясь нарушить чей-то покой.

Когда доктор Жигамонт вошёл под руку с княгиней в столовую, там уже находилась худощавая женщина и крепкого телосложения мужчина лет пятидесяти, одетый в белоснежную сорочку и фрак. Его не слишком густые волосы были тщательно прилизаны, а усы коротко подстрижены. Лицо мужчины было бледно, дородно, и уже явно намечался второй подбородок, а небольшие глаза смотрели нервно, бегали. Нервность сквозила и в облике его спутницы. Ей было явно за сорок. Можно было предположить, что лет двадцать назад она была интересной, но теперь лицо её избородили морщины, не скрываемые белилами и румянами, толстым слоем нанесёнными на кожу, что

говорило о желании дамы хоть как-то омолодиться и скрыть свой возраст. Женщина была одета в светлое платье, которое, вероятно, также должно было молодить её, но на деле вовсе к ней не идущее. Руки её украшали массивные перстни и браслеты, а шею — колье. Дама похрустывала пальцами и явно скучала.

— Добрый вечер, — приветствовала княгиня нервную пару. — Позвольте представить вам нашего гостя, доктора Георгия Павловича Жигамонта.

— Здравствуйте, княгиня. Здравствуйте, доктор, — с учтивым полупоклоном отозвался дородный господин, и Георгий Павлович тотчас определил надменность в его тоне и манере держать себя.

— Мы рады приветствовать вас, — добавила дама напряжённым голосом.

— Доктор, это князь Владимир Александрович и его супруга, Екатерина Васильевна, — произнесла княгиня.

— Рад познакомиться, — сказал доктор, поклонившись в ответ князю и поцеловав руку его жене.

Елизавета Борисовна заняла место во главе стола и поманила Жигамонта к себе:

— Садитесь рядышком, милый доктор.

Георгий Павлович покорно опустил себя слева от неё. Княгиня нагнулась к его уху и зашептала:

— Как вам нравится эта парочка? Этот самодовольный осёл всякий вечер наряжается так, будто едет на раут! И что ж? Дурак — он и во фраке дурак. И жена его не лучше. Два сапога, как говорится... Ни малейшего подобия вкуса! И она мечтает сделаться старшей княгиней Олицкой! Было бы у неё жало, так бы и впилась в меня...

Послышались шаркающие шаги, и в столовую вошёл поддерживаемый под руку Родей старик Каринский, а следом его внука, всё так же скромно опускающая глаза.

Олицкая легко поднялась и расцеловала Алексея Львовича:

— Дядюшка, добрый вечер! Как ваше здоровье?

— Прекрасно, душечка! Сегодня совсем прекрасно! — улыбнулся Каринский.

— Держу пари, это заслуга доктора! — предположил Родион.

— Ты, как всегда, прав, мой мальчик, — ответил старик и добавил, обращаясь к Жигамонту: — Рад вновь вас видеть, мон шер.

Алексей Львович, Родя и Маша расположились за столом справа от княгини.

— Уже четверть минут, а Антона всё нет, — произнёс Владимир Александрович.

— И твоего сына и друга, кстати, тоже, — заметила княгиня. — Я думаю, пора приступать к ужину. Дашенька, — обратилась она к горничной, — подавай, пожалуйста.

— Слушаюсь, барыня.

В этот момент в помещение вошёл мрачный господин средних лет с крупным горбатым носом и впалыми щеками, одетый в тёмный сюртук и брюки в полоску.

— Прошу простить за опоздание, — сказал он, раскланиваясь. — Всем доброго вечера и приятного аппетита. Княгиня, Алексей Львович...

— Познакомьтесь, милый доктор, это Борис Борисович Каверзин, адвокат... Он вырос в нашей семье, а потому считается почти членом её, — представила княгиня вошедшего.

— Очень рад, — кивнул доктор. — Георгий Павлович Жигамонт.

— Да-да, доктор, я слышал о вашем прибытии... Здравствуйте!

— Боренька, ты что-то бледен. Ты нездоров? — спросила Елизавета Борисовна.

— Ах, пустяки! Не обращайтесь внимания!

— Боря, ты не видел моего брата и Володю? — спросил Владимир Александрович.

— Нет, не видел, — мотнул головой Каверзин, усаживаясь. Он быстро положил в рот несколько пилюль и запил их тремя крупными глотками воды.

— Дашенька, наливай суп, — приказала Олицкая.

— Вы могли бы и подождать, пока все соберутся, — заметила Екатерина Васильевна.

— Семеро одного не ждут, — отозвалась Елизавета Борисовна, приступая к ужину. — Если хочешь, можешь подождать. А я, извини, лишнего времени не имею, к тому же голодна, как волк. Ты, дорогая, спать изволишь до двенадцати часов, а я с шести утра на ногах. А Антон с Володей могут и вовсе не прийти.

— Ну, почему ж не придём-то? — слышался звонкий голос, и в столовую вошли высокий молодой человек с тёмными волосами, расчёсанными на косо пробор, и озорно поблёскивающими глазами и мужчина лет сорока, плохо выбритый и неопрятно одетый.

— Вы опоздали на полчаса, — строго заметил князь.

— Папа, дядя мог и вовсе не прийти, если бы я не разбудил его, — ответил молодой человек, бесцеремонно кладя себе в тарелку кусок ботвиньи. — Даша, суп я не буду. Раз уж к супу я опоздал, так ограничусь совместным с семейством поеданием второго и десерта! Что у нас на десерт?

— Пироги с яблоками и черникой, яичный пирог...

— Не продолжай! И без того понятно, что и без всякого супа голодным я не останусь!

— Володя, веди себя прилично, — прошипела Екатерина Васильевна.

Княгиня постучала ложкой о фужер:

— Антон и Володя, прежде чем вы приступите к ужину, познакомьтесь с нашим гостем.

— Да уж не трудитесь, тётушка, — улыбнулся Володя. — Мы уже знаем. Доктор Жигамонт, Георгий Павлыч, из столицы. Простите великодушно, милейший доктор, за бесцеремонность. Дядя нынче не совсем здоров. Поэтому я его представляю за него: Антон Александрович Олицкий, младший брат моего отца.

Антон Александрович поднял мутный взгляд, кивнул, пробормотал что-то и потянулся за штофом. Каверзин проворно отодвинул его.

— Благодарю, Боренька, — кивнула княгиня. — Антон, я была бы тебе очень признательна, если бы ты не появлялся больше за столом в таком виде. Доктор, теперь вы можете созерцать наше семейство в полном составе и во всей красе. Этот юнец, — она кивнула на Володю, — как вы могли догадаться, Володичка, сын Владимира Александровича. Однако, мне непонятно, отчего так долго нет отца Андроника. Он обещался быть у нас сегодня. Странно, что он опаздывает... Родя, ты ничего не знаешь по этому поводу?

— Нет, матушка.

— Дашенька, подавай второе...

Георгий Павлович внимательно разглядывал присутствующих, погрузившихся в трапезу. Воцарившееся было молчание за десертом вновь прервал Володичка:

— Скажите, доктор, какое поприще лучше — статское или же военное?

— Володя у нас никак не может выбрать себе стезю, — пояснила Олицкая.

— Вот-вот, не могу, — кивнул Володя. — А уж пора бы! Мама настаивает, чтобы я по статской линии продвигался. В университет поступал! А у меня к наукам ну никакой решительно тяги нет!

— Иди в военные, — посоветовал Каринский. — Ты мальчик ловкий, статный, ростом прямо гренадёр! Из тебя бы даже кавалергард вышел! А что может быть

прекраснее службы в гвардии? Службы Отечеству и Государю? И мундир тебе будет очень к лицу, поверь мне.

Алексей Львович говорил, слегка растягивая слова, с характерным французским прононсом, манерно, и от этого речь его имела какую-то особую музыку и приятность.

— Военная служба мне больше по нутру, если честно, но призвания к ней я не чувствую. Доктор, каково же ваше мнение?

Жигамонт промокнул салфеткой уголки губ и, отложив её в сторону, ответил:

— По моему убеждению, хороша та служба, к которой душа лежит. Вот, у вас к чему лежит она?

— Сказать по чести, я лишь к музыке чувствую настоящую тягу.

— Так вы, позвольте узнать, музицируете?

— Володя играет на скрипке, рояле и гитаре. Он даже сочиняет музыку, — сказала Елизавета Борисовна. — Я не могу судить профессионально, но мне кажется, что у него недурно выходит.

— Точно, — кивнул Володя. — А папа считает, что музыка — это не занятие для князя.

— Разумеется, — веско произнёс Владимир Александрович. — Князь Львов, к примеру, сочинивший наш гимн, был в первую очередь офицером, приближённым к Его Императорскому Величеству.

— И блестящим, — подтвердил Каринский. — А как он изумительно играл на скрипке! Вы бы слышали! Даже Европа преклонялась перед его искусством! Его скрипку нельзя было перепутать ни с одной другой.

— Зато Глинка не был военным!

— Он не был и князем! — сухо отрезал Владимир Александрович.

— Отец знает, что говорит, — согласилась с мужем Екатерина Васильевна.

— А я думаю, что Володичке стоит учиться музыке, — сказала княгиня. — Может быть, из него выйдет новый Мусоргский или Бородин? Ну, по крайности, Рубинштейн...

— Князь Олицкий — это вам не Рубинштейн! — возразил Владимир Александрович.

— Эх, махнуть бы по Европе! Здесь — что? Даже послужить Отечеству и то порядочно нечем! — патетически воскликнул Володя.

— Музыка — дело доброе. Но, сынок, все композиторы были нищи... Нужно иметь более серьёзные основания в жизни! — сказала Екатерина Васильевна.

— Доктор, какое же ваше мнение? — спросил Володя.

— Какое может быть мнение у меня, когда я не слышал, как вы играете, — пожал плечами Георгий Павлович.

— В самом деле, — согласился Каринский. — Володя, голубчик, может быть, ты сыграешь нам? Музыка вечером — это так восхитительно! Я до сих пор не могу забыть музыкальные вечера в Петербурге. Как играл Лист! Как пела несравненная мадам Виардо!

— Вы слышали Виардо, Алексей Львович? — переспросил Жигамонт.

— Да, шер ами, я имел это несравненное удовольствие. Удивительный голос! Когда слушаешь, всё прочее исчезает для тебя. Говорят, что Гризи не уступала ей, но Гризи я не имел счастья слышать. А мадам Полина — это... — Каринский сделал выразительное лицо.

— Решено, — улыбнулась княгиня, — идёмте все сейчас в гостиную, и Володя нам сыграет что-нибудь.

— Авек плезир, ма тант¹¹, — просиял Володя.

Жигамонт допил бокал сухого белого вина и проследовал в гостиную, в которой, как оказалось, было оборудовано нечто вроде небольшой эстрады, на которой стоял белый рояль. Собравшиеся расположились в уютных, мягких креслах бежевого цвета в тон кремовым шторам, коврам, стенам. От обилия светлых тонов гостиная казалась почти воздушной. Володя принёс скрипку, прыжком вскочил на эстраду и, отбросив со лба длинные пряди волос, заиграл.

Георгий Павлович закурил трубку и стал слушать. Сам он никогда не играл ни на одном музыкальном инструменте, но любил музыку и хорошо чувствовал её. Живя в столице, он старался не пропускать выступлений московский и заезжих виртуозов, часто бывал в опере, хотя предпочитал ей симфоническую музыку и романсы. От игры Володи он не ожидал ничего выдающегося и был удивлён тому, как вдохновенно и даже талантливо играл молодой князь.

— Хорош, не правда ли? — шепнул ему Каринский.

— На удивление...

Юноша закончил игру и ожидающе посмотрел на доктора.

— Bravo, Володя! — воскликнул Родион, обнимая друга.

— Дивно, дивно, — закивал головой Алексей Львович.

— Итак, доктор, что скажите? — спросила княгиня.

— Я не специалист, — отозвался Жигамонт, поднявшись, — но мне кажется, что вы, князь, могли бы добиться больших успехов на музыкальном поприще. Во всяком случае, вам следовало бы поехать в Петербург или Москву и продемонстрировать свои умения людям знающим.

— Спасибо, доктор, за диагноз, — полушутя поклонился Володя. — Что ж, может, и, в самом деле,

махну по осени в Москву! Чем чёрт не шутит...

Юноша не успел закончить, так как в гостиную вошли двое: невысокий, сутулый человек с изрядными залысинами на крупной голове и старый священник с суровым лицом и белыми, как снег, волосами.

— О, отец Андроник! — тотчас поднялась навстречу княгиня. — Мы уже беспокоились о вас. Что произошло?

— Прошу простить, Елизавета Борисовна, меня срочно позвали к умирающему, — голос священника оказался немного резким.

— Что? Кто-то умер?

— Да. Прохор Саватьев.

— А... Да-да, — Олицкая вздохнула, — он уже давно хворал. Царствие небесное ему. Отличный плотник был и детей справных вырастил. Старуху его жаль, но у неё, благодарение Богу, уже внуки есть: справится. Заеду днями проведу её.

За окном зарокотал гром.

— Никак там гроза? — спросил Родион.

— И преизрядная-с, Родион Александрович, — кивнул спутник священника. — У отца Андроника бричка сломалась. По счастью я как раз возвращался из города и подвёз его.

— Спаси вас Христос за то, Архип Никодимович, — поблагодарил отец Андроник.

— Я сейчас велю ужин вам подать, — решила княгиня.

— Не стоит, Елизавета Борисовна, — покачал головой священник. — Я не голоден. К тому же нынче постный день. Мне бы разве чаю крепкого горячего да бараночку.

— Архип Никодимович, распорядитесь, пожалуйста, — сказала Олицкая. — И комната для отца Андроника пусть готова будет. И сами согрейтесь обязательно.

— Всенепременно-с, — отозвался Архип Никодимович и ушёл.

Этот человек с первого взгляда не понравился Георгию Павловичу. Во всём облике его сквозила хитрость, изворотливость и скрытая враждебность, и глубоко посаженные глаза его смотрел исподлобья как-то недобро. Зато отец Андроник всем видом своим внушал почтение и доверие. Высокий, худой, ещё крепкий старец в простой рясе, словно сошедший с древней иконы, он неспешно подошёл к каждому из собравшихся, приветствуя их. Княгиня немедленно представила ему доктора, и он благословил его.

Явившаяся Даша принесла чай с баранками и вишнёвым вареньем, к которому священник не притронулся.

— Отец Андроник — настоящий аскет. Не пьёт ни спиртного, ни кофе, а только воду и чай. Мало ест и спит. Образец подвижника. Из него вышел бы превосходный епископ, но он, кажется, вовсе не стремится к возвышению, но даже чурается всего с ним связанного, — шёпотом сказала Олицкая доктору.

— А что за человек был с ним? — спросил Жигамонт.

— Это наш управляющий, Лыняев. А что?

— Неприятная личность.

— В высшей степени. Но дело своё знает. Потому и держу. Откуда мне знать, будет ли иная личность приятнее? А когда ещё и дурак окажется? К тому же Лыняева я знаю, как облупленного, а к другому ещё приноравливаться. Кстати, Дашенька — дочь Архипа Никодимовича.

— Никогда бы не подумал...

Володя вновь завертелся по комнате, кажется, будучи просто не в состоянии сидеть на одном месте:

— Нынче прекрасная ночь! Гроза! Чем мы развеем нашу скуку?

— Тебе скучно, мой дорогой? — усмехнулась Елизавета Борисовна. — Скуке есть одна причина: безделье.

— Мне нет, тётушка! Но дядя, кажется, уже изволил заснуть!

Антон Александрович, в самом деле, дремал, подперев голову кулаком.

— Говорят, теперь во всех петербургских гостиных занимаются столоверчением, — сказала Екатерина Васильевна. — Может быть, не отстать и нам от высшего общества? Я слышала, что Муромцевы довольно часто устраивают у себя сеансы...

— Муромцевы — дураки, — резко бросила Олицкая. — Они бы лучше о своих мужиках больше заботились, а не столы вертели. Ишь невидаль!

— У вас, Елизавета Борисовна, все дураки, — нахмурился Владимир Александрович. — У них мужики себя помнят, и в строгости живут! А вы их распустили! Каждое неумытое рыло на барское крыльцо лезть норовит!

— У Муромцевых мужики отродясь досыта не ели. И пусть лучше они со своей бедой ко мне на крыльцо приходят, чем в леса бегут!

— Мужворьё пороть надо, Елизавета Борисовна! Пороть! Прежде то и было, нынче как крепостное право отменили, так и управы не стало!

Допив чай, отец Андроник поднялся:

— Поздно уже. С вашего позволения, Елизавета Борисовна, я вас покину.

— Разумеется, батюшка, как вам будет угодно.

— А я думал, вы нам скажете что-нибудь, — почти вызывающе сказал Владимир Александрович. — Кто прав, по-вашему, я или княгиня?

— Вы меня в мирские распри не мешайте, — отозвался священник. — Я свой выбор давно сделал. Я не с либералами, не с консерваторами, не с Царём, не с

бунтарём, а с Тем, Кто сказал «я есмь Истина», не с тем, кто твердит о хлебе насущном, но с Тем, Кто сам есмь Хлеб.

— Я провожу вас, отец Андроник, — вызвался Родион.

— Не стоит, сын мой, я знаю дорогу, — остановил его священник и, благословив всех присутствующих, добавил: — Господь да сохранит вас всех в эту ночь и дарует сон мирный!

— Володя, княгиня, полно вам ссориться, — подал голос Каверзин, когда отец Андроник ушёл, и доктор заметил, что тот сделался ещё бледнее, чем прежде. — Отчего бы и впрямь не развлечься предложенной забавой? Георгий Павлыч, как вы смотрите на это?

— Я не возражаю, — пожал плечами Жигамонт, не вынимая изо рта трубки.

— Помнится, я некогда присутствовал на сеансе у графини Шурановой, — произнёс Каринский. — Явившийся дух был не очень вежлив, и наш почтенный спирит постеснялся повторять его откровения при дамах...

— Что ж, столоверченье, так столоверченье, — махнула рукой Олицкая. — Только, Катя, если твой дух задержится, я уйду. Мне в шесть утра уже надо быть на ногах.

— Мне, если честно, не по нутру эта забава, — сказал Родя. — Спиритизм есть грех.

— Ах, мон ами, какой ты всё-таки педант! — воскликнул Володя. — Просто пренесносный, нудный педант! Это всего лишь забава!

— И всё-таки я не имею желаний в ней участвовать, — сказал Родион.

— Я тоже лучше поднимусь к себе, — тихо произнесла Маша. — Мне будет страшно, если дух придёт...

— В таком случае, я провожу тебя, Машенька, — улыбнулся Родя. — Чтобы ты снова не столкнулась с нашим призраком. Спокойной ночи!

— Они правы, между прочим, — заметила княгиня, поглядев вслед сыну и Маше. — Нам мало одного фантома, а вы хотите вызвать на нашу голову ещё одного...

— Может быть, он-то и расскажет нам про первого, — беззаботно рассмеялся Володя.

Все присутствующие заняли места вокруг большого круглого стола. В сплошном мраке, освещаемом лишь стоящей на столе свечой, едва можно было разобрать лица находящихся рядом. Каверзин то и дело утирал испарину, изредка делая мелкие глотки из бокала с вином, захваченного из столовой. Антон Александрович выглядел совершенно равнодушным, точно спал с открытыми глазами, а его брат смотрел мрачно, насупив брови, явно ещё не остывнув от стычки с мачехой, также принимавшей участие в «забаве» с усталым и раздражённым видом. Веселился лишь Володя. Алексей Львович отнёсся к сеансу с любопытством, вызванным отчасти ностальгией. Лишь на лице Екатерины Васильевны был написан почти священный трепет. Эта женщина явно верила в то, что делала.

— Возьмёмся за руки, — сказала она. — И, что бы ни случилось, никто не должен прерывать цепь.

«Кажется, скучно всё это будет... — подумал Жигамонт, почувствовавший, что насыщенный день всё-таки утомил его, и едва сдерживаясь, чтобы не зевнуть. — Скорее бы уж закончилось!»

В этот момент в комнате раздался шорох.

— Это он! Он здесь! — выдохнула Екатерина Васильевна. — Кто ты? Назови своё имя!

— А.К., — прошелестело едва слышно. — Смерть зовёт смерть, смерть идёт к смерти, смерть уже здесь,

смерть посреди вас, смерть за каждым из вас!

— Это она! Она! — прохрипел Каверзин, хватаясь за горло.

— Чёрт возьми! Включите кто-нибудь свет! — закричал Владимир Александрович.

— Не вспоминай его теперь! — вскрикнула Екатерина Васильевна.

— Дура!

В темноте мелькнула белая фигура, раздался грохот падающей мебели. Вспыхнул свет. Первое, что увидели участники сеанса, это отсутствие Антона Александровича. Стул его лежал на полу.

— Володя, где Антон? — спросила княгиня. — Он сидел подле тебя!

— Мне кажется, Антон Александрович за тем комодом, — кивнул Жигамонт на старинный комод, рядом с которым лежал ещё один уроненный стул и разбитая ваза.

Владимир Александрович решительно подошёл к комоду и вытащил из-за него перепуганного брата.

— Водочки мне, водочки... — шептал тот, едва шевеля дрожащими губами.

— Пьяница! — раздражённо бросила Олицкая.

— Идиот! — с не меньшим раздражением выдохнул князь, чьё лицо сделалось багровым.

Вновь послышался грохот и звон. Все обернулись, и увидели лежащего на полу без движения Каверзина, рядом с ним валялись осколки разбитого бокала, вокруг которых алым, похожим на кровь пятном разлилось вино.

Жигамонт бросился к Борису Борисовичу, и, встретившись глазами с его невидящим взглядом, уже почти безнадежно пощупал его пульс.

— Что с ним? — тихо спросила побледневшая Елизавета Борисовна.

— Он мёртв, — ответил Георгий Павлович, подбирая осколки бокала...

Глава 2

В рассветный час Москва ещё дремлет, не спеша пробуждаться в отличие от северной столицы, отобравшей некогда её первенство, но и подарившей тем ей счастливую безмятежность. Розоватая дымка окутывает золотистые маковки и шеломы её церквей, разливаясь перламутром по их белым стенам. Сказочно смотрится в такой час Москва! Особенно чудно глядеть на неё с возвышения: с Воробьёвых гор, например. Но совсем не туда направлялся скорым шагом Илья Никитич Овчаров, грызя жёлтыми зубами семечки, насыпанные в карманы старого, чуть ли не до дыр затёртого архалука серовато-зеленоватого цвета. И мало обращал он внимание на московские красоты, погрузившись в свои думы и глядя под ноги.

Илья Никитич направлялся к Бассейне, месту утреннего сбора всех московских дворников. Дворники, как известно, народ знающий. Потолковать с ними всегда полезно. А особенно нужно поговорить с теми, что работают в нужном месте — то бишь в Староконюшенном переулке и по соседству. А уж после можно заняться и «Балканами». Хотя вряд ли по прошествии такого срока кто-нибудь помнит там несчастную Аннушку и её прачку-мать. Недурно было бы ещё свести знакомство с полицейскими чинами. Кто-нибудь наверняка должен помнить дело о жестоком убийстве юной девушки: такие преступления случаются не каждый день. Когда бы дело происходило в родной Коломне, Овчаров нашёл бы нужных людей в считанные дни. Но Москва велика. А, главное, чужда, и не чувствовал в ней Илья Никитич привычной лёгкости.

Дойдя до Бассейни, Овчаров остановился, вглядываясь в суровые лица дворников,

перекидывавшихся друг с другом малозначащими словами. Дальнейший план действий ещё не созрел в его голове. Илья Никитич, вообще, редко составлял какой-либо план, предпочитая действовать по обстоятельствам. Внезапно кто-то тронул его за плечо. Овчаров обернулся и увидел дворника средних лет с тёмными, несколько растрёпанными волосами. Илья Никитич мгновенно оценил его белоснежный фартук и новые, блестящие сапоги, при взгляде на которые Овчаров невольно покосился на свои, истоптанные и грязные. Дворник, между тем, изучающе смотрел на него любопытными бирюзовыми глазами.

— Тебе чего, борода? — спросил Илья Никитич.

— Мне-то ничего, мил человек. А, вот, почто ты тут огинаешься? Али ищешь что?

— Да с чего ты взял? Вот, привязался!

— Ищешь-ищешь, — уверенно сказал дворник. — Ты откулешний будешь-то?

— Почём ты знаешь, что я приезжий?

— А своих я знаю, а тебя впервой вижу. Физиомордия у тебя не московская.

— Ходила к дьяку попадья... Прям-таки всю Москву знаешь? — недоверчиво усмехнулся Овчаров.

— Всю — не всю, а уж кого надо знаю. Так что ищешь-то ты, мил человек? Сказывай уж. Авось, я знаю.

— Ну, когда ты, брат, всю Москву знаешь, так, чем чёрт не шутит, может, и поможешь мне, — задумчиво произнёс Илья Никитич. — Не знавал ли ты некой мадам Ульбрехт, что держала швейную мастерскую на Староконюшенном?

— Куда хватил! — удивился дворник. — Она уж скоро лет двадцать, как из Москвы не своею волей выбыла. Небось, бесу душу давно отдала.

— Отчего ж бесу, а не Богу?

— А не для Господа Бога этикие души. Что тебе, мил человек, в сей даме?

— А работала у ней девушка. Аннушкой звали. Может, слышал?

— Слыхивал, — кивнул дворник. — Значит, ты той тёмной историей антиресуешься?

— Любопытствую, — подтвердил Овчаров. — Ты, борода, вижу, и впрямь всё тут знаешь. Так, может, подскажешь, с кем я об том деле потолковать могу?

— К Василь Васильичу тебе надо, по моему рассуждению.

— А кто таков Василь Васильич?

— Эх, мил человек, а ещё за москвича сойти думаешь! — рассмеялся дворник. — Василь Васильича Романенко на Москве всякая собака знает. Немалый чин имеет в сыскном ведомстве. Гроза преступников! Он то дело помнить должен. Одно из первых у него, кажись, было.

— Немалый чин, говоришь? Так он, глядишь, и разговаривать не станет?

— Коли в добром духе будет, так и поговорит, а, уж коли зол, так и в ухо может.

— Где ж мне его сыскать?

— А нет ничего проще. Квартирует он в Могильцах, в Мёртвом переулке. Если на водочку дашь, так хоть теперь провожу к нему.

— А служба твоя как же? — прищурился Илья Никитич.

— А я в том переулке и служу. Так что нам по пути.

— Ходила к дьяку попадья... Была — не была! В таком случае веди меня, — решил Овчаров.

День, кажется, складывался удачно. Ведь что ж, как не большая удача, попасть на такого знающего дворника? Теперь главное, чтобы сам господин Романенко был в добром расположении и не спустил незваного гостя с лестницы. А ведь хорошо, чёрт побери, свести знакомство с таким человеком! Ведь когда всё сложится удачно, так можно ж и со своим

делом обратиться! Не пригодится ли московской полиции опытный агент? Правда, не знает Илья Никитич Москвы, но так это дело наживное! Узнает! Ведь как можно дело-то повернуть!

Дом Василь Васильича Романенко находился аккуратно рядом с церковью Успенья и старым погостом. Овчаров перекрестился, вошёл вслед за дворником в подъезд, поднялся по тёмной лестнице. Неожиданно провожатый достал ключ, отпер одну из дверей и пригласил:

— Милости прошу, господин инкогнито!

— А где же Василь Васильич? — обомлел Илья Никитич.

— Улицы метёт, — рассмеялся «дворник», отклеивая бороду, снимая белый фартук и переступая через порог.

Овчаров прошёл вслед за хозяином на небольшую кухню, где последний опустился на стул и, закулив, предложил гостю:

— Присаживайтесь.

— Спасибо... — растерянно отозвался Илья Никитич, садясь и пряча под стол свои сапоги.

— Может, вы всё-таки представитесь?

— А... Да, извините. Илья Никитич Овчаров. Агент сыскной полиции Коломны.

— Коломны? — присвистнул Романенко. — Не бывал. Каким же ветром вас занесло в Первопрестольную, Илья Никитич?

— Так я уж вроде рассказал...

— То вы дворнику рассказывали, а то мне.

— Вы в самом деле большой чин имеете? — недоверчиво спросил Овчаров.

— Ну, не шибко дюжинный, однако, и не малый, — улыбнулся Василь Васильич, приглаживая волосы. — По крайней мере, вся столичная агентура проходит через мои руки.

— К чему ж тогда вам такой машкерад?

— Вы про дворницкую справу? Это, скажем так, дань прошлому и привычка. Я с первого дня работы в сыском ведомстве всякое утро с Бассейни начинаю. Нет более информированных людей в Москве, нежели дворники. Да вы ж и сами с них начали.

— Что ж, Василь Васильич, вы нынче в добром духе? В ухо не дадите? — спросил Овчаров, обретая вновь уверенность.

— Коли волынку тянуть не станете, а изложите мне кратко и понятно ваше дело, так не дам, — пообещал московский сыщик. — И не стесняйтесь вы так ваших сапогов, ей-Богу. Я ведь тоже с агентов начинал, по целому дню маковой росинки во рту не имел, сапоги сам чинил... Сказывайте да отправимся где-нибудь позавтракаем. Я, чёрт возьми, успел изрядно проголодаться после, как говорят в благородном обществе, утреннего променада.

Илья Никитич вздохнул и, собравшись с духом, принялся излагать как можно более внятно суть своего непростого дела.

По утрам в ресторации «Палермо» посетителей было немного. Лишь иные просиживали по нескольку часов, мелкими глотками цедя горячий чай с блюдец и утираясь полотенцами.

— Корнбиф с рисом и фаршированный калач, — приказал Василь Васильич шустрому половому в крупных конопатинах. — Чай подай ямайский или любой какой.

— Сей момент всё будет-с, господин Романенко.

Овчаров опасливо порылся в кармане, явно опасаясь, что завтрак может оказаться чрезмерно дорогим, но Василь Васильич ободрил его:

— Не волнуйтесь, Илья Никитич: я ведь привёл вас сюда, значит, я и плачу.

История, рассказанная коломенским сыщиком, весьма заинтересовала Романенко. Слишком хорошо, несмотря на прошедшие годы, помнил он дело Анны Колывановой, с которого началась его собственная служба в московской сысской полиции. Ведь никто иной, как Василь Васильич, приняв вид состоятельного клиента, обхаживал портниху Лейду Францевну, именно он добыл необходимые сведения и улики, позволившие разоблачить притон, скрывавшийся под вывеской швейной мастерской.

Убитая Анна Колыванова семнадцати лет, согласно свидетельским показаниям, была девушкой скромной, богобоязненной, трудолюбивой и отзывчивой, что сильно отличало её от прочих весёлых «воспитанниц» мадам Ульбрехт. У Лейды Францевны работала она всего лишь несколько месяцев, и, как рассказывали, портниха привечала её, относилась, как к родной дочери. Анна была чрезвычайно хороша собой, но молодых людей избегала, встречаясь лишь с сыном хозяина церковной лавки, Фёдором, который вскоре стал её женихом.

Составляя портрет убитой, Романенко с трудом мог поверить, что это тихое, целомудренное существо в реальности оказалось обычной камелией, подобной остальным ученицам Лейды Францевны. Тогда Василь Васильич поделился возникшими у него сомнениями со своим начальником и наставником Фролом Демьяновичем Былинниковым, но тот лишь отмахнулся:

— Зелен ты ещё, Вася! Не знаешь ты этих бестий! Напустят на себя вид воплощённой невинности, а сами-то во все тяжкие! Снаружи бело, а внутри, как в трубе печной — чернота одна. Эти девицы изнутри гниют. Видал ты яблоки иные? Казалось бы, такие румяные, красивые, а надкусишь — гнильё, червь уж их источил. Прочти повесть Гоголя «Невский проспект». Там про это как раз таки сказано.

— Мне книжек читать некогда, Фрол Демьяныч.

— И напрасно. На ночь вельми пользительно бывает. От них спится хорошо.

— Да я и так на сон не жалуюсь...

— Счастливый! — усмехнулся Былинников. — Ступай с Богом, работай. И не верь ты этим продажным тварям.

Фрола Демьяныча поддержал и следователь, ведший дело, также упрекнувший Романенко в молодости и неопытности.

Таким образом, следствие пришло к выводу, что жених убитой, узнав правду о ней, потрясённый этим открытием, решил сам покарать пригретую на груди змею, для чего завёз её в некое, пока неизвестное место и удушил, после чего, вероятно, для верности, нанёс ей в грудь два удара ножом. Оный нож, выпачканный кровью, был найден среди вещей Фёдора.

И снова мучили Василь Васильича сомнения. Во-первых, где произошло убийство? Труп был сброшен в реку, и установить место трагедии не представлялось возможным. Во-вторых, в свой последний вечер, согласно показаниям очевидцев, Анна навещала мать. Обратно она, как водится, возвращалась пешком, но встретила какую-то даму и мужчину, которые усадили её в свой экипаж и увезли. Подробное описание дамы, в которой была опознана мадам Ульбрехт, дал наблюдавший сцену дворник, приметивший также, что девушка не хотела ехать с нею и согласилась лишь после долгих уговоров. Лейда Францевна подтвердила, что вместе со своим добрым другом, имя которого назвать не пожелала, подвозила свою ученицу на Малую Никитскую, где жил Фёдор с отцом и матерью. Однако соседи последних не видели Анны в тот день, как не видели и сами родители подозреваемого.

Романенко готов был поклясться, что Лейда Францевна лжёт, но следователь отчего-то не желал

копать землю глубже. Кандидатура безответного Фёдора на роль убийцы его вполне устраивала.

Сам Фёдор вины своей не признавал и, кажется, был убит горем. Он утверждал, что не знал о тайной жизни своей невесты и ни за что не поверит в неё. И Романенко верил ему. Перед ним был простой парень, немного моложе его самого, похожий на ласкового телка, а не на жестокого убийцу. И все знакомые характеризовали Федю, как совершенно безобидное создание.

— Он курицу-то зарезать не мог, жалел, а тут живого человека! — качали они головами.

Начальство считало дело раскрытым, но втайне от него Василь Васильич продолжал вести своё расследование. Он опросил всех дворников, лавочников, мелких жуликов, нищих, гулящих девиц, извозчиков, чтобы выяснить хоть что-то, что могло бы пролить свет на тёмную историю. Романенко удалось найти извозчика, везшего в роковой вечер мадам Ульбрехт с её спутником.

— Рассказывай, рассказывай, — теребил его Василь Васильич, подливая купленной «для развязки языка» водки. — Что за мужчина был с нею?

— Дак ничего себе господин. Ростом пониже вас будет, одет хорошо. Бородка этакая, знаете ли, козлиная, стёкла на глазах.

— Молодой? Старый?

— Молодой, молодой. Хотя и сурьёзного вида, а молодой. Важный этакий. Дебелый да холёный. Из важных.

— Как к нему обращалась дама?

— Имени не называла. Всё «шеррами» да «шеррами». Шерамыжников развелось... Ащё благодетелем величала.

— О чём они сговаривались, ты не слыхал?

— Дак не прислушиваюсь я к чужим разговорам! Что мне до них? У меня в те дни баба родить должна была, шибко мучилась, так я об ней всё думал!

— И совсем ничего не слышал?

— Баба господину этому сказала: «Не волнуйтесь, всё будет, как договаривались!» А он ей: «Надеюсь. Цену-то вы заломили о-го-го!»

— А девчущку где они подобрали?

— Да она по набережной шла, а дождь накрапывал. Баба остановиться сказала, соскочила, к девчущке подбежала, сахаром вся перед ней растекается: «Душечка, голубушка! Рыбонька, деточка!» Стала её уговаривать с ними ехать. Мол, де, добрый друг приглашает на чай с пирожными да конфетами. Девчущка отказываться стала, говорила, что устала нынче, а та так и извивается. И господин тоже подошёл, что-то говорил ей. Да я не слышал, что. Далече они стояли. В общем, сговорили они её, посадили, я и поехал. Они всё щебетали этак сладкоголосо, да я не слушал.

— Худо, братец, что не слушал! Куда свёз их?

— А до Брюсова дома везти велели. Оттуда, сказали, прогуляться хотят. Дождь-то не пошёл, вечер чудный был.

— Куда б они от Брюсова дома пойти могли?

— А бес их знает, ваше благородие! Я деньги получил и уехал. А уж куда они пошли, али поехали, не моё дело. Я подле этого места задерживаться не хотел.

— С чего так?

— Там, говорят, колдун Брюс ещё живёт. Ну, как появится? — хитро ухмыльнулся извозчик. — Моё дело маленькое, я в чужие дела не лезу.

Удалось Романенко разузнать и ещё кое-что любопытное. Одна из «камелий», разоткровенничавшись, сообщила, между прочим:

— У Лейды девушки дорогие. У ней клиентов мало, а зато все богатые да знатные, которые огласки боятся, а до удовольствий большие охотники. До удовольствий с изюминкой. У нас-то просто всё, а Лейда — дело другое... У неё утончённые блюда, деликатес...

Начальство всё-таки узнало о неумеренной деятельности молодого сыщика, а Фрол Демьяныч сделал ему строжайшее внушение:

— Ты, сынок, без году неделя в полиции, а уж зарываешься! Не суйся, куда тебе не велят, и оставь свою самодеятельность раз и навсегда!

И Романенко, скрепя сердце, оставил. Фёдора осудили на двадцать лет каторги, но он умер уже через месяц от нервной горячки. Мадам Ульбрехт провела год в Бутырках, после чего была отправлена в ссылку. Василь Васильич остался в убеждении, что истинные виновники преступления остались без наказания, но сделать что-либо не мог. Именно поэтому он так хорошо помнил каждую деталь той истории по прошествии двадцати лет. Распутанное дело Романенко мог подзабыть, но преступления, оставшиеся без наказания, прочно застревали в памяти, оседали в душе чувством собственной вины.

И, вот, теперь Василь Васильич жевал калач и рассказывал поросшую быльём историю коломенскому коллеге. Провинциальный сыщик, насквозь пропахший тяжёлым духом дешёвого табака, Романенко нравился. В нём чувствовался азарт охотничьего пса, на которого Овчаров походил даже видом. Илья Никитич слушал, впитывая каждое слово, изредка резким движением руки с обгрызенными ногтями ероша соломенные волосы.

— Так что же вы думаете об этой истории? — спросил он, когда Романенко закончил. — Кто убил?

— Я не могу знать, кто, — ответил Василь Васильич. — Я думаю, что Колыванова не была одной из

подлянок мадам Ульбрехт. Я верю в данном случае моему чутью, которое редко меня подводит. Лейда Францевна содержала элитный притон, куда для известных удовольствий могли приходиться занимающие высокое положение клиенты, не боясь быть узванными или получить дурную болезнь. «Воспитанницами» этого заведения были совсем юные девицы. Среди них не было ни одной старше двадцати одного, двадцати двух лет. Все они были из нищих семей или же вовсе сироты. Я предполагаю, что ублажать клиентов их вынуждали ещё до достижения ими совершеннолетия. В том-то и деликатес. Острые ощущения для тех, кто уже перепробовал всё.

— А что говорили сами «воспитанницы»?

— Ровным счётом ничего! Лейда, шкура барабанная, была к ним добра, видите ли! А, между тем, почти все деньги шли ей в карман. А девушки получали сладости, милые побрякушки и прочие пустяки. Но не перебивайте. Я думаю, что милый друг, который был с мадам Ульбрехт в тот вечер, был клиентом, предназначенным для Колывановой. Но что-то у них не заладилось, и девушку пришлось убить. Но кто был этот человек? И почему наше следствие повело себя столь нерешительно? Тут-то и разгадка. Уверен, ваш работодатель мог бы пролить свет на это дело.

— Василь Васильич, а что стало с семьями Анны и Фёдора?

— У Анны, можно считать, семьи не было вовсе. Пьяница-мать. А родители Фёдора... Врать не буду, не знаю, что с ними стало. Мне то дело не доставило ничего, кроме неприятностей, и я не хотел возвращаться к нему. Да и смысла не было. Я был всего лишь на первом году службы... Знаю только, что лавку Палицыны продали в тот же год и куда-то уехали. Они ни на секунду не сомневались в невиновности сына. Если честно, я был у них лишь раз, а после и не заходил.

Стыдно было на глаза показаться, словно это я виноват, что их сына осудили...

— Мне нужно узнать их судьбу. Я не знаю, каким боком замешан во всём этом деле мой наниматель, но он заплатил мне деньги, и их я должен отработать. То есть узнать судьбу Палицыных, их родственников, когда такие есть, и увериться, что Фёдор, на самом деле, умер на каторге.

— Соответствующий акт можно отыскать, если постараться, — задумчиво произнёс Романенко, теребя ус. — Хотя на что это прольёт свет? В том, что он есть, я не сомневаюсь, а для того, чтобы проверить его верность, нужно прогуляться в Сибирь, да и там вряд ли что найдётся: лет-то сколько прошло. Впрочем, полагаю, тут всё верно. Я же видел этого Фёдора. Он уж тогда был на грани горячки и помешательства...

— Но хотя бы судьбу его родных!

— Это можно попробовать. Если только они ещё живы. Опросить ещё живых соседей да знакомцев, нащупать след и красться по нему. Только одному вам, Илья Никитич, не стоит приниматься за это дело.

— Почему ж?

— Вы, может быть, и хорошо знаете свое дело, но вы не знаете Москвы и её обитателей, и это тотчас чувствуется. А чужаку рассказывать ничего не станут, поверьте.

— А что ж мне делать?

— Вам? — Романенко задумался. — Вы где остановились?

— На Чижиковском подворье, — с гримасой отозвался Илья Никитич.

— Ба! И что ж, клопы-то вас там не одолели?

— Не спрашивайте! Эти канальские твари любого сожрут живьём! И зачем только их Бог создал?

— В таком случае, вот вам совет: пойдите теперь на ваше подворье, расплатитесь с хозяином, заберите

вещи, пойдите в баню, отдохните там душой и телом и вечером перебирайтесь ко мне.

— Да удобно ли это, Василь Васильич?

— Мне, друг вы мой, всё удобно, так как я неженат. Я нынче не могу дольше сопутствовать вам, поскольку спешу на службу, а вечером мы с вами займёмся вашим делом. Уж я его возьму в разделку!

— Да для чего же вам тратить время на моё дело? — удивился Овчаров.

— А оттого, что каждое дело, в котором не поставлена точка, во мне зудит, как укус клопа. А в том старинном деле точка не поставлена, и я хочу это исправить. Я хочу узнать, что произошло тогда. А, раз уж мы с вами столь чудесным образом встретились, то можно предположить, что это, как говорят святые отцы, воля Провидения, а ей надо следовать всегда, — Романенко поднялся, застегнул форменный китель.

Илья Никитич поднялся следом.

— Ах, да! Чуть не забыл самого главного! — воскликнул Василь Васильич. — Не идите в какую попало баню. Идите в Ломакинские. Непременно в Ломакинские! Баня, друг вы мой, первейшее самое дело. Баня — это ж почти как Причастие! Телу во здравие, душе во спасение! Эх, с каким бы удовольствием я отправился с вами! Чох-мох, не дал Бог!

— Не знаю, как вас и благодарить, Василь Васильич, — улыбнулся Овчаров.

— Бога благодарите, что свёл нас, — Романенко протянул Илье Никитичу руку. — Надобно было бы нам с вами на брудершафт выпить, но с утра я не усугубляю, а потому будем считать, что уж выпили и перейдём на «ты». До свидания!

— До вечера, Василь Васильич!

Романенко быстрым шагом направился к выходу, приговаривая любимую поговорку:

— Цоп-топ по болоту, шёл поп на охоту...

Глава 3

Пётр Андреевич Вигель задумчиво перечитывал полученное утром письмо. Письмо было от старинного друга отца Петра Андреевича доктора Жигамонта, просившего Вигеля прибыть в имение некой княгини Олицкой, где происходят довольно странные, по мнению Георгия Павловича, события. Пётр Андреевич отложил письмо и, поднявшись с места, прошёлся несколько раз по кабинету, заложив руки за спину.

Что можно предпринять? С одной стороны, нехорошо отказывать добрейшему доктору, но, с другой — стоит ли овчинка выделки? Ничего из ряда вон выходящего в доме Олицких не произошло. Безусловно, странности есть, но есть ли преступление? Что ж, выходит, надо ждать преступления? А если можно предупредить его? Георгий Павлович — человек здравомыслящий, остроумный, уравновешенный — он не стал бы писать зря.

Вигель распахнул окно и глубоко вдохнул воздух, который, однако, ничуть не освежил его, так как последние дни был раскалён до предела. Было настолько душно, что казалось, будто воздух стал твёрдым, и каждая клетка тела ощущала его тяжесть. Пётр Андреевич захлопнул окно и утёр платком шею. Должно быть, хорошо теперь в загородном имении князей Олицких! Но ехать туда нет никакой возможности. Нельзя же, в самом деле, оставить службу на неопределённый срок. Двухнедельный отпуск начальство обещало несколько позже, а Жигамонт просит приехать как можно скорее. Нет, никак не вытанцовывается...

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянуло жёлтое, высохшее лицо с огромными мешками под глазами.

— Дозволите-с зайти по старой дружбе-с?

— А, это вы, Любовицкий... — протянул Пётр Андреевич. — Что ж, входите, коли пришли.

— А вы мне не рады, — заметил Антон Сергеевич, входя.

Он и всегда был похож на высохший корень какого-то растения, но с годами сходство это увеличилось ещё больше. При этом в последнее время Любовицкий стал уделять большое внимание своему платью. Вот и теперь был он одет в белый парусиновый костюм, а голову его венчала белая широкополая шляпа. Это одеяние смотрелось на Антоне Сергеевиче вполне нелепо, но он, видимо, не догадывался об этом.

Любовицкий по-хозяйски расположился на одном из стульев, огляделся и спросил:

— Вы, я слышал, днями-с новую должность получили-с? Повышение-с?

— И что же с того?

— Поздравляю-с!

— Благодарю, — холодно отозвался Вигель. Этот визит был ему неприятен. Бывший писарь, сделавшийся теперь известным газетчиком, раздражал Петра Андреевича, но он старался не показывать виду.

— А что наш дорогой Николай Степанович? Его ещё за абшид не вывели-с? — любопытствовал Любовицкий, играя тростью.

— Нет, — улыбнулся Вигель. — Просто сейчас он в отпуске.

— Это хорошо-с. А то, боюсь, велел бы он меня взашей вытолкать, не поглядев на моё болезненное состояние-с! Вы-то не вытолкаете-с? Очень тогда жёстко обошёлся со мной ваш наставник. Лишил места. А если бы я с голоду Богу душу отдал-с?

— Вас предупреждали, господин Любовицкий, чтобы вы не передавали материалы следствия в газеты. Не понимаю, чем вы недовольны.

— А я доволен, Пётр Андреевич! Я Николаю-то Степановичу благодарен-с! Я нынче лицо известное-с! Мои записки в журналах печатают-с! Знаете, откуда я вчера прибыл? Из Петербурга-с! Нынче я принят в домах известных литераторов. Да-с! Увы, наша литература переживает не лучшие времена-с. Достоевский, Тургенев — невосполнимые потери-с. Один Толстой ещё держит знамя... Кстати, я в скором времени буду у него-с.

— Наша литература, Антон Сергеевич, вырождается в газетничество.

— Ах, Пётр Андреевич, для нашего брата настало не лучшее время. Новый Царь встал на сторону гасильников. Реакция-с!

— И слава Богу! — резко отозвался Вигель. — Пусть будет реакция, и ваши журнальные склоки затихнут. Вы уже взбаламутили общество до того, что у нас стали убивать Царей, а присяжные отпускают убийц гулять по улицам, которые встречают их цветами и аплодисментами, как подлинных героев! Довольно!

— Мы-с? Нет, господин Вигель, мы только-с выражаем мнение народа.

— Когда вы видели народ, Любовицкий?

— Послушайте, Пётр Андреевич, для защиты самодержавия у нас есть Катков, Суворин... Уж не желаете ли вы, чтобы его защищали-с прогрессивные люди из разночинцев тогда, когда сама аристократия-с точит на него зуб? Может быть, вы не знаете-с, как злословили в салонах, когда умирал наследник престола-с?

— Знаю, Любовицкий. Знаю и то, как ответил злословящим Тютчев:

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строят ков...

«То божья месть за поляков»,—
Вот, что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?..
Кто говорит так: польский поп
Или министр какой из русских?

О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия,—

И отповедью — да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена — царь в плену!» —
И Русь спасти его не встанет.

Вы поддерживаете подлость, Антон Сергеевич.

— Когда подлость становится нормой, то её остаётся только поддерживать.

— Подлость становится нормой, когда такие, как вы, слагают ей гимн. У меня много работы, Любовицкий, поэтому не потрудитесь ли объяснить, зачем вы пришли?

— Ах, Пётр Андреевич, — вздохнул бывший писарь, поднимаясь, — как вы становитесь похожи на господина Немировского. Вот, слушаю-с вас, а вижу перед собой его.

— Считаю это комплиментом. Так что же вам угодно?

— Нет ли какой-нибудь любопытной историйки у вас? Я бы статеечку чиркнул-с.

— Я полагаю, что ответ вы знаете, — отозвался Вигель, поднимаясь.

— В таком случае, передавайте-с поклон Николаю Степановичу. Прощайте-с! — Любовицкий выскользнул из кабинета, притворив за собой дверь.

Как змея всякий раз вползает! — подумал Пётр Андреевич. А сколько в этом тщедушном борзописце явилось гонора, прежде придавленного ничтожеством собственного положения! Он допущен к известным литераторам! Он вскорости будет лицезреть Толстого! Это, впрочем, не так уж и сложно. Граф, как известно, людей не избегает, и к нему может явиться кто угодно. Но с каким чувством превосходства стал изъясняться этот господин Любовицкий! И только ли он! Нет, все, подобные ему! Особенно свысока смотрят они на полицейских. И добро бы только они смотрели так! Но уж иной благородный человек стесняется подать руку полицейскому, боясь быть уличённым в сочувствии реакции. Даже иные офицеры стесняются. Это мания, заразная болезнь, поразившая общество. Какой закон может быть там, где служители его почитаются за нелюдей и становятся кастой неприкасаемых?! А, если закона нет, то на чём будет стоять государство? На моральных принципах, которые есть далеко не у всех, а у кого есть — столь различны, что никак не могут ужиться? Развал... Развал... Вся надежда на нового Государя, на его здравомыслие. Может быть, удастся этому богатырю на троне вернуть разлившиеся реки в их русла...

И всё же неплохо, что Любовицкий решил зайти. Беседуя с ним, Пётр Андреевич, наконец, решил, как поступить с делом доктора Жигамонта, и, довольный нашедшимся решением, погрузился в бумажную работу, которая сразу же пошла значительно быстрее и легче.

— Ну, здравствуй, друг сердечный! — приветствовал следователь Немировский своего бывшего помощника и ученика. — Я лишь неделю в отпуске, а уж ты поспешил навестить! Рад видеть тебя!

Николай Степанович похлопал Вигеля по плечу и провёл в свой кабинет. Кабинет был небольшим, и первое, что бросалось в нём в глаза, была большая клетка, в которой посвистывал соловей.

— Куликом поёт, обрати внимание. Чудо, как хорош! У самого Саломяткина брал.

— А что Анна Степановна, здорова? — спросил Пётр Андреевич, усаживаясь.

— Слава Богу, — улыбнулся Немировский, отбрасывая со лба прядь серебристых волос. — Она должна вскоре вернуться. Решила отправиться к вечерней службе. Так что, если не торопишься, сможешь сам ей засвидетельствовать почтение. Ты же знаешь, как она всегда рада тебя видеть.

— Сегодня утром Любовицкий приходил, — сообщил Вигель.

— И что ж с того? — Николай Степанович туже затянул пояс длинного тёмно-зелёного халата, одетого поверх белоснежной сорочки. — Всё-таки, какое счастье, что он больше теперь не писарь у нас. Всякий раз страшно было, что он в газеты важные детали продаст. Что за человек! И ведь не глуп же! Желчи в нём чересчур много...

— Он вам поклон передавал.

— Премного благодарен, — Немировский поморщился. — А с каких это пор ты темнить научился, Кот Иваныч? Пришёл и тень на плетень наводишь. Я ж вижу, что ты по делу пришёл, так чего ж ты это дело за пазухой, как камень, прячешь? Давай его на белый свет — разберём совместно.

— Ничего-то от вас не скроешь, Николай Степанович! — покачал головой Вигель.

— И не пытайся, друг сердечный! Ты, конечно, следовательно от Бога, но уж со мною покуда ранёхонько тебе тягаться. Выкладывай, что у нас стряслось?

— Вот, — Пётр Андреевич протянул старому следователю письмо. — Я получил его сегодня утром, и ума не приложу, как поступить.

Немировский надел очки и внимательно прочитал письмо. Свернув его и отдав Вигелю, он задумчиво произнёс:

— Любопытная история... Две смерти, записки с угрозами, призраки, странное поведение некоторых членов семьи — прямо роман выходит. А что твой доктор, с брызгу говорить не станет?

— Нет, Георгий Павлович человек серьёзный. Я его хорошо знаю.

Немировский хрустнул пальцами, извлёк из кармана тавлинку, понюхал табаку:

— А ты всё-таки лукавишь со мной, Кот Иваныч.

— О чём вы? — вскинул брови Вигель.

— О том, что ума не приложишь, что делать. Прочёл ты это письмо и подумал, что грех не помочь добрым людям, когда они просят. К тому же у тебя хорошие отношения с этим доктором, и тебе не хотелось бы подвести его. Но есть одна закорючка: не отпустит тебя начальство по неотложному делу на неизвестный срок, а отпуска ещё ждать надо. И вспомнил ты о старом-добром Николае Степановиче, которому сейчас всё равно делать нечего и который легко мог бы съездить в имение Олицких, тем более, что происходящее там не может не заинтересовать его! Ведь ты так рассудил? — с напускной строгостью спросил Немировский, вглядываясь в покрасневшее лицо Петра Андреевича.

— Я только хотел посоветоваться... — неуверенно начал Вигель.

Николай Степанович рассмеялся, прищурился и сказал ласково:

— Ну, покраснел, точно девица красная! Ты уж не юный мой помощник, чтобы так тушеваться. Тем более, что рассудил ты верно. Мне интересно это дело. К тому же оно даёт возможность совершить приятную поездку, погостить вдали от матушки-Москвы. Ей-Богу, за эту неделю я успел соскучиться. Не представляю, как буду убивать время после отставки.

— Так вы согласны поехать в Олицы? — обрадовался Вигель.

— И с удовольствием!

— А как же ваш принцип о необходимости отдыха?

— Так разве же я еду работать? Разве может быть отдых лучше? К тому же здесь я не отдыхаю, а скучаю, хоть мне и совестно в том признаться.

В коридоре раздался частый стук каблуков, дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появилась запыхавшаяся, разрумянившаяся девушка в светло-голубом платье и изящной шляпке.

— Добрый вечер, дядя! — выдохнула она и, заметив Вигеля, добавила: — Простите, я не знала, что у вас гость.

Немировский и Пётр Андреевич поднялись ей навстречу. Николай Степанович ласково поцеловал крестницу в лоб:

— Егоза! Познакомься с господином Вигелем!

— Здравствуйте, Пётр Андреевич! — сияюще улыбнулась девушка, протягивая затянутую в белую перчатку руку. — Так это вы и есть? Мне о вас рассказывала тётушка.

— Это моя крестница, — сказал Немировский. — Анастасия Григорьевна Завьялова.

— Ася, — подтвердила девушка.

— Счастлив знакомству, — с учтивым поклоном ответил Пётр Андреевич, пожимая протянутую руку.

— Асенька, Анна Степановна не очень устала?

— Нет, не очень. Тётя сейчас переоденется и спустится в гостиную. Пётр Андреевич, вы останетесь с нами ужинать?

— Благодарю, Анастасия Григорьевна, останусь с большой радостью.

— Тогда я сейчас распоряжусь, — Ася скрылась за дверь.

Немировский с любовью посмотрел вслед девушке. Старый следователь не был женат и не имел детей и проникся к своей юной крестнице отеческим чувством. Вдобавок его радовало, что его сестра, самый близкий ему человек, с приездом Аси взбодрилась и повеселела.

— Ну-с, что скажите, Пётр Андреевич? — спросил Николай Степанович, взглянув на молодого коллегу. — Как вам моя Ася?

— Очаровательная девушка. Анна Степановна говорила мне о ней. Давно ли она приехала к вам?

— Ты не так давно был у нас, чтобы она гостила давно, прости за тавтологию. Она приехала десять дней назад. Как снег на голову! Телеграмма отчего-то задержалась и пришла уже после её приезда. Так что мы даже не встретили её на вокзале, и она нашла наш дом сама. Но Анна Степановна была счастлива её приезду! Ты же знаешь, как она тянется к молодым людям, как ей всегда весело с ними. Ася — дочь моего покойного друга. Он с семейством жил в Петербурге, а потому виделись мы нечасто. Правда, Анна Степановна часто переписывалась с его супругой и с самой Асей, даже ездила гостить у них. Раза два и они бывали у нас... Друг мой давно скончался, а Асю приняли в Смольный. Там с нею говорила однажды сама Императрица. Она тебе об том непременно расскажет. Матушка её, увы, тоже умерла в минувшем году... И Ася, по окончании Смольного, решила пожить у нас, чему я только рад. Она хорошая девочка. Конечно, и в ней есть что-то от эмансипэ, как почти во всех современных

девушках, но это в ней пройдёт. Тут дань моде, не более того.

Немировский помолчал и, взглянув на часы, заметил:

— Анна Степановна, должно быть, уже в гостиной. Ступай и ты к ней. А я вскоре присоединюсь к вам.

Ася вихрем ворвалась в свою комнату и прыжком бросилась на кровать, уткнувшись горящим лицом в шёлковое покрывало. Ах, как хорош! Как хорош этот дядюшкин молодой друг! Какие глаза у него! Как яркое летние небо, которое видно сейчас из окна! Сколько мужества, благородства, ума! Сердце девушки возбуждённо прыгало в груди. Она рывком поднялась, села на кровати, подобрала под себя сильные ноги, и мечтательно вздохнула.

Ася Завьялова всегда обращала на себя внимание молодых людей. Она не была красавицей в классическом понимании этого слова, но было в ней очарование, которое часто превосходит самую искусную красоту. Широкая в кости, крепкая, хотя и безукоризненно стройная, Ася отличалась отменным здоровьем, жизнелюбием и весёлостью, написанной на её румянном лице с тёмными глазами и золотистыми непослушными локонами. Рано лишившись родителей, оставивших ей небольшое, но всё же недурное наследство, Ася отличалась самостоятельностью, решительностью, доходившей подчас до вздорности. В Смольном весёлая мадемуазель Завьялова скучала и мечтала лишь о том, чтобы скорее покинуть его стены. Ей казалось, что жизнь проходит мимо, и она упускает что-то бесконечно важное, живя в пансионе. Вырвавшись из оногo, Ася немедленно оставила родной город. Во-первых, столица успела наскучить девушке, мечтавшей увидеть другие края, о которых читала в

книгах, а, во-вторых, оставаться в опустевшем после смерти родителей жилище было ей тяжело.

Своего крёстного Ася прежде видела всего лишь несколько раз, но этого хватило, чтобы он стал для неё, привязчивой по натуре, близким и родным человеком. Ещё в детстве она почувствовала, что этому пожилому господину с необыкновенными лучистыми глазами можно доверять. Будто бы волна теплоты шла от него, и оттого с ним рядом всегда было так спокойно и хорошо. Тётушка Анна Степановна полюбилась Асе не меньше. Милая старомодная дама, растворяющаяся во всех, кому случалось обратиться к ней. Поэтому сомнений, куда ехать, у выпускницы Смольного не возникло.

За свою недолгую жизнь Ася ещё ни разу не была влюблена. Лишь короткий момент она, как и многие юные девушки, была увлечена философом Владимиром Соловьёвым, на чьих лекциях бывала несколько раз. В этом красавце с чёрными, как бездна, глазами, таилось нечто демоническое, действовавшее неотразимо на девичьи сердца. И столь же завораживал глубокий голос философа, произносивший речи, смысла которых Ася не понимала, но и, не понимая смысла, слушать его доставляло ей большое удовольствие. Отчего-то при взгляде на Соловьёва ей вспоминался лермонтовский демон, «дух изгнанья», и это лишь придавало притягательности. Об известном философе ходили разные слухи: рассказывали, как раздавал он ниимущим все свои деньги и вещи, не оставляя себе ни гроша, как явилась ему сама София, искомая и проповедуемая им, как напал на него и чуть не убил бес. Анна Степановна однажды назвала Соловьёва колдуном. Примерно год Ася тайно любовалась на портрет философа, а потом убрала его в коробку из-под шляпы, на том увлечение и окончилось, о чём девушка немного сожалела. Ведь увлечение кем-то или чем-то придаёт новое содержание и звучание скучной повседневной жизни.

Но вечером этого дня, увидев в кабинете крёстного господина Вигеля, Ася почувствовала, что неожиданно для себя оказалась на пороге куда более сильного увлечения.

Приближалось время ужина. Ася распахнула тяжёлую дверь дубового гардероба и стала задумчиво перебирать свои платья. Ей очень хотелось произвести на Петра Андреевича приятное впечатление. Выбрать туалет для девушки, имеющей в своём гардеробе хотя бы несколько платьев, всегда пресложная задача. Белое очень идёт, но для скромного ужина будет смотреться слишком празднично. В розовом не хватает взрослости, которая необходима для беседы с таким умным и серьёзным господином. Нельзя допустить, чтобы он видел в ней ребёнка! Ах, вот, то, что нужно! Пошитое весной воздушное платье цвета шампанского. В нём Ася неотразима — так говорят все!

Проворно одевшись, девушка расчесала густые, пшеничного цвета волосы и, с удовлетворением взглянув на себя в зеркало, прыснула со смеху, невольно вспомнив гоголевскую Оксану: «Хороша я! До чего ж хороша!»

Глубоко вздохнув, Ася вприпрыжку помчалась в гостиную. Прежде чем войти, она остановилась, вслушиваясь в доносившиеся голоса тётки и гостя, и лишь затем неспешно вошла и остановилась на пороге. Вигель тотчас поднялся, а сидевшая на диване Анна Степановна радостно улыбнулась:

— Ася, девочка моя, проходи! Ты ведь уже знакома с Пётром Андреевичем?

— Да, Николай Степанович нас представил друг другу.

— Пётр Андреевич, я так рада, что ты решил провести этот вечер в нашем обществе. Мне так приятно видеть вас обоих. Вы оба так молоды, так

красивы! И я люблюсь вами, как родными детьми! Садитесь же рядом со мною!

Вигель опустилсся справа от Кумариной, а Ася слева. Анна Степановна поглядела на них, пожалала им руки:

— Когда вы рядом, я чувствую себя молодой и полной сил. Вам этого не понять пока. Вы молоды. Но, прожив с моё, вы поймёте, как это важно. Ведь я уже очень старая. Мне страшно сказать, сколько мне лет, поэтому не скажу. Нынче я ходила сама на службу — и это было счастье. Потому что я смогла дойти до церкви сама, тогда как ещё недавно несколько месяцев не могла подняться с кресла. Нет, всё-таки счастье очень щедро даётся нам. Только оно напоминает жемчуг, который расточают перед свиньями... Мы пробегаем по драгоценным крупицам, не замечая их, а потом плачем, что нам их не досталось. Какие мы все заблуждённые... Кстати в нашей церкви появился молодой певчий. Чудный голос. Слёзы наворачиваются... Ты ведь слышала, Ася?

— Разумеется, ма тант¹². Я тоже отметила.

— Ты напомни мне, пожалуйста, чтобы я Соне денег дала на нищих да блаженненьких. А то меня память подводит уж... Я говорила тебе, Пётр Андреевич, что моя Соня к Сергию Преподобному пешком идти вознамерилась? У меня душа не на месте. Ведь старуха совсем. Как пойдёт? Дойдёт ли?

— Богоугодное дело, — ответил Вигель, и Ася заметила, что он искоса смотрит на неё. — Всякому бы православному надлежало совершить его.

— Ты прав... Я и сама бы хотела, и Соне моей завидую. Да страшно мне. Тяжело... Уж я ей накажу просвинок купить... Пётр Андреевич, а отчего ты столь давно не читал мне своих стихов?

— Пётр Андреевич, вы стихи пишете? — приподняла брови Ася. — Почитайте, пожалуйста!

— А вы любите поэзию, Анастасия Григорьевна?

— А кто же не любит её?

— И чьи стихи вам по сердцу?

— Я Баратынского люблю, — улыбнулась Ася. — А ещё Соловьёва. Так вы прочтёте что-нибудь?

— Непременно, но в другой раз, — пообещал Вигель. — Я думаю, сейчас уже придёт Николай Степанович.

Лишь только были произнесены эти слова, как в гостиную вбежал крупный лохматый пёс, а следом за ним вошёл и сам Николай Степанович.

— Ну-с, о чём судите-рядите, друзья сердечные? — спросил он, крутя в руке тавлинку. — У Сони уже стол накрыт!

Анна Степановна поднялась и оперлась на поданную братом руку:

— Мы, в самом деле, немного заговорились.

Ася посмотрела на Петра Андреевича:

— Идёмте?

— Да-да, разумеется! — кивнул Вигель, с лёгким поклоном предложив девушке руку.

Ася почувствовала тонкий аромат фиалки горных Альп, исходивший от гостя, и с наслаждением вдохнула его, радостно ловя на себе заинтересованный взгляд Петра Андреевича.

За ужином Николай Степанович неожиданно объявил:

— Аня, я завтра уезжаю.

— Куда? — удивилась Кумарина.

— В имение князей Олицких, что под Коломной. Пётр Андреевич получил письмо от своего доброго друга: странные дела творятся в этой усадьбе. А я любопытен до таких. Напала на меня охота самолично узнать, что там к чему.

— Странные дела? — нахмурилась Анна Степановна. — Николенька, это что, может быть

опасно?

— Бог с тобой! Опасным это может быть только для того, кто там проказит, потому как я непременно отыщу его, — рассмеялся Немировский.

— Ты невозможен, Николай Степанович! — развела руками Кумарина. — И что тебе на одном месте не сидится? Ехать за сто вёрст киселя хлебать! Мало тебе московских преступников! Хоть бы отдохнул немного!

— Вот, я и отдохну! Переменю обстановку, подышу свежим воздухом. Там, говорят, леса великолепные. Съезжу, разберусь и вернусь. А если нужда будет, так Пётр Андреевич на выручку придёт! Верно ли, Пётр Андреевич?

— Всенепременно, прибуду по первому вашему зову.

— Дядя, возьмите меня с собой! — воскликнула Ася.

— Ещё одна сумасбродка! — сплеснула руками Анна Степановна. — Тебе-то что там делать?

— Как что, ма тант? — Ася даже приподнялась с места. — Ведь это же так интересно! Путешествие, новые люди, тайны!

— Ты рассуждаешь, как ребёнок, счастье моё миндальное! Тайны! Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

— Варваре оторвали, а мне не оторвут! Дядя, ну, пожалуйста, возьмите меня! Я нисколько не буду вам обузой! Я очень вас прошу! — Ася умоляюще сложила руки и краем глаза заметила, как по губам Вигеля скользнула улыбка. Ему тоже кажется ребячеством её просьба? Или одобряет?

— Николенька, что ты молчишь? Скажи ей, что это невозможно! — обратилась Кумарина к брату.

Николай Степанович неспешно размешал сахар в чае, сделал несколько глотков, прищурил глаз и с лукавой улыбкой спросил Вигеля:

— Что ты скажешь, друг сердечный? Стоит ли мне удовлетворить прошение мадемуазель Завьяловой?

— Не берусь давать советы вам, Николай Степанович, но мне было бы невероятно трудно устоять перед столь смиренной просьбой. И я бы даже ходатайствовал перед вами и Анной Степановной за её подательницу.

Немировский перевёл взгляд на крестницу, побарабанил пальцами по столу и решил:

— Значит, так тому и быть! Поедешь со мною! Только гляди: что бы больше одного чемодана не брала с собой!

— Ах, дядя! Спасибо! — Ася обошла стол кругом и, обняв Николая Степановича, чмокнула его в щёку.

— Егоза, — покачал головой Немировский.

— Ей есть с кого брать пример! — сердито сказала Кумарина.

— Не сердись, Аня. Я бы взял с собою тебя, как мою лучшую советчицу, но ты ведь побоишься пускаться в столь дальний путь?

— Я не сумасшедшая!

— Тётушка... — Ася подошла к Анне Степановне. — Мы совсем ненадолго поедем. Зато потом нам будет, что рассказать вам.

— Ах, поезжайте! — махнула рукой Кумарина. — Может, оно и правильно! Что скучать на одном месте? Только уж извольте посылать мне оттуда телеграммы, чтобы я не беспокоилась.

— Обещаю, тётушка!

Кумарина повернулась к Вигелю:

— А тебе, батюшка, стыдно должно быть: за мою спиной секреты разводишь. Мне о письме том ни слова не сказал!

— Простите меня, Анна Степановна. Я просто не успел.

— Не успел... Кто хоть друг твой?

— Доктор Жигамонт.

— Жигамонт? Наслышана. Он Веру Маврикиевну пользует. Надо будет и мне обратиться к нему...

Поздно вечером, когда Пётр Андреевич ушёл, Кумарина позвала Асю к себе. Анна Степановна уже легла, и девушка села на край её постели, пытаясь догадаться, о чём пойдёт разговор.

— Понравился он тебе? — спросила тётка, отложив молитвослов и откинувшись на высоко стоящие подушки.

— Кто? — Ася изобразила непонимание.

— Девочка моя, я старуха, но я много видела в жизни и хорошо разбираюсь в людях. Ведь я видела, как ты заглядывалась на господина Вигеля.

— Это было столь заметно? — покраснела Ася.

— Ему — нет, я думаю. А мне очень. Так я права?

— Правы, ма тант. Мне, в самом деле, очень понравился Пётр Андреевич.

— Я тебя понимаю, — улыбнулась Анна Степановна. — Будь я раза в два моложе против нынешнего, так сама влюбилась в этого молодого человека. Только...

— Что — только?

— Будешь ли ты с ним счастлива? Пётр Андреевич прекрасный человек. Но некогда он очень любил одну девушку. Но, увы, она вышла замуж за другого, хотя тоже любила его. Она была очень бедна, ей нужно было заботиться о маленьких сёстрах, а Пётр Андреевич тогда только начинал службу...

— Ах, Боже мой, да это же было так давно!

— Иногда давность произошедшего не имеет значения. Господин Вигель — однолюб. И, сколько бы ни минуло лет, он будет помнить ту женщину и любить её всегда. Ты должна это знать.

— Что же, из-за какой-то призрачной женщины он всю жизнь будет жить в одиночестве, оплакивая свою любовь к ней и не замечая других?

— Я этого не сказала. Дело в другом, моя милая девочка. Он может увлечься другой женщиной, жениться на ней. В этом случае, несомненно, он будет образцовым мужем и отцом. Но та женщина никогда не умрёт для него, она всегда будет жить в его сердце.

— Зачем вы говорите мне это, ма тант?

— Чтобы ты наперёд знала всё и понимала, на что идёшь.

— Я пока ещё ни на что не иду! — воскликнула Ася, поднимаясь. — С чего вы взяли? Мало ли кто показался мне приятным и интересным! Это не значит...

— Это — не значит, но значит — твоё теперешнее волнение.

— Спасибо, что предупредили, тётушка. Спокойной ночи! — Ася поцеловала тётку и направилась к двери.

— Постой!

Девушка обернулась. Анна Степановна приподнялась и перекрестила её:

— Храни тебя Бог, моя милая девочка!

— Спокойной ночи, тётушка...

Вернувшись к себе, Ася распахнула окно и долго вдыхала прохладный ночной воздух, вслушиваясь в редкие звуки засыпавшего города. Нужно было выспаться перед дальней дорогой, но Ася не могла уснуть. Ей хотелось выйти из дома, идти, куда глаза глядят, подставляя пылающее лицо прохладному ветерку, но идти было некуда, и Ася неподвижно сидела на подоконнике, обхватив руками колени и глядя на пустынную улицу.

Глава 4

— Вам шах, милый доктор... Будем продолжать, или сойдёмся на пате?

— Я поражаюсь вашей выдержке, княгиня, — сказал доктор Жигамонт, вынимая трубку изо рта.

Чёрный цвет подчёркивал бледность Олицкой. Она явно устала в последние дни, но ничем не выдавала этого. В ту ночь, когда не стало Бориса Борисовича, княгиня едва ли ни одна сохранила полное хладнокровие и распорядилась так, точно ничего страшного не произошло. У Екатерины Васильевны случилась истерика, она не поднималась третий день, и Георгий Павлович прописал ей успокоительные капли. Князь Владимир старался выглядеть холодным, но дрожащие руки и судорожно подрагивавшее веко выдавали в нём сильное волнение. Что касается его младшего брата, то, казалось, точно на время его покинул рассудок. Вся тяжесть дел вновь легла на плечи Елизаветы Борисовны и её похожего на крысу управляющего, которому она и поручила все заботы относительно похорон.

— Знаете, мой милый Жорж, даже моей выдержке есть предел... — промолвила Олицкая, сделав глоток подогретого красного вина. — Что вы думаете обо всём этом?

— Вы уже спрашивали меня. Вскрытие покажет, интуиция подскажет... А так как первого не будет, да и вряд ли оно что-либо показало бы, то остаётся полагаться исключительно на интуицию.

— Как бы я хотела, чтобы это был обычный удар!

— Вполне вероятно, что так оно и есть. Борис Борисович весь вечер неважно чувствовал себя, даже пил какие-то пилюли. Кстати, я не нашёл ни одной у

него в карманах, как и в комнате. Сердце шалило у него, это несомненно. Явление призрака могло напугать его и спровоцировать смерть.

— Но могло быть и отравление, верно?

— Княгиня, если бы в вашем доме не происходило других странных событий, я был бы уверен, что это обычный удар. Но, принимая во внимание всё прочее, нельзя исключать и другие версии. Яд мог быть подсыпан в вино. Но определить это я не могу. К тому же есть такие яды, следов которых не остаётся в кратчайшие сроки.

— В тот вечер мы все пили это вино...

— Это ничего не значит. Яд могли подсыпать ему в бокал. В гостиной он, помнится, стоял на столике, и сделать это мог каждый совершенно незаметно.

— Каждый... Вот, милый доктор, самое страшное слово: каждый! — Елизавета Борисовна смяла лист бумаги. — В моей семье может оказаться убийца! Что чудовищнее может быть?! Кто-то из моей семьи... Кто? Владимир? Антон? Катя? Но для чего? Для чего кому-то понадобилось убивать Бориса? Это непостижимо!

— Успокойтесь, Елизавета Борисовна, — Георгий Павлович взял Олицкую за руку. — Ведь это лишь предположение, которое, скорее всего, не оправдается.

— А если оправдается? Если умрёт ещё кто-то? Не успокаивайте меня. Я же вижу, что от меня в этом доме что-то скрывают. Вам не показалось странным поведение моих любезных пасынков в тот злополучный вечер?

Жигамонт задумался. Вопрос был задан не в бровь, а в глаз. Поведение князей Олицких настораживало доктора. Когда он сообщил всем о смерти Каверзина, Антон Александрович истерично закричал:

— Она всех, всех нас убьёт! Она за нами пришла!

— Замолчи! — грозно оборвал его старший брат, смерив испепеляющим взглядом.

Эта сцена, как наяву, пронеслась перед мысленным взором Георгия Павловича и, покрутив в руках выбывшего из игры белого ферзя, он осторожно отозвался:

— Ваши пасынки что-то знают о призраке. Они чего-то очень боятся.

— Чего-то! Они боятся, что будут следующими! — воскликнула Елизавета Борисовна. — А если не они? Если Володя? Или, упаси Господи, мой сын? Милый доктор, мне страшно! Я чувствую, что какая-то ужасная угроза нависла над моим домом! Вы написали своему другу?

— Да, и надеюсь, он скоро будет здесь.

— Дай Бог...

— Елизавета Борисовна, расскажите мне о Каверзине, — попросил Жигамонт. — Какое положение он занимал в вашем доме? Кем он доводится вашей семье? Честно говоря, я не совсем понял.

Олицкая разжала судорожно сжатые кулаки и, помедлив, ответила:

— Боря был одним из князей Олицких...

— Как?

— Мой муж до брака со мной был, как бы это выразиться, большой ходок. Первая жена его умерла рано. У него был роман с крепостной... Знаете, такая почти пасторальная история. Девушка забеременела, Александр Владимирович дал ей вольную и выдал замуж за старика-почтмейстера, который был его доверенным лицом. К сожалению оба супруга умерли, когда Боре не было и десяти лет, и мой муж взял его в свой дом, став ему опекуном и благодетелем. Боря учился наравне с законными детьми Саши, но всегда помнил своё место. Он был очень трезвым человеком.

— Вот как... Но Каверзин знал, что является сыном князя?

— Не могу сказать с уверенностью. Не должен был знать. В нашем доме этот факт скрывался. Я узнала о той истории совершенно случайно...

— Откуда же?

— Не всё ли равно! — в голосе княгини послышалось раздражение. — Там, где узнала я, вряд ли мог узнать Боря. Хотя он, может быть, и знал. Я ведь говорила, что он был очень умён. Знал, но не показывал виду.

— А Владимир и Антон? Они знали, что Каверзин их родной брат?

— Ах, милый доктор! Кто ж разберёт их! — сплеснула руками Олицкая. — Но не думаю. Вы имели удовольствие слышать воззрения моего старшего пасынка. Мужварьё! Да узнай он, что Боря сын крепостной, с которой спутался его отец, он бы возненавидел своего друга! А ведь они были близки... А, впрочем, чужая душа потёмки.

— О том, что внутри человека, знает только врач, о том, что в душе — только Господь Бог. С вашего позволения, княгиня, я поднимусь к себе.

— Да-да, ступайте, милый доктор. Мне тоже нужно заняться делом. В такое время только в работе и спасение.

Георгий Павлович оставил Олицкую и направился к себе. Елизавета Борисовна была не первой, с кем он говорил о Каверзине. Доктор успел справиться о нём у Родиона, Володи, старика Каринского и горничной Даши. Все они отзывались о Борисе Борисовиче как о человеке большого ума, но скрытном, сдержанном, холодном. Каверзин никогда не был женат, и неизвестно было, чтобы у него была какая-то большая страсть. Кажется, близок он был только с Владимиром Александровичем, но Жигамонт никак не мог решить, как построить разговор с ним. К тому же Георгий Павлович понимал, что надменный князь ни за что не станет откровенничать.

Проходя мимо гостиной, доктор с удивлением заметил сидящую там Машу. Девушка о чём-то глубоко задумалась и не сразу заметила вошедшего Жигамонта.

— Маша! — окликнул её Георгий Павлович.

Девушка вздрогнула и быстро поднялась:

— Здравствуйте, доктор.

— Благодарю, не хворать и вам! — улыбнулся Жигамонт. — Скажите, что вы делали здесь одна? И где ваш дедушка?

— Почивает... Он потрясён случившимся несчастьем... Бедный Борис Борисович! — Маша смахнула слезу. — Он казался очень суровым и мрачным человеком. Но у него было доброе сердце!

Георгий Павлович посмотрел на Машу с любопытством. Вот, это уже что-то новое! Доброе сердце! Откуда это она взяла?

— Вы хорошо знали Бориса Борисовича?

— Нет, что вы... Но он всегда был чуток ко мне. Владимир Александрович меня очень не любит. И его жена тоже. А Борис Борисович хорошо относился. Даже конфетами угощал... — Маша чуть улыбнулась. — Я даже удивилась. Это так на него непохоже.

— В самом деле, удивительно... — согласился доктор. Значит, был чуток, хорошо относился. С чего бы? Сочувствие судьбе бастарда? Стало быть, знал Борис Борисович, кто являлся его родным отцом, но считал правильным скрывать это знание. Действительно, неглупым человеком был покойник.

Маша поправила стоявшие в вазе цветы и спросила:

— Красивый букет, не правда ли? Я собираю их каждое утро... Себе, дедушке и сюда... Елизавета Борисовна цветов не любит. Она чихает от их запаха. Хотите, я и вам собирать буду?

Жигамонт с удовлетворением отметил, что девушка перестала бояться его.

— Почту за честь, — ответил он.

— Скажите, Георгий Павлыч, вы бывали на балах? — вдруг спросила Маша таким тоном, точно отважилась на смелый поступок.

— Приходилось, а что?

— Дедушка считает, что мне надо выходить в свет. Ездить на балы... У нас, конечно, балы не чета столичным, но всё-таки... А я и представить себя не могу на балу. Да и какая из меня барышня? Я дедушке говорила: вы б послали меня по хозяйству работать. Матушка моя работала, и я буду. Негоже мне руки сложа сидеть. Балы... Это всё так далеко от меня... К тому же что я с моей неуклюжестью буду делать на балах? Я даже танцевать не умею. Дедушке уже трудно учить меня...

— Если дело только в танцах, то я с большой радостью преподам вам несколько уроков.

— Вы? Ах, что вы, доктор! Это неудобно... — лицо Маши выразило испуг.

— Что же неудобного? Я уверен, что уже через несколько уроков вы легко будете танцевать вальс. Давайте попробуем.

Жигамонт отложил свою трость, церемонно поклонился девушке:

— Одну руку опускаете кавалеру на плечо, другой придерживайте подол. Кавалер легко обнимает вас одной рукой за талию. Вот так, хорошо. А теперь запоминайте па на счёт три: и раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Георгий Павлович закружил девушку по комнате. Движения сухопарого доктора были гибки и легки, как у юноши, и ему доставляло большое удовольствие танцевать с этой робкой барышней, щёки которой горели, а в глазах читалась радость оттого, что она танцует вальс... Остановившись, Жигамонт сказал:

— Вот, видите, совсем ничего сложного! Жаль, не хватает музыки. Вы бы попросили Володю или

Родиона...

— Что вы, доктор! Я боюсь, они засмеют меня!

Жигамонт рассмеялся:

— Ну, хорошо! В таком случае, мы с вами, Машенька, проведём ещё пару таких «глухих» занятий, чтобы вы получили основные навыки, а уж потом попросим кого-нибудь подыграть нам, чтобы не ударить лицом в грязь. Договорились?

Маша счастливо кивнула:

— Спасибо вам, Георгий Павлыч!

В этот момент в гостиную вошёл старший князь Олицкий. Необычайно прямой, вычурно одетый, с высоко поднятой головой, он сделал несколько шагов к доктору Жигамонту и, смерив презрительным взглядом Машу, обратился к нему:

— Милостивый государь, мне нужно поговорить с вами!

— Я готов, князь, — отозвался Жигамонт.

— Попрошу пройти в мой кабинет.

— Как вам будет угодно.

Владимир Александрович Олицкий был раздражён до крайности. Ему с первого взгляда не понравился московский доктор, которого зачем-то притащила его мачеха. Мачеха! Слово, которое обжигает губы. Его лучше не произносить вовсе. Просто — «жена отца». И как мог отец жениться на этой худородной, самоуверенной бабёнке?! И это после матери! После женщины, которая блистала в Петербурге, жила в Париже и Неаполе, настоящей леди до мозга костей! И после долгих лет вдовства отец (не зря же говорят: седина в бороду...) решил связать себя узами брака с девицей моложе себя на двадцать пять лет, всего несколькими годами старше самого Владимира! Эту женщину он возненавидел сразу, как только она переступила порог их дома. За то, что заняла место

матери, за то, что отодвинула его самого на второй план, став для отца самым близким человеком, другом, советником, за то, что смотрела на всех уверенно, и ничем не удавалось поколебать её. Как мог отец жениться на ней?! Неужели мало было ему дворовых девок, городских полусветских дам? Зачем — жена?!

Антон принял мачеху спокойно. Да что с него взять? Пьяница, позорящий имя Олицких. Брата Владимир презирал. Ничтожество! Они никогда не понимали друг друга. Только Боря Каверзин понимал муку Владимира. С Борей они выросли вместе, были, что называется, не разлей вода. На Борю можно было положиться всегда. У него была величайшая добродетель: молчание. Ему можно было доверить любую тайну, не сомневаясь, что она умрёт вместе с ним. Теперь так и случилось... В молодости Владимир любил жить на широкую ногу. Несколько лет он провёл в столице, год путешествовал по Европе, и, если случалось попасть в историю, то Боря с готовностью прикрывал его, улаживал всё. Незаменимый человек! Боре Владимир поручал самые щекотливые поручения, и он исполнял их. Да и как иначе... Ведь чувствовал же этот хутородный сын почтмейстера, чем обязан Олицким! Кем бы он был без них! Чувствовал, а потому был предан, как пёс, и это более всего ценил в нём Владимир. Друг равный хорош, но друг-подчинённый, зависимый, гораздо лучше. Его можно не стыдиться. Ему не надо отвечать взаимностью, потому что он уже и так в долгу.

Борис всю жизнь был рядом. Но странно, никогда Владимиру не приходило в голову узнать о его чувствах, мыслях. А Боря ни разу не выказал желания поделиться ими, оставаясь запертым ларчиком, ключ от которого потерял. А ведь были же у него и чувства, и мысли. Только после смерти своего друга Владимир подумал об этом и заметил, что ничего не знал о нём тогда, когда Борис знал все его тайны. А если бы в

голову этого друга-раба пришла идея раскрыть их?.. Ведь он же не был рабом. Не был лакеем. Никогда не являлось в нём заискивающего тона. Этот человек знал себе цену. И он мог однажды использовать свои знания. Но теперь не использует. Царствие небесное! Нет худа без добра... Хотя без такого наперсника будет сложно. И непривычно. Теперь все свои заботы придётся решать самому, и не с кем поделиться, посоветоваться. Не с Катериной же! У неё, кажется, совсем нервы расстроены. Как она переживает смерть Бориса... Который день не встаёт...

А тут ещё этот московский доктор — принесла нелёгкая.

Владимир Александрович зашёл вслед за Жигамонтом в свой тёмный, уставленный книгами кабинет, закрыл дверь и, не предлагая гостю сесть, спросил резко:

— Ответьте мне, милостивый государь, только честно: зачем вы приехали сюда?

Доктор поднял на него свои невозмутимые глаза:

— Не понимаю!

— Май гот!¹³ Я спрашиваю, для чего Елизавета Борисовна пригласила вас в наш дом? Только не надо кормить меня вздором о её болезни! Эта женщина переживёт всех нас!

— Простите, князь, но ничего иного я вам сообщить не могу.

Олицкий с трудом сдерживал рвущееся наружу бешенство. Он готов был сорвать его на ком угодно, но доктор, приглашённый мачехой, вызывал у него наибольшую ненависть.

— Вы издеваетесь надо мной?! Дурака из меня делаете?! Не выйдет! Вы приехали сюда вынюхивать и высматривать! Что именно?! Что наплела вам княгиня?

Доктор Жигамонт повертел в руке трость и ответил с достоинством:

— Я попросил бы вас, ваше сиятельство, сменить тон. Я дворянин, и не стану терпеть подобного обхождения.

— Может быть, желаете сатисфакции? — сощурился Олицкий.

— Моя специальность лечить, а не убивать. К тому же мы с вами не в тех летах, чтобы заниматься подобными играми. Я понимаю, что вы удручены смертью вашего друга, а потому пропускаю ваши слова мимо ушей.

— А кто вас просит их пропускать? — рассвирепел Владимир Александрович. — Запомните хорошенько, я никому не позволю соваться в мою жизнь и в жизнь моей семьи! Что бы ни происходило в этом доме, это наше дело, не касаемое никого! Так-то, милостивый государь! И передайте это вашей Елизавете Борисовне!

— Я приму ваши слова к сведению, — ответил доктор. — Не стоит так волноваться. Это может повредить вашему здоровью. До свидания!

Жигамонт откланялся и удалился. Князь запер дверь на ключ и опустился в кресло. Не находившая выхода ярость душила его.

За окном шёл дождь. Владимир Александрович смотрел на размытый пейзаж и барабанил пальцами по ручке кресла. Уехать отсюда... К чёрту уехать... Куда угодно... Где не найдут! Князь резко поднялся, подошёл к двери, проверил, хорошо ли заперта, и вновь вернулся на прежнее место. И нельзя допустить огласки. Репутация князей Олицких должна быть безупречна. Антон, этот болван, того гляди начнёт вопить на каждом углу... Заставить бы его замолчать!

Олицкий ударил рукой по стоявшему на столе глобусу. Шар обернулся вокруг своей оси несколько раз,

замер, Владимир Александрович посмотрел на него тусклым взглядом:

— Франция, Италия, Голландия... Везде мы были... В Америку, что ли податься? Там не найдут...

Князь опустился на стоявший в углу топчан, подложил руку под голову, расстегнул, режущий шею накрахмаленный ворот, прикрыл глаза. Прошло какое-то время, и Владимиру Александровичу послышался странный шорох. Он приподнялся, взглянул в окно и в ужасе отпрянул. За стеклом стояла белая тень, её ладони скользили по мокрому стеклу.

— Сгинь, сгинь! — зашептал Олицкий, испуганно крестясь. Он схватил со стола чернильницу и бросил её в окно. Стекло разлетелось на мелкие осколки, и в комнату ворвался поток холодного воздуха.

Владимир Александрович стиснул голову руками, зажмурился. Его знобило. Что-то упало на пол, и князь, сделав над собой усилие, открыл глаза. На полу лежал обёрнутый бумагой камень. Олицкий поднял его дрожащими руками, развернул записку и прочёл: «Я полагаю, вы знаете, как надлежит поступить благородному человеку, если он желает избежать огласки. Поищите решение в третьем ящике вашего стола. А.К.»

Князь со злостью швырнул камень в окно и сам бросился к нему. Он долго вглядывался в зеленоватую муть сада, но там никого не было.

— Кто ты? Кто ты? — простонал Олицкий.

Владимир Александрович перечёл записку, выдвинул третий ящик своего стола. В нём лежал его всегда заряженный револьвер. Князь истерично рассмеялся, а затем заплакал.

— Хватит, хватит... Не хочу...

Взяв себя в руки, Олицкий положил записку в пепельницу, поджёг её, зажёг от пламени сигару, затянулся несколько, руки перестали дрожать, и в душе

появилась ледяная решимость. Владимир Александрович поправил ворот, сменил сюртук, докурил сигару, бросил окурки в пепельницу, достал револьвер и приставил дуло к груди:

— Что ж, пусть так... Нужно было давно этак... По-княжески...

Комнату заволакивал дым от непотушенной сигары, прохладные струи сырого воздуха врывались в разбитое окно. Урядник только что отбыл, проведя более времени на кухне за угощением, чем на месте трагедии.

В общей суматохе никто не заметил приезда гостей: пожилого господина и юной девушки. Между тем, они отпустили коляску и, взяв два небольших баула, прошли к дому, попутно расспрашивая о чём-то встречных людей.

Войдя в кабинет погибшего пасынка, княгиня Олицкая замерла в недоумении. Незнакомый человек в дорожном платье внимательно осматривал комнату, пристально изучая каждую деталь и, несмотря на явно немалые годы, не ленился заглядывать в самые укромные уголки. Заметив княгиню, незнакомец выпрямился, по-юношески легко поклонился и отрекомендовался:

— Действительный статский советник Немировский Николай Степанович.

— Ах... — выдохнула Олицкая. — Да-да... Мне, кажется, говорили... Тот самый?

— Смотря, что вы подразумеваете под тем самым.

— Тот самый известный на всю Москву следователь.

— Если следователь, то, вероятно, тот самый, хотя не думаю, что столь знаменит. А вы, я полагаю, княгиня Олицкая?

— Елизавета Борисовна, — кивнула княгиня, с любопытством разглядывая эксцентричного следователя. — Когда же вы приехали?

— Только что. Простите, что не приказал о себе доложить. Мне показалось, что я приехал вовремя?

Елизавета Борисовна опустилась на стул и подняла на Николая Степановича усталые глаза:

— Да, ко времени... Видите, что у нас творится. Однако я ожидала не вас...

— Пётр Андреевич не мог столь скоро оставить службу и попросил поехать меня. Сам он, может быть, также сможет выбраться, но позже.

— О, тогда, я чувствую, в моём доме соберётся вся московская полиция!

— Ваш пасынок покончил с собой, сидя в этом кресле? — спросил Немировский, указывая на кресло, в котором нашли мёртвого князя.

— Да... Мы услышали выстрел, бросились сюда, а он был уже мёртв...

— Покончил с собой выстрелом в сердце?

— Как вы узнали?

— Пятен крови нигде нет, хотя видно, что здесь ещё не успели прибрать. Такое могло быть только при точном попадании пули в сердце. Владимир Александрович был хорошим стрелком и знал анатомию, судя по всему?

— Он увлекался химией, физикой. У него даже была своя лаборатория...

— Он оставил предсмертную записку?

— Нет. Всё случилось так внезапно. За четверть часа до этого несчастья с ним разговаривал доктор Жигамонт. Владимир Александрович был сильно раздражён, даже повысил голос. Ему не нравилось, что посторонний вмешивается в наши семейные дела. Но Георгий Павлыч и подумать не мог, чтобы он вдруг наложил на себя руки... Господи Боже, и зачем он это сделал? Теперь ведь и не отпоют по-христиански...

— Это странно, что предсмертной записки нет, — задумчиво сказал следователь. — Люди, решающиеся

на такой шаг, обычно оставляют их. Значит, это было либо спонтанное решение, либо не самоубийство.

— Вы полагаете, его убили? — вздрогнула княгиня.

— Я могу лишь предполагать. Хотя трудно себе представить, как это могло быть. Выстрелить в упор в сердце человеку можно лишь, если он крепко спит. А князь не спал. Он курил сигару, сильно нервничал, разбил чернильницей окно: вон, даже занавески в чернилах, я слегка запачкал себе рукав.

— Может, он увидел что-то в окне?

— Или кого-то. Я думаю, стоит пройтись вблизи окна — может, там есть какие-то следы — погода нынче дождливая. Кстати, это ещё одна причина, делающая маловероятным гипотезу об убийстве. Дверь ведь была заперта изнутри, судя по тому, что вам пришлось её выломать?

— Да...

— Значит, убийца мог войти только в окно, либо уже находился здесь. В первом случае он изрядно наследил бы в комнате, во втором — ему пришлось бы уходить через окно, и на клумбе под ним остались бы следы. Правда, есть третий вариант. Когда вы вбежали в комнату, вы ведь не проверяли шкафы и прочие укромные углы?

— Мы были так потрясены...

— Разумеется. Когда я вошёл сюда, здесь никого не было. Убийца мог подождать, когда все разойдутся и спокойно выйти из своего укрытия.

Елизавета Борисовна потёрла пальцами виски. У неё редко болела голова, но сейчас она начинала наливаясь свинцовой тяжестью. Между тем, Немировский расположился в кресле убитого князя, положил ногу на ногу и невозмутимо продолжал:

— Но начнём всё же с версии самоубийства. Что могло так потрясти Владимира Александровича, чтобы он в одночасье решил свести счёты с жизнью?

— Не имею понятия, любезный Николай Степанович.

— Вы заметили, что в его пепельнице, кроме окурка, лежит ещё горсточка пепла и самый краешек бумаги?

— Нет, — покачала головой княгиня.

— Очень похоже на сожжённую записку.

Елизавета Борисовна подняла голову:

— Записку, вы говорите? Записку... Может быть, это была записка наподобие той, что я видела тогда... Ведь доктор написал в письме, не правда ли?

— Записка, подписанная инициалами А.К.? Я тоже об этом подумал. Тогда выходит следующая картина: князь уже был доведён до края последними событиями, его нервы были расшатаны, о чём свидетельствует утренняя ссора с доктором Жигамонтом. В этот момент он обнаруживает очередную записку с угрозой и этого уже не выдерживает. В ярости разбивает окно подвернувшейся под руку чернильницей и сводит счёты с жизнью. К слову, я не нашёл среди вещей Владимира Александровича другой чернильницы. Может быть, поэтому он и не оставил записки? Когда в отчаяние приставляешь пистолет к груди, уже не остаётся сил и духа, чтобы встать, принести чернил или велеть подать их... Как вы думаете?

— Ах, господин Немировский, я не знаю, что думать. Слишком много смертей становится в этом доме, слишком много. Слово смерть, войдя однажды, решила надолго остаться здесь жить, затаилась в углу и собирает жатву.

— Некто, действительно, затаился в углу вашего дома. Только не смерть, а тот, кто несёт её.

— А, может, он и не таится, и я каждый день встречаюсь с ним взглядом, — вздохнула княгиня, возвращаясь к мысли, неотступно мучавшей её. — Вы уже окончили осмотр кабинета?

— Да, княгиня.

— В таком случае, пройдёмте. Я прикажу Даше приготовить для вас комнату.

— Две, пожалуйста. Со мной приехала юная мадемуазель, моя крестница и ассистентка, — лицо следователя озарилось теплотой, и Елизавета Борисовна впервые заметила, какие лучистые, молодые глаза у этого человека. Она невольно улыбнулась:

— Конечно, две... Где же теперь ваша спутница?

— Ждёт меня внизу.

— О, это не годится. В нашем доме гостей никогда не заставляли ждать в прихожей. Идёмте!

Внизу Николай Степанович и Елизавета Борисовна застали бурную сцену, в которую оказались вовлеченными все обитатели дома. Немировский прищурил глаза и, пользуясь случаем, стал внимательно разглядывать присутствующих. Свою крестницу он заметил сразу: она сидела на бауле, в тёмном углу, не замечаемая никем, поскольку внимание всех было направлено на неопрятного мужчину средних лет с разлохмаченными рыжеватыми волосами и искажённым страхом, пунцовым лицом, решительно направлявшегося к дверям, таща в руке большой дорожный сундук. Дорогу ему преградил невысокий, сутулый человек с неприятной, лживой физиономией, в котором Николай Степанович инстинктивно угадал управляющего имением:

— Куда вы направляетесь, Антон Александрович?

— Не твоё собачье дело, холоп! — рявкнул князь, отталкивая управляющего.

— Простите-с, но я не холоп! — вспыхнул тот, снова становясь на пути князя.

— Пошёл прочь!

— Дядя, постойте! — крикнул темноволосый молодой человек, сбегая по лестнице следом за Олицким. — Вы уезжаете?

— Да, будь я проклят! Я ни секунды не останусь в этом чёртовом доме! В нём смертью пахнет, разве вы не чувствуете?! Она всех, всех убьёт! В каждой комнате будет покойник! Она за этим пришла!

— А кто пришёл? — неожиданно спросила Ася.

Все взоры в одно мгновение обратились на неё.

— Кто это?! — завопил князь. — Какого чёрта в доме делают посторонние?

— Меня зовут Анастасия Завьялова. Я приехала из Москвы с моим крёстным по приглашению доктора Жигамонта.

— Что?! Ещё одна московская выскочка?!

— Антон! Ты не можешь оскорблять нашу гостью! — подал голос высокий белокурый юноша.

— Вашу гостью! Чёрт с вами и вашими гостями! Хоть все здесь передохните, а я хочу жить! Я сегодня же уеду!

— Дядя, но как же похороны отца?!

— Хороните сами своих мертвецов! А я в могилу не спешу!

— Он прав! Прав! — раздался истерический вопль. На лестнице показалась едва стоящая на ногах женщина с больными, фосфорическим блеском сияющими глазами, судорожно мнущая в руке платок: — Я тоже уеду отсюда! Володичка, прикажи заложить коляску!

— Маменька, вы никуда не поедите! Вы нездоровы!

— Нет, я поеду... Антон, подожди меня...

— Ну, уж нет! К чёрту вас всех! К чёрту!

Женщина зарыдала и начала оседать на пол.

— Доктор Жигамонт! — вскрикнул Володя, испугавшись за мать. Стоявший позади неё высокий, сухопарый господин в тёмно-коричневом сюртуке успел подхватить её, и она бессильно уткнулась лицом в его плечо, захлёбываясь слезами.

— Воистину — кара Господня! — воскликнул, всплеснув руками, седовласый старик.

— Не впутывайте сюда Господа! Это дело рук человеческих! — глухо прорычал Антон Александрович. — Прощайте!

— Пойдите-с, князь! Княгиня рассердится... — начал управляющий.

— Плевать на княгиню!

В этот момент на лестнице появилась Елизавета Борисовна. Она сурово окинула взором собравшихся и, топнув ногой о ступеньку, крикнула громовым голосом:

— Тихо!

В воцарившейся тишине, нарушаемой лишь судорожными всхлипами вдовы, Олицкая произнесла ледяным, не терпящим возражения тоном:

— Никто никуда отсюда не уедет! Никто не покинет этого дома до той поры, пока я не узнаю, что в нём происходит!

— Проклятье! — Антон Александрович с угрожающим видом стал надвигаться на княгиню. — Да кто вы такая, чтобы мне запрещать?! Я плевал на ваши запреты! Плевал! Тьфу!

— Ты никуда не уедешь отсюда. Я приказала закрыть ворота и никого не выпускать без моего разрешения.

— Да я убью вас, если вы станете мне препятствовать! — князь уже занёс было руку, но перед ним вырос белокурый юноша.

— Заклинаю тебя, Антон, опомнись! Побойся Бога! — прошептал он.

— Щенок! — зло бросил князь и, круто развернувшись, выбежал из дома.

Управляющий хотел последовать за ним, но княгиня остановила его:

— Оставьте его, Архип Никодимович. Пускай проветрится, ему полезно будет.

— Слушаюсь, Елизавета Борисовна. Ох-ох-ох, спаси Господи люди твоя...

— Какое право вы имеете распоряжаться нами?! — вдруг закричала женщина с фосфорическими глазами. — Здесь не ваши крепостные!

— Успокойся, Катя, — холодно отозвалась Олицкая. — Куда ты хочешь ехать? Тебе в постели лежать надо, ты горишь вся.

— А вы озаботились?! Вы?! Вы всегда меня ненавидели! И Владимира! И Антона! Вы не хозяйка в этом доме! Мой сын теперь хозяин! Володичка, скажи, что хозяин ты...

Володя подхватил мать на руки:

— Успокойтесь, маменька, успокойтесь...

— Отнесите её в комнату, — негромко сказал доктор Жигамонт. — И пусть кто-нибудь остаётся при ней и следит, чтобы она пила микстуры, которые я прописал.

Когда молодой князь унёс свою впавшую в бесчувствие мать, Елизавета Борисовна глубоко вздохнула:

— Ну, слава Богу, унялись... Если так будет продолжаться и дальше, то мне и в самом деле потребуются ваши услуги, дорогой доктор.

— Я всегда к вашим услугам, княгиня, — откликнулся Георгий Павлович.

— Ах, кель анюи!¹⁴ — сплеснул руками старик, подходя к Олицкой. — Всё это так ужасно. И так... позорно! Антон вёл себя возмутительно! Ещё мгновение, и он бы ударил тебя, ма шер! Се терибль!¹⁵ Он словно обезумел...

— Мне кажется, мы все скоро обезумеем здесь, дядя, — мрачно сказала Елизавета Борисовна. — Кстати, позвольте вам и всем присутствующим представить нашего дорогого гостя, Николая

Степановича Немировского. Это друг доктора Жигамонта и мой. Прошу любить и жаловать.

Немировский учтиво поклонился, отметив про себя, что княгиня явно не пожелала сразу оглашать его должность, и, подыгрывая ей, произнёс:

— Я сожалею, что приехал в такое печальное время. Если бы я мог знать, то, разумеется, отменил свой визит.

— Ну, что вы, что вы! — отозвалась Елизавета Борисовна. — Гостям в этом доме рады даже в тяжёлые времена. И я настаиваю, чтобы вы остались.

Николай Степанович, заметил, как княгиня слегка прикрыла свои тёмные глаза, словно в знак согласия и одобрения, когда он заговорил.

— Я рад приветствовать вас, господин Немировский! — Георгий Павлович протянул следователю руку.

— Взаимно, доктор! Пётр Андреевич просил передавать вам поклон.

— Алексей Львович Каринский. Прошу вас бывать у меня, — слегка грассируя, сказал старик.

— Всенепременно, — кивнул Николай Степанович и, поманив к себе Асю, добавил: — Хотел бы также представить вам мою крестницу, но она, кажется, опередила меня.

Между тем, княгиня подозвала управляющего:

— Прикажете приготовить комнаты нашим гостям.

— Слушаюсь, ваше сиятельство. Не извольте беспокоиться.

— Николай Степанович, а скажите, вы на бильярде играете? — вдруг спросила Олицкая, повернувшись к Немировскому.

— И, смею сказать, недурно, — ответил следователь.

— Это кстати! Не составите ли мне компанию нынче вечером?

— Не имею ничего против, Елизавета Борисовна. А теперь я, с вашего позволения, хотел бы пройтись по саду. Георгий Павлыч, не желаете прогуляться со мной?

— Не откажусь.

— А мне можно пойти с вами? — спросила Ася.

— Нет, моя дорогая, — покачала головой Немировский. — Ты лучше осмотришь пока на новом месте, разбери наш багаж.

Девушка грустно вздохнула.

Выйдя на улицу, Немировский спросил Георгия Павловича:

— Вы были последним, кто видел живым князя Владимира?

— Да.

— Он мог, по-вашему, покончить с собой.

— Думаю, мог. Что-то жгло его.

— Итак, что мы имеем: три смерти — старый князь, его сын и друг семьи...

— Каверзин также был сыном старого Олицкого. Внебрачным. В семье этот факт скрывался. Княгиня узнала о нём совершенно случайно и не пожелала сказать, при каких обстоятельствах. Но, судя по тому, что мне удалось узнать, Каверзин знал о своём происхождении.

— Из вас получился бы неплохой сыщик, — улыбнулся Немировский. — Значит, отец и двое сыновей... Это уже совсем худо.

— Вы думаете, кто-то хочет посчитаться с семьёй Олицких?

— Пока рано делать какие-то выводы, но, согласитесь, похоже на то.

— Прямо «Граф Монте-Кристо» какой-то!

— И не говорите.

Дул сильный ветер, срывая тяжёлые дождевые капли с промокших деревьев. Немировский зябко передёрнул плечами, пожалев, что не надел плащ.

Обогнув дом, следователь и доктор встретились лицом к лицу с Антоном Олицким. Князь был уже сильно нетрезв, глаза его заплыли и смотрели зло.

— И носит же вас здесь!

— Вы бы в дом пошли, Антон Александрович, — посоветовал Немировский.

— В этом доме уже три покойничка есть! Хватит! Я с сего дня во флигеле жить стану!

— Один? Не боитесь?

— Зачем же один? — Олицкий нехорошо усмехнулся. — У нас дворовых девок много! А, поживши весело, помирать не страшно!

— Так уж и не страшно?

— А хоть не напрасно! Эх, господин Немировский, ни черта-то вы не знаете!

— Ну, так, может, просветите?

— Э, нет! Я хоть и пьян, а не настолько, чтоб всяким московским ищейкам исповедоваться! Княгиня вас представить, как следует, не пожелала, она думает, что я дурак! А я газетки-то в былые времена, небось, почитывал! И фамилию вашу вспомнил! Ищите, ищите, господин Немировский! Только не отыщете! Не по вашей зарплате это дело! Братец мой — тссс! — умным себя считал! А меня дураком! А дурак-то он! Был бы не дурак, так живой был бы! А, вот, я её не испугаюсь! Нет! Я её дождусь и сам её убью... Меня она врасплох не застанет! Нет! — Олицкий извлёк из кармана флягу, сделал несколько крупных глотков, икнул и, шатаясь, пошёл в сторону.

— Вот, кто бы мог пролить свет на наше дело, но он молчит, — заметил Жигамонт.

— И сам напрашивается на смерть, — вздохнул Николай Степанович. — Эх, черти драповые, серьёзное дело...

— Думаете, он может стать следующей жертвой?

— Вполне вероятно. А вы ещё не пытались выследить призрака?

— Да до того ли здесь было!

— А надо бы... — Немировский извлёк тавлинку и понюхал табаку. — А у нашего князя хорошие сапоги.

— Что вы имеете ввиду?

— То, что мы собираемся осматривать не только дорожку, а на нас с вами такая неподходящая обувь одета. На пленере без сапог худо! К тому же после дождя!

Георгий Павлович рассмеялся:

— Возвращаться — плохая примета, но на будущее надо будет раздобыть приличные сапоги.

Дом князей Олицких относился к тем старинным на совесть построенным домам, которым даже землетрясение не могло бы нанести серьёзных трещин. Западный фасад дома, на который выходило окно кабинета Владимира Александровича, был опутан сетями хмеля, перекидывающегося на растущие у дома колонны можжевельника.

— Станный парк в этой усадьбе, — заметил Немировский. — Не похож ни на английский, ни на французский. Напоминает что-то хаотическое.

— Ле жардан дё ля рюс!¹⁶ — развёл руками Жигамонт. — Парк в русском стиле. Княгиня — большая русофилка.

— Вот как? Интересная женщина. Редкая. Вы хорошо её знаете, доктор?

— Когда-то знал неплохо, а теперь затрудняюсь ответить. Мы познакомились с нею много лет назад на водах. Старый князь лечил там свою подагру, а его молодая супруга скучала. Мы очень сдружились с Елизаветой Борисовной по схожести интересов и взглядов. Ныне же могу сказать только, что это не женщина. Это адамант! Кремень! Натура сильная,

цельная. Княгиня не отличается аристократизмом в своём поведении, напоминая нравом наших купчих. Она мало обращает внимание на этикет, светские обычаи. Она предпочитает диктовать правила сама. Этаким просвещённый деспотизм. Елизавета Борисовна заботится о своих родных, о своих людях, даже, если между ними напряжённые отношения, но зато никому не позволяет нарушать установленные ею законы. В этом доме она хозяйка, царица, а все остальные подданные её величества. Поэтому-то её так возмущает то, что в её царстве происходит нечто, о чём ей не докладывают.

Николай Степанович с любопытством посмотрел на Жигамонта:

— Вы, вероятно, хороший врач. Рассказываете о людях так, точно вскрываете их острым скальпелем. Одолжите-ка мне вашу трость, доктор.

— Возьмите, Николай Степанович.

Немировский взял трость и заметил:

— Тяжёлая!

— Хорошо тренирует руки. У врача они должны быть твёрды.

Николай Степанович медленно прошёл вдоль стены дома, сделал несколько шагов в сторону, раздвигая тростью ветви кустарника и траву. Наконец, наклонившись, он осторожно поднял с земли чернильницу:

— Кажется, это та самая, которую выбросил покойный князь.

— И что же? — пожал плечами Жигамонт, закуривая трубку. — Вполне логично, что она лежит здесь.

— Логично, логично, — кивнул следователь. — А пепел за кустом акации столь же логичен?

Доктор приблизился и склонился над местом, куда указывал Николай Степанович.

— В самом деле, пепел... Кажется, папиросный. Как это вы углядели? Я бы не заметил в траве.

— Профессиональная наблюдательность. К тому же трава в этом месте примята. Здесь какое-то время стоял некто и курил папиросы. Причём, судя по этому окурку, — Немировский поднял с земли окурков и, показав Жигамонту, завернул в платок и убрал в карман, — это были очень дешёвые папиросы. И выкурено их было больше одной, но прочие окурки куривший заботливо убрал, а один, вероятно, просмотрел или обронил. К дому этот человек не приближался, соответственно, и следов его не осталось. Заметьте ещё, Георгий Павлыч, из-за этого куста прекрасно видно окно покойного князя, из которого любой скрывающийся здесь будет незаметен.

— Простите, Николай Степанович, — Жигамонт нахмурился, — какое это всё имеет значение, если князь покончил с собой?

— Значение, доктор, может иметь всё, и ни одна деталь не должна быть упущена.

— Бог в помощь, — раздался негромкий, резковатый голос.

Немировский обернулся. На выложенной булыжником дорожке, опираясь на посох, стоял высокий, худой священник с суровым лицом и длинными белыми волосами. Высокий лоб его пересекала глубокая, похожая на шрам морщина, а глаза были устремлены то ли внутрь себя, то ли в какие-то неведомые дали, но только не на человека, к которому он обращался.

— Здравствуйте, отец Андроник! — обратился к священнику Георгий Павлович. — Позвольте вам представить Николая Степановича Немировского.

— Доброго здоровья, батюшка, — следователь приблизился к отцу Андронику.

— Вы что-то искали там? — спросил тот отрывисто.

— Чернильницу, которой покойный князь перед смертью разбил окно.

Отец Андроник перекрестился:

— Великий грех, великий грех... А всё оттого, что души хладны, от Христа отпали.

— Разве князь не веровал?

— Как сказать... — священник неопределённо повёл плечами. — Может быть, и верил. Да только в ересь впал. Увлёкся протестантским учением. На службу не ходил, Святых Тайн не приобщался. Вот, и результат. Нонче в газетах пишут, будто много самоубийц сделалось. И всё больше из благородных, из образованных. А чему удивляться, коли дух растлён? Зело мудры все стали. В нашем уезде господа многие в Божий Храм лишь по праздникам являются. И то только потому, что полагается вроде, друг перед другом показаться надо, а то бы и вовсе дорогу забыли.

— А Олицкие? — спросил Немировский.

— А что Олицкие? То же и они.

— Вам не кажется странным, что в столь короткое время уже третья смерть в доме?

— На всё воля Божья.

Отец Андроник явно не отличался разговорчивостью, но Николай Степанович не спешил сдаваться.

— Вы давно здесь служите?

— Три года.

— И хорошо знаете вашу паству?

— Кого как.

Лаконичность — Божий дар. Но лаконичность допрашиваемого — большой порок, который всегда раздражает следователя. Не вовремя появился этот аскетичный старец: Николай Степанович ничего не успел узнать о нём, а следовательно, и подготовиться к разговору. Тем более, что беседовать с лицом духовным часто сложнее, нежели с человеком мирским. А отец

Андроник, по всему видно, не относился к категории простых сельских батюшек, словоохотливых и, по сути, вполне мирских. Этот священник был суров, умён, сдержан и не расположен к праздным разговорам.

Повисшее на несколько мгновений молчание прервал доктор Жигамонт:

— Прошу меня извинить, но я должен проведать Екатерину Васильевну. Увидимся вечером!

— Да, да, разумеется, — кивнул Немировский, возвращая доктору трость.

Когда Георгий Павлович ушёл, отец Андроник, всё так же не глядя на собеседника, спросил:

— Хотите узнать более о князьях Олицких?

— Хотел бы, — ответил Николай Степанович. — Всегда полезно иметь представление о людях, в гостях у которых находишься.

— Зело верное замечание. Только не следовало бы вам лукавить, господин Немировский. Не простое любопытство у вас. Но уж я пытаться не стану: дело ваше, почто вы здесь следствие учиняете. Задавайте свои вопросы: на что смогу, отвечаю.

— Благодарю. Вы хорошо знаете эту семью?

— Давайте пройдемся немного. Стоять нонче холодно, — сказал священник и двинулся вперёд по дороге, опираясь на посох. Ветер развивал полы его простой чёрной рясы, пошитой из грубой материи. Пройдя несколько шагов, отец Андроник заговорил вновь:

— Кому же лучше знать её, когда почти все они исповедуются у меня. Только вам сие всё одно ничего не даст.

— Тайна исповеди, понимаю. Но я хотел бы узнать о князьях лишь в общих чертах... Ведь есть же у вас какое-либо мнение на их счёт?

— Есть, но не думаю, что мне стоит его высказывать. Сие есть соблазн судить других. Скажу

лишь, что из сего семейства мне люб юный Родион. Сей отрок с беспокойным духом, ищущий. Для него середины не может быть. Он или всецело предастся Богу, или отшатнётся от Него. В последнем случае всю жизнь будет страдать и, может быть, окончит дни, как его брат... Владимир Александрович был гордый человек. Я всегда знал, что он дурно кончит. Такие люди либо стреляют кого-нибудь, либо стреляются сами... А иногда успевают и то, и другое.

Священник говорил отрывисто, медленно, негромко, и Немировскому казалось, что он умалчивает о чём-то главном. Внезапно отец Андроник остановился и произнёс:

— Чтобы найти того, кого вы ищите, вам придётся узнать очень многое, а пока вы не знаете почти ничего.

Николай Степанович не успел спросить, что имел в виду священник, так как в конце аллеи появилась странная фигура. Эта была маленькая женщина в немыслимом одеянии из двух юбок, сорочки, халата и шали. На голове её был чёрный платок, из-под которого выбивались тёмные волосы с сильной проседью. Женщину шатало из стороны в сторону, она бормотала что-то себе под нос, трясла головой, вращала безумными глазами. Увидев отца Андроника, она подбежала к нему, приникла к руке и простёрлась ниц:

— Батюшка! Батюшка! Спаси! Демоны кругом, демоны... Они меня утащить хотят! Так ты не давай им!

— Встань, дочь моя! — ровным тоном приказал отец Андроник, но женщина ещё крепче обняла его ноги, шепча: — Страшный Суд грядёт... Он над этим домом вершится! Потому что демон здесь! Демон!

Из-за деревьев выбежал запыхавшийся управляющий.

— Дуня! Евдокия! — крикнул он.

Женщина вздрогнула, приподнялась на колени, утирая испачканной ладонью мокрое от слёз лицо.

Лыняев подбежал к ней:

— Спаси Господи люди твоя! Дуня! Куда же ты ушла? Я искал тебя по всему парку! Идём домой, ты простудишься...

— Демон, демон... — шептала женщина, раскачиваясь из стороны в сторону. — Я его видела... Архипушка, ты прости меня...

— Ничего, ничего, — Лыняев помог ей подняться и крепко схватил под руку. — Идём домой! Отец Андроник, господин Немировский, простите мою жену, она нездорова!

— Нет... Я здорова... — мотнула головой Лыняева. — Демон за кустами затаился и лебедя моего убил...

— Дуня, что ты мелешь! Замолчи! — прошипел управляющий, чьё лицо побагровело.

— Божий Суд пришёл! — закричала безумная, поднимая руку. — Святой человек, благослови!

— Бог с тобою, дочь моя! — сказал отец Андроник, благословляя несчастную. — Ступай к себе, а я навещу тебя.

Лыняева несколько успокоилась, и позволила мужу увести себя.

Немировский вопросительно посмотрел на священника, и тот ответил:

— Евдокия Яковлевна Лыняева страдает тяжкой душевной болезнью уже несколько лет. Её держат взаперти в одной из комнат, чтобы она не натворила чего-нибудь в беспамятстве.

— Она может быть опасной?

— Нет... Но она может разбить что-нибудь, заблудиться, допустить какую-нибудь неосторожность, нанести себе вред... Ключи от комнаты есть лишь у её мужа и дочери. Но иногда Лыняевой удаётся сбежать. Возможно, в суматохе Даша забыла запереть её. У вас больше нет ко мне вопросов?

— Пока нет.

— В таком случае, до свидания, господин Немировский. Да хранит вас Господь!

— До свидания, отец Андроник.

Ася ждала крёстного на пороге, кутаясь в сиреневую мантилью и немного сердясь, что Немировский не пожелал взять её с собой. Николай Степанович поднялся на крыльцо, чмокнул девушку в щёку и, взяв её за руки, сказал с укоризной:

— Ты совсем замёрзла, красавица моя. Руки-то какие холоднющие!

— А вы сами, дядя? Ноги-то промочили, — в тон ему ответила Ася.

Николай Степанович посмотрел на свои ботинки:

— В самом деле. Надо будет сапоги сыскать.

— Уже, — улыбнулась Ася, довольная своей предусмотрительностью.

— Что «уже»?

— Я попросила горничную, и она сыскала две пары прекрасных сапог: для вас и для меня.

— Умница моя! Мне начинает казаться, что я не зря взял тебя с собой.

— Конечно, не зря! — счастливо ответила Ася. — Я ещё распорядилась насчёт крепкого горячего чая для вас и кофе — для себя. С булками!

— Это как нельзя более кстати! — улыбнулся Немировский, обнимая крестницу.

За чаем, который следовательно с девушкой пили в его комнате, Ася, расположившаяся на застеленной шёлковым покрывалом кровати с чашкой чёрного кофе с корицей, сообщила:

— В этом доме, дядя, обедают вечером. А мы сейчас с вами едим «ланч». Покойный князь Владимир установил в доме английские традиции. Когда горничная произносила это слово, у неё была такая гримаса, точно она проглотила лягушку. «Лянч»! И

поморщилась! Ужасно интересно живут люди в этом имении!

— И умирают не менее интересно, — прищурился Николай Степанович, откусывая кусок сдобной, благоухающей булки с хрустящей корочкой. — Одно радует: здесь, кажется, прекрасная кухня.

— И умеют готовить хороший кофе. Я даже не ожидала. Оказывается, княгиня большая его ценительница. Так что мне повезло!

— Ты не теряла времени в моё отсутствие, я не ошибаюсь? — спросил Немировский.

Ася замотала головой и хотела уже ответить, не дожевав куска, но крёстный предостерегающе поднял палец:

— Дожуй сначала, сыщица!

Девушка кивнула, дожевала и, шутливо приставив руку к голове, спросила:

— Разрешите докладывать?

— Разрешаю!

— Во-первых, я познакомилась с замечательно интересным человеком! Дядей княгини Алексеем Львовичем. Милейший старикан старинного покроя! Дядюшка, как он чудно говорит! И столько знает! Я бы часами слушала его, но сегодня мне было решительно некогда, поэтому я обещала, что в следующие дни буду у него, как штык. Но он успел мне рассказать про белую даму. А ещё у него есть внучка Маша. Она немного младше меня, но мне кажется, мы могли бы подружиться. Она, между прочим, слышала на днях, как покойный Борис Борисович ругался с Владимиром Александровичем. Точнее последний ругательски на него кричал, что от него, Каверзина, нет толку. А ещё она слышала, как князь угрожал своему брату Антону. Правда, она ничего толком не сумела разобрать. Она просто шла мимо комнаты Антона Александровича и

услышала, но, увы, сразу ускорила шаг, а не осталась послушать.

— Увы! А ты бы осталась?

— Разумеется, дядя Николая!

— И чему тебя только в Смольном учили!

— Сама не знаю! — звонко рассмеялась Ася. — А ещё здесь есть два очень милых молодых человека. Князь Родя и князь Володя. Но с ними я ещё не успела ближе познакомиться.

— Если бы ты работала в полиции, тебе бы цены не было, — почти серьёзно сказал Немировский.

— Ах, дядя, но ведь у нас женщины поражены в правах! — Ася изобразила на своём личике печаль. — Нас, бедных, не берут на серьёзную работу. Хотя, постойте, ведь есть же в полиции агентессы? А, дядюшка? Возьмите меня! Из меня бы прекрасная агентесса получилась!

— Замуж тебе надо, вот что!

— Само собой! Главное, есть из кого выбрать здесь! Целых два молодых, красивых князя!

— Егоза!

— Между прочим, дядя, вы поступаете со мной нечестно. Я вам раскрыла все добытые сведения, а вы ничегошеньки не рассказали мне об итогах вашей прогулки с доктором Жигамонтом!

— Справедливо, — кивнул Немировский и, допив чай, принялся рассказывать. Окончив повествование, Николай Степанович понюхал табаку и сказал:

— Ну, что ж, моя красавица, посмотрим расклад?

— Посмотрим, — кивнула Ася, играя снятым с шеи серебряным кулоном.

— В одной семье один за другим умирают при странных обстоятельствах отец и два сына, один из которых бастард. Ряд фактов позволяет нам сделать вывод, что убийца один их обитателей дома, либо человек часто в нём бывающий и считающийся своим.

Но кроме возможности совершить преступление, должен быть мотив, а его мы пока не знаем. А потому рассмотрим каждого из имевших возможность на наличие мотива. Начинай, моя красавица!

Ася задумалась, подперев кулачком подбородок.

— Княгиня Олицкая! — сказала она, привычно чуть-чуть растягивая каждое слово.

— Женщина властная, умная, жёсткая. С домашними на ножах. Что ж, у неё мог быть мотив. Если представить, что её старик-муж вдруг решил пересмотреть завещание в пользу старших сыновей, то ради любимого единственного сына она могла пойти на преступление. Каверзин, человек умный и скрытный, мог что-то разнюхать и шантажировать её... Всё так, но для чего тогда эти письма, этот призрак?

— Запутать след, — предположила Ася.

— Тоже возможно. Но для чего тогда ей было приглашать доктора и Петра Андреевича? Уж слишком рискованно.

— Значит, от этой версии мы отказываемся?

— Красавица моя, от версии можно отказываться лишь в том случае, если доказана её полная несостоятельность, но не ранее того, — Немировский назидательно поднял палец. — Пойдём дальше.

— Князь Антон, — Ася взяла грушу и вонзила крепкие, ровные зубы в её сочную мякоть.

— Гуляка, мот, пьяница... Мне трудно предположить, что он способен на столь изощрённое преступление. Такие, как он, если убивают, то сгоряча, убивают тем, что под руку попадёт. Они не могут продумывать шаги, разрабатывать планы... Они слишком импульсивны и слабовольны для этого. К тому же он по-настоящему боится. Так не сыграешь... Он знает, если не кто пишет эти письма, то, по крайней мере, о чём они, какая тайна стоит за ними. И его покойный брат знал. А, значит, мог знать и Каверзин.

Что-то нечисто в прошлом у этих достойных господ и нам стоило бы узнать, что именно.

— Каким же образом?

— Для начала подробнейшим образом узнать это прошлое. Доктор Жигамонт не расспрашивал княгиню подробно, поэтому я это сделаю сам. Продолжим.

— Князь Володя.

— Скрипач? — Николай Степанович помял мочку уха. — Каков мог быть у него мотив? Корыстный? Вряд ли... Старый князь всё завещал жене и младшему сыну и, чтобы получить наследство, пришлось бы устранить именно их. Причём здесь родной отец и Каверзин? Конечно, причина могла бы быть и иной, но пока мне таковая в голову не идёт.

— Князь Родя.

— Послушник...

— Семинарист, дядя.

— Да-да. Среди этих богоискателей попадаются порой величайшие бестии. Я им не доверяю.

— По-моему, Родион не такой. У него глаза добрые, ласковые, — покачала головой Ася. — Он не мог убить!

— Оставим чувства. Нам сейчас важны факты, которых кот наплакал. Мотив мог быть у этого милого юноши? Чем ему могли помешать дядя и адвокат? Его мать с ними не ладила, но это не повод. Мечь? Но за что? Тут пока ничего неясно... — в продолжение разговора Немировский рисовал на листке бумаги схему, отмечая различными знаками называемых персон. Возле имени Родиона он поставил вопрос.

Ася подошла к крестному и, поглядев на исписанный листок, спросила:

— А какой знак вы поставите у имени Катерины Васильевны?

— Как и у имени княгини, поставлю плюс, — ответил Николай Степанович. — Неуравновешенная женщина, вполне, однако, способная на изощрённую хитрость.

— А мотив? Препятствием к наследству были опять же Родион и княгиня...

— А разве деньги — единственный мотив? Есть ведь масса иных страстей, ведущих человека к преступлению. Сластолюбие, ревность... Знаешь ли, сколько чёрных дел вызвано именно ими?

— Но причём тут Каверзин и старый князь?

— А, вот, в этом нам и предстоит разобраться, моя красавица. Лучше напомни мне, кого мы ещё забыли?

— Управляющего и священника.

— И жену управляющего!

— Ту сумасшедшую?

— Сумасшедшие тоже бывают на многое способны, особенно, если лишь притворяются безумными. К тому же Лыняев мог действовать заодно с женой.

— Но зачем им это?

— А хотя бы из мести! Представь, что некогда князь Владимир чем-то сильно насолил Лыняеву. Может быть, это и была та тёмная история, которую нам нужно раскопать. И тот решил отомстить. И ему, и его ближайшему другу-поверенному.

— А старый князь?

— А ты исключаяешь, что старик мог умереть и сам? Что его как раз и не собирались отправлять на тот свет, а просто так вышло? Лыняев — человек жестокий, завистливый и скользкий. К тому же умный, изворотливый. Такой способен на всё. А несчастную, безумную жену ему легче лёгкого было использовать в своих целях.

— Значит, вы подозреваете Лыняева?

— Я подозреваю всех в этом доме, кроме, пожалуй, старика Каринского и его внучки. Но одних больше, других меньше. Лыняев мне не нравится.

— Всех... — протянула Ася, переступая на мысках по мягкому ковру. — И священника?

— И священника тоже. Ношение рясы ещё не означает невинности. Священнослужители — такие же люди, как и все. С такими же страстями. Разве доказано, что у отца Андроника не могло быть причин мстить за что-либо семейству Олицких? Нет, не доказано. Значит, и версии этой я исключать не могу, — Немировский постучал пальцами по крышечке тавлинки и резюмировал: — Итого, подозреваемых на возу не уместить, а улик днём с огнём не наскрести... Вот, и ломай голову...

Глава 5

Ровно в полдень грянули колокола на всех московских церквях, затеяв дивную переключку от окраины до окраины, переливами. Густо базили тяжёлые, большие колокола, звонко подтренькивали им маленькие. О, дивное колокольное многоголосие! Нет тебя чуднее во всём свете!

— Стой! Стой! — крикнул Романенко извозчику, схватив его за плечо.

— Тпру! — лошадь остановилась.

Василь Васильич поднялся, снял фуражку, и, бросив в неё перчатки, перекрестился размашисто и замер, вслушиваясь в колокольный перезвон. Его бирюзовые глаза заблестели восторженно, а тёмные волосы разметались по лбу.

Илья Никитич привстал следом, комкая в руках картуз и спешно дожёвывая кусок яблока, оставшуюся часть которого он проворно спрятал в карман. За эти несколько дней Овчаров всей душой привязался к московскому коллеге, оказавшемуся не только великолепным знатоком своего дела, но и человеком весёлым, простым, лишённым начальственной заносчивости.

Несмотря на все усилия сыщиков, выведать о судьбе семейства Палицыных удалось крайне мало. В Староконюшенном их помнили лишь несколько человек. Жалели их, отзывались, как о людях богобоязненных и совестливых. Пожилая вдова булочника, Агафья Самсоновна, бывшая доброй приятельницей Глафиры Егоровны Палицыной, долго рассказывала о ней, её муже и сыне. Она говорила так долго, так часто отвлекалась на посторонние предметы, что Овчаров уже не находил себе места, ёрзал на стуле, вертя в

руках очередную баранку, которыми вдова угощала гостей. Василь Васильич же, кажется, вовсе не устал слушать старуху, мило улыбался, кивал головой.

— Запомни, Илья! — говорил он после. — Хороший сыщик должен любезно слушать всякого человека, дабы расположить его к себе. Для многих нет большего счастья, нежели излить душу кому-нибудь, а некому! Вот, если ты позволишь ему выговориться, он на радостях и в благодарность поведает тебе потом что-нибудь стоящее. А станешь торопить человека — так он замкнётся, и ничегошеньки ты из него потом не вытянешь никакими клещами.

— А ежели человек — ерунду плетёт? Баллады сочиняет? — сердился Овчаров. — Он мне пули отливать будет, а я, развесив уши, слушаю его?

— Не нравится — не слушай, а врать — не мешай!

— Так как же не слушать, когда ты, Василь Васильич, только что сказал, что слушать надо?!

— Слушать надо то, что тебе нужно, а остальное пропускай мимо ушей, думай о своём, только улыбайся участливо и не перебивай. Твоих советов и мнений никто ведь не спрашивает.

Агафья Егоровна, в самом деле, оказалась единственной, кто поделился с сыщиками нужными сведениями. Старуха первое время состояла в переписке со своей подругой Палицыной вплоть до смерти её пять лет спустя после несчастья. Они с мужем осели в Звенигороде, что же стало с Кузьмой Григорьевичем, Агафья Егоровна не знала. Известив её о смерти супруги, он более не давал о себе знать.

— А как вы думаете, Федя мог убить? — спросил Романенко напоследок.

— Что вы! — махнула рукой старуха. — Он ведь всякое живое существо жалел. Такой ласковый мальчик был! Оклеветали его какие-то злодеи, вот что... И Нюточку тоже... Горе-то какое!

...Колокола умолкли. Сыщики снова сели, и Василь Васильич велел:

— Трогай! — оборотившись в коллеге, он произнёс: — Великая сила — колокольный звон, не правда ли? Нигде такого не услышать! Только у нас! Вот, он — голос-то России нашей! Сердце замирает, как услышишь. Я, Илья Никитич, сам в детстве на колокольню бегал, звонил. И такое чувство было у меня, словно грудь вот-вот разорвётся от счастья!

Подъехали к Драгомиловской заставе, запруженной гружёными тюками возами въезжающих в Первопрестольную. Между возов ходили невозмутимые солдаты и штыками ворошили их содержимое, а хозяева досматриваемого имущества смотрели на них робко и со страхом. Бабы качали хныкающих детей, мужики переминались с ноги на ногу. Наконец, солдаты давали добро, и очередной воз тянулся дальше. У одного из них сломалась ось, и общими усилиями его сдвинули с дороги на обочину. На возу лежало множество тюков, пузатый самовар, сундук, а поверх всей этой поклажи сидела девочка лет трёх с босыми, перепачканными грязью ногами, в белой косыночке, покрывавшей её светлую головку, и сосала большой палец, с удивлением глядя на происходящее. Отец её, ругаясь чуть слышно, оглядывал поломку, а подле него стояли двое старших сыновей, мальчишки лет восьми и одиннадцати и с глубокомысленным видом смотрели на тележку. Вокруг них бегал небольшой чёрный пёс и звонко лаял. А мимо тянулись и тянулись возы.

Василь Васильич соскочил на землю, подошёл к девочке и протянул ей сахарного петушка:

— Держи, босоногая!

— Спасибочко, — пропела девочка и тотчас засунула петушка вместо пальца в рот.

— И откуда-то у тебя всё всегда есть, Василь Васильич? — удивился Овчаров.

— Учись, братец! У сыщика всё должно быть под рукой — пригодится! Одного табачком угостишь, другому рюмочкой потрафишь, чадо третьего леденчиком побалуешь... К людям уметь подойти надо. К каждой душеньке своя отмычка есть: надо лишь правильно её отыскать. Всё это, друг Илья, азбука сысского дела.

— Выходит, знать, полуграмотный я, — усмехнулся Илья Никитич.

— Не в грамотности дело. Просто торопишься ты шибко! А спешка, сам знаешь, только в двух случаях нужна... От спешки дело только портится. Спешка, она к небрежению ведёт.

— Да как же не торопиться-то в нашем деле? Ведь сыщика ноги кормят!

— И голова, братец, и язык, и глаза! Я прежде тоже нахлёстывал, не поспеть боялся. А потом замечать стал, и умные люди подсказали: когда шибко наярываешь, то непременно что-нибудь упустишь. А упускать нам ничего нельзя. Так ведь и главное-то упустить недолгое дело. Возвертайся потом, ищи, где прошляпил. А то хуже того: невинному человеку жизнь покалечишь.

Пара коней бежали резво, изредка понукаемые возницей. Мимо тянулись перелески, поля, пахнувшие ромашками, клевером и другими травами и цветами.

— У меня мать травница знатная была, — сказал Илья Никитич. — Каждой травинки название знала, да что чему помогает. С весны по осень собирала всё, сушила, по свёрточкам да мешочком раскладывала... В доме у нас, что на сеновале, дух был.

— Доброе дело, — промычал извозчик. — Травы, знамо дело, хорошо. Оне нутро очищают!

— Эх, жрать охота... — вздохнул Овчаров, с силой швыряя вдаль огрызок последнего яблока. — Долго ль ехать ещё?

— Недалече уже.

— Как приедем в город, так перво-наперво в трактир, — согласился Василь Васильич. — А после уж делом займёмся. Всё-таки надо, друг Илья, распутать его нам с тобой. Чую, будет дело! Жаль, что тогда не дали мне добраться до важных птиц... А ведь уже почти нащупал!

— М-да, хороша сеть была, да рыба прорвала, — вздохнул Овчаров, надвигая картуз на глаза.

На въезде в Звенигород стоял небольшой трактир с расписанными цветами ставнями, любимый всеми проезжающими. Туда направились и проголодавшиеся с дороги сыщики. Романенко со знанием дела прищурил глаз и, потерев ус, распорядился подать к столу гречневую кашу, томлёное мясо, яичницу с ветчиной, ржаного хлеба, блины с припёком и чаю.

— Добрый день выдался для нашего путешествия, — сказал он довольно.

— Да... Только у меня ноги, словно вкрутую сварены... — признался Овчаров, привычно пряча сапоги под стол.

— Обувь-то у тебя негодная, — согласился Василь Васильич, с аппетитом принимаясь за яичницу.

Отобедав, сыщики отправились по адресу, где некогда проживали старики Палицыны, надеясь, что хоть кто-то вспомнит их и сможет пролить свет на судьбу Кузьмы Григорьевича.

— Боря, Боренька, прости меня, я не хотела... Где ты, Боренька?.. Я тебя не вижу... — она металась по постели в нервной горячке, её влажные волосы рассыпались по подушке, а пересохшие губы то открывались, то смыкались вновь, как у ловящей воздух рыбы.

Доктор Жигамонт поставил на тумбочку чашку, в которой толлок порошок и, пощупав пульс больной, задумчиво поскрёб нос.

— Стало быть, Боренька... Борис Борисович Каверзин... Вот так история болезни у вас, Екатерина Васильевна! Сильно смахивает на любовный треугольник, чума меня заberi...

Ход рассуждений Георгия Павловича прервал осторожно вошедший Володя.

— Как маменька? — спросил он.

— Весьма дурно, как видите. Боюсь, что лечение займёт долгое время, — отозвался Жигамонт. — Сделайте милость, позовите сюда сиделку. Пусть она разведёт сделанный мной порошок горячей водой и даст выпить Екатерине Васильевне. Только маленькими глотками, с чайной ложечки! Как я ей показывал.

Препоручив больную заботам сиделки и проследив, чтобы та правильно подала микстуру, Георгий Павлович направился в сад. Ещё из окна спальни Екатерины Васильевны он заметил молодого князя Олицкого, упражнявшегося с рапирой.

День выдался солнечным, и после запаха различных снадобий доктор с удовольствием вдыхал чистый, вкусный воздух.

— Доброго утра, Родион Александрович! — окликнул он молодого человека.

Тот быстро обернулся, чуть улыбнулся и кивнул Жигамонту:

— Здравствуйте, доктор! Как Екатерина Васильевна?

— Скверно, но угрозы жизни нет.

— Вы выглядите уставшим.

— Да, ночь выдалась не из лёгких.

— Несчастливая Екатерина Васильевна... И Володя! Для него это большой удар... Знаете ли, Георгий Павлыч, мы ведь выросли вместе. Он мне как брат.

Жигамонт закурил трубку:

— Володя сильно любил отца?

— У них были сложные отношения, но отец есть отец...

— А Екатерина Васильевна?

— Володя её очень любит.

— Простите мне, если мой вопрос покажется вам не вполне уместным... Я сегодня полночи провёл у постели больной, и мне показалось, что она печалится о Каверзине столь же, сколь и о муже... Если не больше...

Родион воткнул рапиру в землю, вытер полотенцем лицо и шею и отозвался негромко:

— Это неудивительно... Доктор, я не имею привычки вести разговоры о чужих секретах, поскольку считаю это грехом, поэтому поясню в двух словах. Борис Борисович был влюблён в Екатерину Васильевну ещё до её замужества. Разумеется, никаких надежд он питать не мог, учитывая его происхождение, поэтому он отошёл в тень, но, я уверен, оставался привязан к ней все эти годы.

— А что же она?

— Она ценила его отношение, дорожила им... Должно быть, поэтому так горька ей эта потеря. Простите, доктор, я, в самом деле, не люблю подобных тем. К тому же я мало осведомлён.

— Что ж, воля ваша, — улыбнулся Жигамонт. — Я вижу, вы занимались фехтованием?

Родион слегка покраснел:

— Да... Просто поддерживаю форму... К тому же успокаивает... Прежде мы с Володиёй часто, шутя, скрещивали шпаги...

— Может быть, мне составить вам компанию? — прищурился доктор.

— Вам? — удивился юный князь.

— Я некогда тоже имел большую любовь к этой забаве. Всё-таки фехтование — большое искусство, сродни танцу. Почти поэзия! Признаться, я не прочь был бы немного размяться после такой ночи.

— Буду счастлив, доктор! — Родион протянул Георгию Павловичу вторую рапиру.

Жигамонт проворно снял сюртук, расстегнул жилет и занял позицию. Юный князь ринулся в атаку. Доктор с лёгкостью отразил её и заметил, покачав головой:

— Вы шпагой тычете наугад, а нужно соблюдать тактику. У вас же не палка в руке.

Поединок продолжился, и через десять минут остриё рапиры доктора коснулось груди Родиона.

— Боюсь, вы убиты, Родион Александрович, — сообщил Жигамонт, тяжело дыша. — Однако ж и я запыхался. Отвык, отвык...

— Поразительно, — восхитился юный князь. — Я и не думал, что доктора могут столь хорошо владеть шпагой.

— А что ж прикажите? Только скальпелем? — пошутил Георгий Павлович. — Кстати, и я не чаял встретить семинариста с рапирой!

— О, нашего брата можно и с чем почище встретить, — рассмеялся Родион.

— А что ж, случись вам вступить в настоящий поединок, так и убили бы?

— Не могу вам ответить, дорогой Георгий Павлыч. Если бы речь шла лишь о моей жизни, я предпочёл бы расстаться с нею, нежели отнять во имя её спасения жизнь чужую. Я бы не поднял меч для своей защиты... Но если бы речь шла о другом человеке, то я обязан был бы вступить... Но не дай Бог, чтобы такое случилось. Слишком велик грех!

Жигамонт с любопытством смотрел на молодого человека. Лицо последнего вдруг сделалось сосредоточено, а взгляд отстранённым. Родион расстегнул сорочку, подставляя разгорячённую поединком грудь ветру, и, помолчав, спросил неожиданно:

— Скажите, доктор, для чего, по-вашему, следует жить?

— Полагаю, что не ошибусь, если скажу, что у каждого на этот предмет своё мнение.

— Правда. А у некоторых его не оказывается, и они решают, что жить не для чего. Доктор, что должно быть в душе у человека, чтобы он так решил? И воплотил это страшное решение, как мой брат?

— Это вопрос не ко врачу, Родион Александрович. Спросите меня, как работает сердце человека, его печень, желудок, и я отвечу вам подробнейшим образом, но о душе мне ничего не ведомо. Душу нельзя препарировать, разобрать на молекулы, изучить под микроскопом. Её один только Бог знает.

— Ну, а вы? Ведь вы же для чего-то живёте?

Жигамонт набросил на плечи сюртук, присел на ограду, окружавшую одну из клумб, и ответил:

— Я никогда не спрашивал себя, для чего я живу. Ну, уж если задаться этим вопросом, то извольте: я врач, смею сказать, хороший врач. Моё дело — помогать больным, облегчать их страдания, спасать человеческие жизни. Делаю я это на совесть, и местом моим в этой жизни вполне доволен, равно как и самой жизнью. К чему ж тогда вопросы?

— Счастливы вы, Георгий Павлыч. Всё у вас по полкам разложено. Всё у вас в жизни на своём месте, как каждая вещица в вашем чемоданчике: здесь пинцеты, тут корпия, там скальпель... А в моей душе хаос первозданный. Ничегошеньки не разобрать.

— Так вам, вероятно, ради Царствия Небесного жить следует.

— Все мы ради него живём, в конечном итоге. Да только слова это всё: живу, мол, ради Небесного Царства обетованного. Нет, доктор! Кто так скажет, тот или сам себя обманывает, или других. Царствие Небесное — дар Божий, понимаете?

— Не совсем.

— А, вот, спросите ребёнка, что ему нужнее: отец или же гостинец отцов? Что вы подумаете, ежели он скажет, что гостинец?

— Что отца он не любит.

— Вот! Ему гостинец нужен, а не отец! А что нужно нам? Царствие Божие или сам Бог? Чего мы ищем? Царствие Небесное — это ещё не Бог. Его искать мало! К тому же Царствие — оно лишь после смерти, на небесах. А Бог — Он и на земле с нами, в земной нашей жизни! Я, Георгий Павлыч, не Царствия Небесного ищу, но самого Бога. Он мне здесь, теперь, в этой жизни моей уже нужен, потому что без него я и живой мёртв буду, понимаете? Я о Царствии Небесном всегда очень мало думал, ничтожно мало. Да и к чему о нём думать? Обретший Бога, Царствие Его уже, само собою, обретает...

Родион так увлёкся, что не заметил, как схватил доктора за руку и крепко сжал её. Опомнившись, он смутился и сказал виновато:

— Простите, Георгий Павлыч... Кажется, меня опять понесло... Вам ведь вовсе неинтересно слушать мои полубредовые откровения...

— Родион Александрович, вы теперь уподобляетесь лицемерам, — заметил Жигамонт.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы ведь ничуть не считаете ваши мысли бредовыми, а мне назвали их так, чтобы из моих уст услышать опровержение и поддержку. Оных я вам по этой причине выказывать не буду. К тому же я слишком мало понимаю в богословии.

— Может быть, вы и правы... — вздохнул Родион.

— Вы уж только не обижайтесь на меня.

— Что вы, доктор! Я вам только признателен. Человеку нужно указывать на дурные его склонности,

иначе он может не разглядеть их и не сумеет с ними бороться.

Это было сказано искренно и с чувством, и Жигамонт успокоился. После поединка он ощутил, что немало проголодался и, простившись с юным князем, отправился на кухню с твёрдым намерением съесть плотный завтрак и взбодриться двумя чашками крепкого кофе.

— Клап-штос!

— Прекрасный удар, княгиня! — Немировский потёр мелом кончик своего кия, готовясь нанести им удар по намеченному шару, одиноко ожидавшему своей участи на зелёном сукне.

Олицкая поджала губы и, погладив дремавшего на специально принесённой подушке шпица, выпрямилась. Ох, не рада была уже Елизавета Борисовна, что согласилась на предложение Жигамонта «пригласить специалиста». Этот пожилой московский следователь с умными, лукавыми глазами взялся за дело с чрезмерным рвением. Не осталось в доме угла, куда бы ни заглянул он, не осталось никого из челяди, с кем ни потолковал бы он! А теперь снова одолевает вопросами саму её, княгиню Олицкую! И вопросы сплошь — лишь отдалённо касающиеся дела. Роет, роет землю этот хитрый следователь... А ведь этак он может отрыть и что-нибудь совсем не нужное, лишнее. Какое дело ему до того, чем занимались её пасынки? Взялся восстанавливать чуть ли не всю их жизнь! А заодно и её собственную! Нет, надо было разбираться самой, а не звать сторонних умников, которые так и норовят найти что-нибудь на тебя же саму!

Елизавета Борисовна была раздражена, но всеми силами старалась скрыть это за маской любезности. Тем не менее ей казалось, что пожилой следователь с приятной улыбкой видит её насквозь, читает каждую её

мысль. Это приводило в бешенство, и оттого так дурно играла сегодня княгиня.

Зато Немировский был невозмутим и ловко отправлял в лузу шар за шаром.

— От борта и в угол, — и последний шар отправился за своими братьями-близнецами. — Партия, Елизавета Борисовна!

— Поздравляю, Николай Степанович! В следующий раз я непременно отыграюсь!

— Всегда к вашим услугам!

В комнату вошёл Георгий Павлович и остановился в дверях, не выпуская изо рта трубки.

— Как жаль, что вы уже закончили. Я не умею играть в бильярд, но люблю смотреть, как играют другие, — промолвил он.

— Вы кстати, милый доктор! — отозвалась Олицкая. — Я собиралась сейчас проехаться по имению, посмотреть, как там жизнь кипит. Вы не составите мне компанию?

— Вы хотите ехать сегодня? После всех несчастий?

— Что бы ни произошло в этом доме, это не заставит меня ни на йоту изменить раз и навсегда заведённого порядка, — резко ответила княгиня, беря на руки собачку. — Вы едете?

— Извольте, — пожал плечами Жигамонт.

— Тогда идёмте, — сухо сказала Елизавета Борисовна, кивнув на прощание Немировскому, ответившему ей галантным полупоклоном.

В коридоре княгиню и её спутника остановила Даша.

— Там Арсений Григорьевич приехали, — сообщила она.

— Только его мне не доставало! — рассердилась Олицкая. — Что ему надо?

— Елизавета Борисовна, так они всегда в это число являются. Вы сами так установили.

— Ах, да... С ума я сойду скоро с этой катавасией, вот что... Так он колбасу привёз?

— Да. И мясо мы должны им продать.

— Так, всё! Баста! Пусть с ним твой отец разбирается. Только передай ему, что все счета я проверю лично! Каждый батон колбасы пересчитаю! Так и передай!

— Слушаюсь, Елизавета Борисовна! Арсений Григорьевич сказали передать вам свои сердечные соболезнования.

— Поклон ему от меня!

— Они с дочерью на сей раз приехали.

— Так что же?

— Ничего, Елизавета Борисовна. Только она ничего в деле не понимает. Ушла по саду ходить...

— Так пусть ходит, сколько ей влезет! — воскликнула Олицкая. — Мне что до того? В саду у нас, кроме груш да яблок, воровать нечего! Ступай, скажи, что я его принять сегодня не смогу. И отцу своему скажи всё, что я велела.

Горничная кивнула и убежала.

— И на кой он дочь притащил? — пожала плечами Олицкая. — Сын, что ли, захворал у него? Да не всё ли равно!

— А кто таков этот Арсений Григорьевич? — полюбопытствовал Жигамонт.

— Купец. Колбасу делает. Мы ему мясо продаём, а он нас своей колбасой снабжает исправно. Только, кажется, метит он в родню мне затереться.

— Каким образом?

— Сына своего на нашей Маше женить. Только пусть на другое крыльцо сватов засылает! Дядя Машу внучкой признал, она теперь — Каринская! А, стало быть, и жениха мы ей из благородных сыщем. К тому же и приданое дядя даст за ней хорошее. А что же мы стоим,

милый доктор? Поспешим! А то ещё какая-нибудь бестолочь нас остановит...

К удивлению доктора Жигамонта Елизавета Борисовна решила устроить верховую прогулку. Несмотря на годы, княгиня прекрасно держалась в седле, лошадь её мчалась быстро, и лишь подол чёрного платья развевался позади неё. Георгий Павлович с трудом поспевал за Олицкой, чувствуя себя на выбранном сером в яблоках скакуне несколько напряжённо из-за отсутствия привычки к лошадям.

Миновали перелесок, поднялись на высокий холм, и княгиня остановила коня. С этого места открывался превосходный вид на окрестные поля, деревни, переливающееся в лучах солнца озеро в окружении молодых берёз, златоглавый храм с воспаряющей ввысь красавицей-колокольней.

Елизавета Борисовна выбросила вперёд руку с хлыстом и, очертив им полукруг, сказала:

— Вот, милый доктор, полюбуйте: это и есть мои владения. Всё, до самого горизонта, и дальше. Великая красота, не правда ли?

— Дух захватывает, — согласился Жигамонт, радуясь передышке.

— Вам, кажется, не очень по вкусу прогулки верхом? — Олицкая прищурила тёмные, как восточная ночь, глаза и поправила выбившиеся из-под шляпы волосы.

— Я городской человек, любезная Елизавета Борисовна, а у нас больше на извозчиках ездят.

Олицкая развернула коня, теперь она оказалась прямо напротив доктора.

— А помните, дорогой Жорж, наши с вами прогулки в Карлсбаде?

— Тогда мы были пешие.

— Да... Кажется, целая вечность прошла с той поры... Я тогда уже десять лет была замужем... А вы...

— Впервые оказался за границей, — улыбнулся Жигамонт.

— А ведь нам с вами хорошо было вместе, не правда ли?

— Несомненно.

— Скажите, Жорж, ведь вы были тогда увлечены мною? Были? Хоть самую малость?

— А разве можно было не увлечься вами в ту пору? Ни одна женщина в Карлсбаде не могла сравниться с вами. Но вы были так неприступны...

— Да, неприступна... — Олицкая усмехнулась. — Так ведь вы и не приступали! Если бы вы знали, милый доктор, как я ненавидела свой брак! Мои подруги веселились со своими молодыми женихами, мужьями, поклонниками, рожали детей, а я была привязана к больному старику. Мой муж был неплохим человеком, он заслуживал уважения, но временами я ненавидела его больше всего на свете, я даже желала ему смерти, а он всё жил, жил... Я знаю, что это мерзко, что это достойно всяческого осуждения, но это было так! И его сыновей я тоже ненавидела. Потому что они ненавидели меня! Милый доктор, если бы вы тогда проявили большей отчаянности, я бы забыла о приличиях и пошла бы за вами... Впрочем, всё, что ни делается, к лучшему...

— Счастье, что вас не слышит теперь Немировский, — заметил Жигамонт. — Он бы заподозрил, что убийца — вы.

— Он и так подозревает, — махнула рукой княгиня. — Этот господин уже извёл меня своими вопросами. Боря умел задавать неприятные вопросы, но он был просто младенцем по сравнению с вашим Немировским! Хотя, чёрт побери, он имеет все основания к подобным подозрениям. У меня, может

быть, больше чем у других было причин для убийства... И я могла убить... Сколько раз мысленно я убивала... Иногда мне кажется, что смерти, происходящие в нашем доме, это какая-то материализация мысли. Моей мысли! И это страшно...

«Не чума, так скарлатина, — подумал доктор. — Не дом, а Преображенская больница...»

— Однако продолжим наш путь! — сказала Елизавета Борисовна и стегнула коня.

Жигамонт последовал за ней. Этой женщиной он был не просто увлечён тем летом в Карлсбаде, он любил её, по крайней мере, так тогда казалось. Она была невообразимо прекрасная, юная жена старого князя! Цыганские глаза с красивым разрезом, обрамлённые длинными пушистыми чёрными ресницами, матовая кожа, точёная фигура с осиной талией... Они часто гуляли вместе, благо Георгий Павлович, пользуясь положением врача, часто бывал в доме беспрестанно хворающего князя. Он был ещё не так стар тогда, но разгульный образ жизни сделал своё дело, организм его был изношен, что, впрочем, не помешало ему дожить до столь преклонных лет... Ни разу доктор не позволил себе заговорить о своих чувствах, ни разу не осмелился поцеловать гордую красавицу, предпочтя остаться её постоянным другом, а не промелькнувшим увлечением. К тому же скандал мог испортить его только-только пошедшую в гору карьеру. А она, оказывается, сожалела об этом...

Деревню миновали в объезд, пересекли речушку по деревянному мостку и оказались возле большого деревянного строения. Княгиня остановилась.

— Эта наша больница, — сказала она. — Для крестьян. Собственное моё заведение. Я его скоро как двадцать лет устроила.

— В высшей степени, нужное дело, — одобрил Жигамонт.

В это время на крыльце показался человек лет пятидесяти. Среднего роста, неопрятный, с давно не стриженными волосами и заросшим щетиной лицом, он был одет во фризовую рубаху, потёртый жилет и белый, местами выпачканный халат, о полу которого вытирал руки.

— Ба! Ваше сиятельство собственной персоной! — хрипло сказал он.

— Здравствуй, Амелин! — приветствовала его княгиня.

— И вам не хворать, Елизавета Борисовна. Не ждал вас. Думал, дома вам занятий достаточно. Мрут у вас люди-то. А я Борису Борисовичу говорил, что сердце беречь надо...

— Ты скажи лучше, нет ли среди мужиков каких болезней?

— Так всяческие встречаются. Да что им поделается? Мужик — не барин, на нём скорее шкура рубцуется. Эпидемий сей год не предвижу, так что не извольте беспокоиться.

— Чаем-то не угостишь, эскулап?

— Отчего не угостить? Проходите в дом, — равнодушно пожал плечами Амелин, громко сморкнувшись в измятый платок.

Жигамонт помог княгине спуститься на землю и поднялся вместе с нею на крыльцо.

— Познакомьтесь, Георгий Павлыч, наш лекарь, Всеволод Гаврилович Амелин.

Амелин протянул жилистую, крупную кисть с желтоватыми ногтями:

— А вы, надо понимать, коллега из Москвы? Я намедни был в усадьбе, так мне про вас сказывали. Что ж, рад. Хоть посмотрю на знающего человека в нашей глуши. Да-с... В Москве-то я давненько не был. Стоит златоглавая-то? А, впрочем, куда ж она надевается.

Небось, все церкви трезвонят, а в них пьяный народ стоит, пониже спины почёсывается...

— Это вы Белинского теперь цитируете?

— Угадали. Его. Великий человек был! Настоящий человек среди полулюдей! Было бы поболее таких, так уж всё бы устройство на инакие рельсы поставили! А церкви я бы все прикрыл да в больницы для бедных превратил. Пользы больше было бы! Тысячи людей мрут от ничтожных болезней, потому что у них нет денег лечиться, просто питаться нормально, крыши над головой нет! А эти жирные туши кадят в своих церквях и поют славу деспотизму!

— Всеволод Гаврилович, вы, кажется, чаем нас угостить собирались, — резко заметила княгиня.

Амелин, приволакивая правую ногу, вошёл в дом. У печи сидела юная крестьянская девушка с длинной русой косой и стыдливым румянцем на щеках с детскими ямочками. Она быстро поднялась, поклонилась княгине.

— Малаша, подай самовар и что там у нас ещё есть! — велел ей Амелин, садясь за стол и приглашая к тому же гостей.

Жигамонт сразу заметил большую бедность жилища доктора. При этом в нём не было ни одной иконы, зато висела книжная полка, на которой среди медицинской литературы можно было разглядеть имена Белинского, Штирнера, Чернышевского, Герцена, Некрасова... Георгий Павлович подумал, что Амелин, пожалуй, похож на постаревшего и опустившегося Базарова.

Вернулась Малаша с самоваром, проворно расставила на столе варенье, ржаной хлеб, сало, сухари, солёные огурцы.

— Ну, вот-с, — сказал хозяин, — чем богаты, тем и рады. Ступай, Малаша. Снеси гостинца братцам, что я утром дал тебе.

Девушка ушла, и княгиня, отхлебнув чаю, спросила:

— Что за Малаша ещё? Прежде тебе вроде Варвара прислуживала.

— На сносях Варвара. Отпустил я её, — отозвался Амелин.

— Вот как? Не ты ли, часом, отец её ребёнку будешь?

— И что ж с того?

— Прибьют тебя однажды мужички, вот что. За то, что девок портишь и мужних жён соблазняешь.

— Наши болваны могут. Что с них взять? Да только кто ж их лечить после будет? Дня ж не проходит, чтобы кто-нибудь да не позвал. А уж скольких я на ноги поставил — не счесть! Из могилы вынул.

Амелин резко поднялся, открыл маленький шкафчик, достал оттуда небольшой штоф и две рюмки:

— Будете, коллега?

— Водка?

— Спирт! Я водки не потребляю.

— Воздержусь.

— Изнежились вы в Москве вашей. Как знаете. А я выпью.

Амелин лихо опорожнил рюмку, заел её солёным огурчиком и, посмотрев на княгиню выпуклыми, в красных прожилках глазами, сказал:

— Если и прибьют, так не насмерть. Меня ж столько раз в этой жизни били-поколачивали! Инорядь, кажись, и дух вон, а я отлежусь маленько, и как с гуся вода.

— Трудная у вас, похоже, жизнь была, — заметил Жигамонт, размешивая в чае смородиновое варенье.

— А что бы вы хотели? Жизнь — это вам не банки ставить... Жизнь — борьба... Мне бы капиталец, так я бы пошуровал, а так гнию здесь заживо в окружении Малашек, Парашек и Нюрок! С ними слова сказать не о чем. А Малаша ещё моду взяла иконы мне ставить. Дура... Я уберу, а она в слёзы и опять ставит. Хочет, чтобы я в Бога верил! А я плюю на эту веру её... Что мне

в ней? Чума бубонная! Я человека всего изнутри знаю, и никакой тайны в нём нет!

— А как же любовь? — иронично поинтересовалась Елизавета Борисовна.

— Не вам говорить о ней, княгиня! Вы-то за старика не по любви шли. А неравный брак — это, знаете ли, любовь на протезах!

— Он не парле па де корде дан зла мезон дюн пендю¹⁷.

— Странно, — подал голос Жигамонт, — я сорок лет лечу людей, а тайн для меня не становится меньше.

— Предрассудки всё это, — Амелин зевнул. — Люди говорят о Боге, а сами дружка дружку жрут и исподтишка фигу иконе показывают. Попы толкуют о Боге, а сами в золоте ходят, столы у них ломаются. С Богом я покончил, чума меня забери.

— А душа как же?

— Хорошо туше с хлороформной повязкой на душе... Нет никакой души, есть нервы, психология. Правда, сфера эта ещё недостаточно изучена, но время это поправит.

— Надо тебе, Амелин, с отцом Андроником на этот предмет потолковать. Мы с доктором люди мирские, от горних высот далёкие, а он человек Божий, — сказала княгиня.

— Лицемер он, ваш святоша. Постник выискался, чума его возьми! С виду-то он сама добродетель, аскеза, а про себя весь от гордости раздувается: какой я праведник! Смотрите на меня!

— Злой ты, Амелин, — вздохнула Олицкая. — Слова с тобой сказать невозможно стало, любого проглотить готов. А, помнится, ты прежде песни пел...

— Чума бубонная, я и теперь пою, — усмехнулся Всеволод Гаврилович, опрокидывая ещё рюмку и

утираясь рукавом. Он откинулся на спинку стула и затыкнул неожиданно сильным голосом:

— Что так жадно глядишь на дорогу

В стороне от веселых подруг?

Знать, забило сердечко тревогу —

Все лицо твое вспыхнуло вдруг...

На середине песни в комнату заглянула Малаша и, робея, сообщила:

— Там Ерофеич расшибся... На крышу полез и расшибся...

— Чума бубонная! — сердито воскликнул Амелин.

— Что, коллега, не чума, так скарлатина? — улыбнулся Жигамонт.

— И не говорите! — Амелин убрал графин, подошёл к прибирающей стол Малаше, быстро прижал её и шепнул, уколос щёку своей щетиной: — Ах, ты, хорошая моя...

Елизавета Борисовна покачала головой:

— Смотри плут — бока намнут!

— Прощевайте, ваше сиятельство! Прощевайте, коллега! Желаю здравствовать, — Амелин взял стоявший наготове сундучок и ушёл.

Жигамонт и княгиня продолжили свой путь. Елизавета Борисовна сбавила аллюр. Теперь они ехали мелкой рысцой, время от времени и вовсе переходя на шаг.

— Устали, Елизавета Борисовна?

— По счастью, да. Иногда полезно томить себя физически. Мыслей и чувств остаётся меньше, — отозвалась Олицкая. — Как вам понравился ваш коллега?

— Тяжёлый человек. Мне показалось, что он вёл себя бесцеремонно с вами.

— Он со всеми себя одинаково ведёт. Таков человек. С ним, конечно, весьма сложно иметь дело, но врач он от Бога. К тому же многих ли заставишь работать в

нашей глуши? А Всеволод Гаврилович едва на каторгу не попал. Ему в столицы путь заказан. Прежде он мягче был. Такой чистый юноша, идеалист, одержимый мечтами о счастье всего человечества. А теперь озлился, опустил, пить стал... — княгиня вздохнула. — Знаете, милый доктор, я за последнее время устала больше чем за всю жизнь...

...Вдали горели кресты церкви. Елизавета Борисовна перекрестилась:

— Прости, Господи, мою душу грешную...

Стук в окно Антон Александрович услышал сквозь сон. Он тяжело поднялся, сунул ноги в валенки и, не запахивая халата, отворил дверь.

— Здорово, Емеля... Разбудил ты меня...

— Что, сны сладкие смотрели?

— Да уж какие тут сладкие... — махнул рукой князь. — Кошмары меня мучают, вот что... Чувствую, что она рядом где-то. Что ходит за мною и только время выбирает...

— Кто ж она?

— Она, Емеля, она... — Антон Александрович передёрнул плечами, обхватил себя руками. — Холодно что-то... Баньку бы...

— Баня — это дело, — кивнул гость, усаживаясь к столу. — А для начала, может, согреемся?

— И то дело, — решил князь.

На столе стоял небольшой самовар, он открыл краник, и в одно мгновение подставленные рюмки были наполнены настоянной на смородине водкой.

— Вздогнули!

— Между первой и второй...

— Уф, полегчало... — Антон Александрович потёр ладонью белую грудь. — Вообрази себе, брат Емеля, хотел я уехать из этого чумного дома, гори он ясным пламенем, а стерва эта не пустила меня...

— Кто-кто?

— Мачеха, черти бы её взяли! — князь хватил кулаком по столу.

Емеля вдруг расхохотался.

— Ты чего ж смеёшься, подлец?!

— Как она вас, ваше сиятельство, не пустить могла? Али за ножки держала? Али в подполе заперла?

— Дурак!

— Кто ж вам мешает уехать? Махните ночью через забор и айда!

— Умно, — усмехнулся князь. — Только ты забыл, что я не тебе чета! Я не холоп! Я князь, чёрт побери!

— Позвольте вам заметить, что и я не холоп, — посуровел гость.

— Ну, не оскорбляйся... Это я сгоряча... Но неужели я, князь Олицкий, стану прыгать через забор, убежать?! Ведь это позор! Не могу!

— А мало ли позора было в вашей жизни, ваше сиятельство? Али запомнили?

— Молчи! — зашипел Антон Александрович. — Я всё помню... Да и как бы я мог забыть теперь, когда это вернулось?! А ты бы мог и не вспоминать мне. Я спяну тогда наговорил тебе всякого, а ты и рад! Что бы там ни было, а честь дворянскую я ещё не пропил!

— Честь? Нет, честь вы не пропили. Вы только человека убили, ваше сиятельство.

Князь вздрогнул и впился глазами в своего гостя. Тот сидел развязно, спиной к окну, так, что лица его невозможно было разглядеть.

— Ты зачем пришёл сюда?! Ты?!

— О, не волнуйтесь, ваше сиятельство. Вы ведь знаете меня. Я — могила... Вашей маленькой тайны никто не узнает.

— Страшно мне, Емеля... Она мне по ночам снится. Но, чёрт меня побери, не я виноват в том, что случилось! Это всё братец мой... Он тогда бредил

Печориным и, вообрази, находил с ним у себя великое сходство. Ну, скажи мне, Емеля, какого чёрта ему не хватало?! Он ведь был красив тогда! Женщины сами вешались ему на шею! А он — скучал! Печальный демон... Поживи ты весело — помирать не тошно... А он, что бы ни делал, всё со скукою! Всё — словно заставлял его кто... Даже разврат — без куража... Что это? Здесь у нас ущипнёшь девку какую или бабёнку, прижмёшь её в уголке укромном, и хорошо! Весело! А только не ему! Ему-то главное удовольствие — других мучиться заставлять... Да разве я знал, что всё так выйдет! Я тогда пьян был сильно, не соображал... Какой спрос?! Ну, почему, почему я теперь за его преступление платить должен?!

— Может, потому что он уже заплатил?

— Я тогда на первых парах покаяться во всём хотел... Отцу в ноги кинулся... Ну, уж он того не допустил. С Борисом вместе...

— А вы б к попу сходили!

— К попу... Нет, не хочу к попу... Я попов не люблю. Только что бороды большие, а благодати с гулькин нос...

Емеля снова рассмеялся, закинув голову. Антон Александрович выпил ещё и сказал тихо:

— Тяжело у меня на душе, Емеля... Вот, думаю, а что если есть Бог? И загробная жизнь?

— Чушь всё это!

— А если нет? Ведь мне ж по грехам моим в ад прямая дорога... Я боюсь ада... Ну, как придёт она за мной, а я пьяный в дым, во грязи валяюсь — и так-то предстану пред очи Творца?

— Вы бы пили меньше, ваше сиятельство, а то вам скоро не то что Бог, а черти по углам мерещиться начнут.

— А они мне и так видятся, — вздохнул князь. — Слушай меня, Емеля. Я ведь покаяние моё написал всё-

таки, — он вынул из стоящего на комодe ларчика конверт и показал его гостю. — Вот, оно. Здесь я написал всё. Ты, если что со мной, передай этот конверт отцу Андронику, чтоб помолился... Я попов не люблю, но всё-таки...

Емеля взял конверт и спрятал его за пазуху:

— А не боитесь, ваше сиятельство, этикие документы стороннему лицу доверять?

— Я теперь ничего уже не боюсь, кроме неё... И потом ты же могила? Или я ошибаюсь? — усмехнулся Антон Александрович.

— Ваше здоровье! — гость поднял рюмку.

Князь понуро опустил голову.

— И всё-таки я ей не дамся, — прошептал он. — Я её ждать буду. Я с нею сумею справиться... А затем убегу. Да-да, я убегу. Убегу далеко. От всех них убегу. И от деспотичной мачехи, и от могил, и от чертей, и от неё... Прочь! И плевать на княжескую честь... Решено. Я убегу!

Асе не спалось. Ночь была душной, и, несмотря на открытые настежь окна, дышалось тяжело. Одеяло упало на пол, и девушка лежала в одной сорочке, время от времени проваливаясь в сон, но и в нём чувствуя тяжесть воздуха. Внезапно ей послышалось, что кто-то ходит по коридору. С трудом отняв голову от подушки, Ася прислушалась. Слух не подвёл её, и девушка на цыпочках подошла к двери, слегка приоткрыла её и выглянула наружу. В темноте она увидела удаляющуюся фигуру в белом балахоне. Ася прижала руку к губам, чтобы не вскрикнуть. Когда «призрак» исчез, она поспешно вернулась в комнату, сделала несколько глотков прохладной воды, накинула халат и, затеплив масляную лампу, собралась снова выйти в коридор, но внезапно ощутила запах дыма, доносившийся с улицы. Ася подошла к окну и

раздвинула шторы. Недалеко от дома в ночной мгле пестрели языки пламени, и чёрный дым столбом поднимался к звёздному небу.

Ася бегом выскочила в коридор и что есть мочи застучала в дверь комнаты крёстного:

— Николай Степаныч! Дядя Николая! Проснитесь!

Повернулся ключ в замке, и на пороге показался Немировский в зелёном халате с широкими отворотами, держащий в руках свечу.

— Ты почему босиком? — с укоризной спросил он. — Не хватало ещё, чтобы ты простыла!

— Дядя Николая, пожар! — выдохнула Ася.

— Что?!

— Там! — девушка указала на окно. — Посмотрите! Горит что-то! Только я не поняла, что...

— Зато я уже понял, — мрачно сказал Николай Степанович, приглаживая волосы и направляясь к окну. — Это горит флигель, куда съехал князь Антон...

— Господи... — Ася перекрестилась.

В этот момент открылась дверь напротив, и в коридоре показался заспанный доктор Жигамонт.

— Что случилось? — спросил он.

— Георгий Павлыч, будьте добры, разбудите княгиню! Горит флигель.

— Не чума, так скарлатина...

Тем временем, на улице уже слышались голоса. К горячей постройке сбегалась челядь. Несли воду — ведрами, самоварами, кастрюлями, лоханками — заливали пламя, кричали и ругались. Из темноты к флигелю направилась высокая фигура в чёрном — отец Анроник. Он достал крест, благословил мужиков на тушение пожара, и замер, словно изваяние, глядя на пожирающее постройку пламя.

Немировский захлопнул окно и повернулся к крестнице:

— Ты ещё здесь? Иди обуйся и оденься.

— Дядюшка, я видела его, — тихо сказала Ася.

— Кого, помилуй?

— Призрак. Я услышала шаги, выглянула в коридор, и видела уходящую белую тень. А потом начался пожар.

Старый следователь поцеловал девушку в голову:

— Ты сегодня молодец, красавица моя. Иди одевайся и возвращайся. Я тебя жду.

Ася вернулась к себе, поспешно натянула тёмное платье, накинула шаль и вернулась к Немировскому, который также успел переодеться и уже разговаривал со стариком Каринским, выглядевшим потерянным и беззащитным в своём наспех надетом халате и ночном колпаке, с нервно подрагивающей головой.

— Кара, кара Господня! — сокрушённо шептал Алексей Львович. — У меня такое чувство, точно судный день настал в нашем доме...

— Дядя, вам бы лучше вернуться в свою комнату, — сказал белый, как мел, Родион, позади которого пряталась дрожащая Маша.

— Да, ты прав, мон шер, — рассеянно отозвался Каринский. — Мне что-то дурно...

— Я скажу доктору, чтобы он зашёл к вам!

— Нет-нет, не надо... У него и без того дел довольно...

Когда Алексей Львович, сопровождаемый Машей и Родионом, ушёл, Немировский обернулся к Асе:

— Вот уж точно, кара Господня... Идём, моя красавица. Все уже там...

Возле горящего флигеля сновали люди. А совсем рядом стояла, скрестив руки на груди и плотно сжав губы, княгиня Олицкая. Одета во всё чёрное, с безупречно уложенными волосами, она неотрывно следила за происходящим, время от времени отдавая приказания своим людям, указывая сжатым в руке хлыстом, куда-то, бранясь, как не подобает знатной даме. Удивительно смотрелась Елизавета Борисовна в

этой ночи, в отблесках пламени, со своей неженской твёрдостью и распорядительностью.

— Ты куда ж летишь, блоха неподкованная?! Назад! Черпай воду! Лей! — словно визг кнута, разрезал воздух её голос.

Вокруг княгини вились искры, совсем рядом падали обломки горящего здания, но это, казалось, ничуть не пугало её.

— Елизавета Борисовна, вы бы отошли подальше! — подступил к ней Лыняев. — Здесь слишком опасно.

— Без тебя знаю! Но шагу не сделаю отсюда!

— Так ведь, если что...

— А ты трудись, чтобы не было ничего! — закричала княгиня. — Пусть сгорит этот чёртов флигель, пусть сгорит то, что рядом с ним, но пламя не должно приблизиться к моему дому, или же пусть оно поглотит и меня! Что стоишь?! Бери ведро и туши, черти тебя разорви!

— Великая женщина, — с уважением произнёс Немировский.

Елизавета Борисовна нервно грызла ручку хлыста. Заметив Николая Степановича, она криво усмехнулась:

— Поздравляю вас, господин сыщик... Кажется, ещё один покойник в нашем доме, от которого даже пепла не останется... И опять — несчастный случай! Пьян был в хлам по своему обыкновению, вот, пожар и случился!

— Я, Елизавета Борисовна, говорил вам давеча, чтобы кто-нибудь из ваших слуг приглядывал за флигелем во избежание несчастья. Было ли это сделано?

— Господин Немировский, всё это пустое. Ни один сторож не будет бодрствовать, не понимая надобности в том. Он рассудит: этот пьяница-князёк спит-храпит, а я чем хуже? И захрапит так же! Что мне Лыняева было просить проследить за этим баламутом? Да и как прикажете? Он не весь день сиднем сидел. Я

удивляюсь, что он ещё прежде не свернул себе где-нибудь шею...

— Не очень-то вы печалитесь о своём пасынке.

— Ваша правда. Я о флигеле и доме своём больше печалюсь, — откровенно сказала княгиня. — Вот, только теперь остались в нашем доме трое Олицких: я, Родион и Володя. И если что-нибудь с ними случится, то... — Елизавета Борисовна в сердцах взмахнула хлыстом. — Я пригласила вас, чтобы вы нашли убийцу, а вы только дурацкие вопросы задаёте!

Олицкая отошла в сторону. Немировский вздохнул и сказал стоявшей рядом Асе:

— Не люблю пожаров. Огонь слизывает все следы возможного преступления, ничего не оставляя нашему брату...

— Что ты жадно глядишь на дорогу... — Амелин тоскливо посмотрел на небо и протёр очки полрой фартука. Этим утром он выглядел опрятнее, чем накануне. Лицо его было выбрито, а волосы расчёсаны. Всеволод Гаврилович появился, когда флигель был почти потушен, и приступил к осмотру пострадавших в ходе тушения. Таких насчитывалось более десяти человек с ожогами, переломами и ушибами.

— Вам помочь, коллега? — предложил Жигамонт.

— Не стоит, — усмехнулся Амелин. — Вы аристократ! Человек благородный! Ваше дело — господа, а моё — холопы.

— Напрасно вы так. Среди моих московских пациентов есть и бедняки.

— Что ж, это делает вам честь, — отозвался Всеволод Гаврилович, принимаясь осматривать ногу одного из пострадавших.

— Доктор, доктор, слышишь, только не режь её, слышишь? Я ведь не обженился ещё, а кому я без ноги нужен буду? — говорил тот, дёргая Амелина за рукав.

— Успокойся, никто твоей ноги резать не будет. Нужна-то она мне... Сейчас вот жгут наложу, и ковыляй до дому...

— Точно резать не будешь?

— Сказал же уже.

— Хороший ты доктор, — обрадовался мужик.

— Я, по правде, удивился, Всеволод Гаврилович, что вы только теперь пришли, — сказал Жигамонт. — Ведь так долго полыхало! Со всех деревень народ сбежался!

— А у нас народ горазд бегать на всё, что ни попадя, глазеть, раззявив рты. Помнится, и государь наш, Пётр Третий, большим любителем пожаров был. Ну, да я ведь не Пётр, а потому предпочитаю приходить только туда и только тогда, где во мне нужда есть. Тем паче, не скрою, пьян я с вечера был... А браться за скальпель дрожащими руками — это уж, чума бубонная, не по мне.

— Да, скальпель не игрушка: раз махнёшь, и души не вернёшь.

— Вот-вот... Говорят, княгиня-то всю ночь на пожар любовалась? А сейчас что ж, вздохнуть отправилась?

— Боюсь, что нет. Елизавета Борисовна вместе с управляющим занимаются подсчётами убытков.

Амелин вдруг расхохотался:

— Ай, скосырь-баба¹⁸! Уважаю! Три покойника в доме, пасынок только что сгорел, а она, вооружившись счётами, убытки считает! Любому дярге фору даст! Она бы, чума бубонная, могла такими делами ворочать!

— А откуда вы взяли, что Антон Александрович погиб?

— Так кто ж этого не знает? Вон, бабы наши уже воют. Главное, объясните вы мне это, коллега, какого дьявола они воют? Как будто им дело есть до этого вечно пьяного князька! Да они едва видали его! Нет-с! Традиция! Кто из бар помер (туда им всем и дорога!) — так они в вой и причитания! Особый вид искусства

народного! Особое амплуа, так сказать! Плакальщицами называется! — Амелин внезапно прищурился. — Вот, интересно, что будет делать эта барыня, когда её собственный сынок преставится?

— Это вы о чём?

— Только не прикидывайтесь, Георгий Павлыч. Четвёртая смерть за столь короткий срок — это неспроста. А, если они продолжатся, то нетрудно догадаться, кто станет следующим. Вы не согласны?

— Не дай Бог, чтобы это случилось, — ответил Жигамонт, которого начинала коробить плещущая через край желчь Амелина. — Простите, но мне нужно идти, если, конечно, моя помощь вам излишня.

— Жили без вашей помощи и дальше проживём. Желая здравствовать!

— И вам — того же...

Георгий Павлович быстро пошёл по аллее. Обогнув большую розовую клумбу, он столкнулся с Немировским.

— Николай Степанович, надо что-то делать! — сразу начал он.

— Разумеется, — кивнул следователь. — Давайте пройдем немного вглубь сада.

— Послушайте, это же уже ни на что не похоже! Что если завтра что-то случится с Родионом или княгиней? Ясно ведь, как Божий день, что кто-то присвоил себе функции рока! Может, лучше, чтобы все покинули этот проклятый дом?

— Бесполезно.

— Но почему?!

— Вы знаете княгиню лучше меня, Георгий Павлыч. Для неё этот дом — всё. Она не покинет его никогда. Она предпочтёт умереть, но умереть в его стенах. А, если не поедет она, то не поедет и её сын, который, конечно же, не пожелает оставить мать в такое трудное время. Это во-первых.

— А что во-вторых?

— Во-вторых, если кто-то возомнил себя роком, то он доберётся до них, где бы они ни были. Может, только несколько позже.

— Тогда что делать?

— Быть всё время рядом. Вам, например, — с княгиней.

— Мы не сможем быть рядом всегда! Вы хоть имеете малейшее представление, кто может быть убийцей?!

— Я сегодня отправил письмо в Москву. Вигелю. Хочу, чтобы он установил, чем занимались братья Олицкие и неразлучный с ними Каверзин в Москве в молодые годы. Они прожили там около трёх лет, прежде чем поспешно отправились за границу. И об этом периоде ничего толком неизвестно. Почему-то об этом в доме не говорилось. Княгиня сказала только, что решение о поездке в Европу было принято спонтанно. Что её муж очень раздражён был в то время. Что Антон оставил вдруг полк. Знаете, это всё очень напоминает бегство. Вопрос, от кого? И ответ на него можно найти только в Москве. Я бы отправился туда сам, но должен быть здесь. Поэтому остаётся надеяться на Петра Андреевича, который меня, впрочем ещё ни разу не подвёл... — Немировский вдруг замолчал и крепко схватил Жигамонта за руку. — Поглядите скорее туда!

Доктор посмотрел в указанном направлении и вздрогнул: в глубине сада, среди кустарника шаткой походкой двигалось нечто, облачённое в белый балахон.

— Белая дама... — прошептал Жигамонт.

— Причём эта дама из плоти и крови, — кивнул Николай Степанович. — И я навсегда откажусь от табака и выброшу мою тавлинку, если это не та особа, которую я подозреваю.

— Что будем делать?

— Ловить призрак, дорогой доктор. Вы заходите справа, а я слева. И старайтесь двигаться бесшумно, чтобы не спугнуть её...

Взяв трость под мышку, Георгий Павлович стал осторожно приближаться к покачивающейся из стороны в сторону фигуре. Он не заметил, как наступил на ветку, и та предательски хрустнула. «Белая дама» вздрогнула, обернулась, закричала и бросилась бежать, но путь ей преградил Немировский. Николай Степанович схватил бьющуюся женщину за руки:

— Ну, ну, спокойно, Евдокия Яковлевна...

Подоспевший доктор увидел бледное лицо пойманной «дамы», с приоткрытым ртом и безумными, блуждающими глазами.

— Демоны, демоны... — захлёбываясь, шептала она. — Ослаби, остави... Изыди!! Свят-свят-свят...

— Бог мой, кто это? — спросил Жигамонт.

— Лыняева, — коротко ответил Немировский. — От табака отказываться не придётся. Вероятно, кто-то опять забыл запереть её. А ещё кто-то время от времени отворял ей дверь по ночам, чтобы она блуждала по дому в сшитом из простыней балахоне. Не так ли, Евдокия Яковлевна?

— Демоны, демоны... Свят-свят Господь наш... Страшный Суд грядёт!

— Похоже, она, в самом деле, сумасшедшая, — вздохнул Георгий Павлович, глядя на ползающую на коленях Лыняеву. — В таком случае, нам трудно будет добиться от неё, кто надоумил её на этом маскарад.

— Это мог сделать только кто-то близкий ей.

— Муж?

Немировский пожал плечами:

— Доктор, вы разбираетесь в психологии?

— Не могу сказать, чтобы очень хорошо. У меня несколько иная специальность.

— Вы можете отличить безумие природное от вызванного воздействием каких-нибудь снадобий?

— Вы думаете, что её нарочно сводили с ума?

— Не исключаю. А потому я вас очень прошу, доктор, со всем вниманием осмотреть эту женщину, узнать, чем её лечили. В общем, не мне вас учить!

— Я понял, Николай Степанович.

Немировский глубоко вздохнул и утёр рукавом лоб.

— Вам нехорошо? — спросил Жигамонт.

— Всё в порядке. Просто сердце слегка зашлось... Всё же мне не двадцать, чтобы бегать во лесам, ловя сумасшедших. Не вспомню, когда и было такое.

— Зато потрянули стариной, — улыбнулся Георгий Павлович.

— Да уж. И теперь нам, наконец, будет, что предъявить княгине. По крайней мере, с одной тайной этого милого дома мы разобрались, и призрак больше не будет пугать по ночам его обитателей...

— Какая, однако, тишина воцарилась в нашем доме... — промолвил Алексей Львович, отходя от окна. — Страшная тишина. Не скрою, я не был привязан ни к Володе, ни к Антону... Вообще-то, они были чужими людьми для меня, но это не укладывается в голове: они были молоды, им бы ещё жить да жить, и вдруг... — старик развёл руками. — Мои сыновья также умерли молодыми. Один от болезни, другой был убит на дуэли, а третий погиб в Севастополе... Мне это казалось такой страшной, непоправимой несправедливостью! Я, старик, оставался жить на этом свете, а они лежали в могиле... Князь Вяземский, как и я, дожил до очень преклонных лет, он похоронил семерых из восьми своих детей... Когда уходит человек в летах, это горько, но это должно быть... Но человек в расцвете сил! Несправедливо...

Каринский опустил в своё кресло и взял за руку сидевшую перед ним девушку:

— Вы так ещё молоды, мадмуазель Завьялова, у вас впереди всё, вся жизнь... Мне бы очень хотелось, чтобы она была счастливой и долгой... Знаете, вы немножко похожи на жену моего старшего сына Николая. Он погиб в Севастополе... Они прожили вместе только два года, и она осталась вдовой. Мне так больно было смотреть на неё! Такое было ощущение, точно она птенец, выпавший из гнезда... Она потом ушла в монастырь...

— Мой дед также погиб при обороне Севастополя, — сказала Ася. — Он был инженером, лично знал Тотлебена¹⁹, который бывал в нашем доме потом, как мне рассказывал отец.

— Девочка, это было такое великое время! Да, та война была проиграна нами, она унесла столько жизней, лучших жизней, но какой великий подвиг! Мой сын был офицером на одном из затопленных кораблей. Он рыдал, когда они уходили под воду... Незадолго до войны я частенько бывал в Севастополе, так как Николай квартировал там... Всех героев будущих я знал лично, видел их, пожимал им руки! И тогда я понимал, что это выдающиеся люди, но война раскрыла их полностью... Война, вообще, очень раскрывает людей... Знаете ли был там такой граф Остен-Сакен²⁰, начальник гарнизона севастопольского... Он говорил, что бережет себя для Отечества! Ни разу не видели его близко от опасных мест, он всю кампанию отсиживался подальше, берёг себя... И сберёг, дожил до глубокой старости. Видите, мадмуазель Завьялова, как выходит: одни берегут себя для Отечества, а другие просто умирают за него. Я несколько раз имел возможность лично беседовать с адмиралом Павлом Степановичем... Это был удивительный человек. И очень щедрый. Как сейчас

помню, идёт он по улице, а вокруг толпа. И слышится: «Нахимов! Нахимов!» И все просят, просят, зная, что не откажет. И он им всё своё жалование зараз раздаёт, а сам потом кое-как да в долг перебивается. А иной раз деньги закончатся у него, так он офицеру сопровождающему скажет: «Подайте им, голубчик, а я вам после верну...» Дивной души человек был! Такие себя не берегут, такие за ближнего да за Отечество живот и душу кладут...

Ася, склонив голову набок, как зачарованная, слушала, негромкий, слегка прерывистый голос старика, его говор с характерным французским прононсом. Как наяву, вставали перед её взором описываемые им картины далёкого прошлого.

— А все письма Николая я храню. Это ведь история... Может быть, потомкам пригодится. История сейчас в почёте. Может, стоит отдать эти письма напечатать в какой-нибудь журнал? Толстой, вот, написал прелюбопытные очерки о Севастополе, а мой сын был с ним знаком. Они ведь ровесники были... А вам не приходилось видеть нового Государя?

— Да, однажды, — кивнула Ася. — Государыню — чаще.

— О, храни Бог их обоих! — Каринский перекрестился. — Я очень стар, к сожалению. Но и ныне по первому зову моего Государя я готов пролить за него всю мою кровь... А вам, мадмуазель Завьялова, спасибо.

— За что, Алексей Львович?

— Вы так хорошо слушаете, — старик улыбнулся. — Мне это приятно. К тому же я хоть ненадолго отвлекся от наших горестных событий...

В этот момент внизу раздались громкие крики. Каринский вздрогнул:

— Мон дьё! Неужели ещё что-то случилось?!

— Я сейчас узнаю! — Ася быстро направилась к двери.

— Будьте, пожалуйста, осторожнее, дитя моё!

— Володичка, Володичка! Его убили, я чувствую! — истерично кричала Екатерина Васильевна, рвя на себе волосы. — Убили! Сыночка моего убили!

Ничего не осталось в этой обезумевшей от горя женщине от недавней дамы, ярко покрашенной, одетой с большим вниманием к своему туалету и старающейся подчеркнуть свою светскость. Она и прежде не выглядела молодо, теперь же походила на старуху.

— Успокойся, Катя! — стальным голосом сказала Елизавета Борисовна. — Ты же читала записку! Там ясно сказано, что он уезжает сам, навестить приятеля!

— Какого приятеля?! Когда его отец мёртв, а мать при смерти?! Он никогда бы не уехал, не предупредив меня!!!

— Он мог просто испугаться!

— Испугаться?! — лицо Екатерины Васильевны исказила болезненная гримаса. — Уж не тебя ли?! Это ты, ты во всём виновата! Антоша хотел уехать, а ты непустила его, и он погиб! Из-за тебя! И моего мальчика, и меня ты решила погубить! Поэтому и не хотела, чтобы мы покинули дом!

— Ты, Катя, по своему обыкновению, говоришь чушь. Но пусть так! Пусть я тиранка, пусть я виновата! Так радуйся! Твой сын не подчинился мне и сбежал! — княгиня села на диван и подхватила на руки собачку: — Иди сюда, косолапушка! Хорошенькая моя, прелесть!

— Если с моим сыном что-то случилось, я тебя убью, — вымолвила Екатерина Васильевна.

— Сядьте, пожалуйста, вы слишком утомлены, — обратился к ней доктор Жигамонт и, усадив её, успокаивающе погладил по руке.

— Я не знаю, что мне делать, доктор... Я с ума схожу... Мир рушится!

— Николай Степанович, может быть, вы прервёте ваше глубокомысленное молчание и скажете нам, что вы думаете об исчезновении моего племянника? — обратилась Олицкая к стоявшему у окна Немировскому.

— Охотно, княгиня. Во-первых, я надеюсь, что Владимир жив и уехал по собственной воле. Я осмотрел его комнату, и, судя по всему, молодой человек взял с собой небольшой багаж. И записка...

В гостиную вошёл управляющий Лыняев.

— Я опросил людей. Никто не видел молодого князя со вчерашнего дня-с. Господин Немировский, доктор, хочу поблагодарить вас за жену-с.

— Скажите, Архип Никодимович, вы знали о том, что ваша жена по ночам изображает призрак? — спросил следователь.

— Что вы! Конечно, нет! Я и подумать не мог...

— И у вас нет предположений, откуда бы взяться такой фантазии?

— Никаких-с. Ведь она безумная-с...

— Прости, Лыняев, но после всего этого я не хочу, чтобы твоя жена оставалась в моём доме. Чёрт знает, что придёт ей в голову завтра. Возьмёт и зарежет кого-нибудь! — сказала Олицкая.

— Как вам будет угодно-с, Елизавета Борисовна.

— Архип Никодимович, у кого были ключи от комнаты вашей жены?

— У меня и у моей дочери Дарьи.

— Кто-то мог сделать дубликат?

— Я никогда не оставляю ключей без присмотра-с.

— А ваша дочь?

— Ручаться не могу...

— Значит, дубликат мог быть. Кто, кроме вас и вашей дочери, общался с вашей женой?

— Священник и врач.

— Отец Андроник и доктор Амелин?

— Они-с.

— Лекарства, которые принимала ваша жена, давал ей Амелин?

— Не совсем так-с. Он давал их мне, разумеется, и назначал дозу.

Екатерина Васильевна вдруг резко поднялась и направилась к управляющему. Лицо её было бледно, а руки сжаты в кулаки.

— Это ты убил... Ты убил их! Ты! Убийца! — закричала она и, набросившись на Лыняева, расцарапала ему лицо. — Мерзкий шантажист! Мизерабль!²¹

Жигамонт обхватил обезумевшую женщину за талию и с трудом оттащил её от побелевшего управляющего.

— Лыняев, выйди, — коротко бросила Олицкая.

Архип Никодимович, пятясь, ушёл. Жигамонт накапал Екатерине Васильевне успокоительных капель. Когда она немного успокоилась, Немировский спросил:

— Вы ничего не хотите рассказать вам?

— Вам? Расскажу... — тихо ответила Екатерина Васильевна. — Но пусть она уйдёт!

— С удовольствием, — усмехнулась Олицкая. — Довольно я слушала бреда. Не дом, а бедлам!

Когда дверь за княгиней захлопнулась, Николай Степанович взял стул и сел напротив Екатерины Васильевны. Она посмотрела на него зажавшими, лихорадочно блестящими глазами и сказала с горечью:

— Бог жесток... Он наказал меня за мой грех... Слишком страшно наказал...

— Я понимаю, вам трудно говорить, — вкрадчиво промолвил Немировский. — Давайте, я буду задавать вопросы, а вы будете отвечать.

— Прежде обещайте мне одну вещь.

— Какую?

— Найдите моего сына.

— Обещаю, Екатерина Васильевна.

— Остальное мне уже неважно... Спрашивайте. Я расскажу вам всё...

— Вы любили Бориса Каверзина?

— Да.

— А он вас?

— И он тоже.

— Вы не смогли выйти за него замуж из-за его происхождения?

— Родители бы не допустили этого брака.

— По их настоянию вы приняли предложение Владимира Олицкого?

— Да. Он никогда не любил меня... В нашу первую ночь он уехал в город, а вернулся лишь через неделю. Ему было всё равно, что со мной, где я... Он жил своей жизнью, в которую не пускал меня, давая понять, что я слишком глупа, чтобы приблизиться к нему. Он презирал меня, а я его... ненавидела. Больше всего на свете...

— А Каверзин вас утешал...

— Он всем казался мрачным, нелюдимым, злым... А у него сердце доброе было. Он всю жизнь страдал. Знал, что имеет такие же права, как Владимир, знал, что он тоже князь Олицкий... Боря носил в себе эту боль, это унижение, и никому не показывал! Вы знаете, каково это — быть непризнанным сыном? Благодарить за подачки, унижаться ежесекундно перед родными братьями и отцом. Быть холопом при собственном отце-князе. Никто не знал, чего это ему стоило. Никто из них не догадывался... У меня не было человека ближе и роднее. И у него тоже. Мы понимали друг друга без слов, потому что нас обоих унижали в этом доме. Все! Мы часто мечтали уехать вместе...

— Ваш муж знал о ваших отношениях?

— Нет, не думаю. Он не интересовался моей жизнью. И ничьей, кроме собственной.

— А Лыняев узнал?

Екатерина Васильевна резко подняла голову, утёрла слёзы и ответила гордо:

— Он узнал не то, что было на самом деле! Между мной и Борей не было того, что измыслил этот человек. Да, мы любили друг друга, но отношения наши оставались платоническими. Мой муж был дурным человеком, но я не изменяла ему. А этот негодяй... Он хотел оклеветать меня перед мужем. Он следил за нами, выкрал несколько моих писем... Я написала их в тяжёлые минуты, дав волю чувствам! И при желании из них легко можно было бы сделать вывод... А у моего мужа непременно бы возникло такое желание! Он бы не стал разбирать...

— Лыняев стал шантажировать вас?

— Да. Он грозил передать мужу письма, намекал, что, заподозрив супружескую неверность, муж может усомниться и в том, что Володя не его сын...

— Ваш муж поверил бы в это?

— Муж был человеком подозрительным. Он никого не любил... И Володю не любил тоже. Он смотрел на него лишь, как на продолжение рода. Лыняеву не пришлось бы слишком утруждаться, чтобы очернить меня!

— Чего он хотел?

— Денег и моего расположения... Последнего он добивался очень давно. Он говорил, что Владимир превратит нашу жизнь в ад, если прочтёт мои письма.

— Что сделали вы?

— Я всё рассказала Боре. Он меня успокоил. Сказал, что клин клином вышибают.

— Что это значит?

— У Бори были какие-то бумаги, свидетельствующие о нечистоплотности Лыняева в делах... Что-то серьёзное. Если бы наша «императрица» узнала, то этот мерзавец тотчас был бы уволен.

— И Каверзин пригрозил Лыняеву разоблачением в случае, если он будет пытаться вас шантажировать?

— Именно. А этот негодяй испугался и убил его... И всё донёс мужу, чтобы отомстить мне! А Владимир был слишком горд, чтобы выдержать такой удар...

— Вы точно знаете, что Лыняев донёс?

— Нет, но я в этом уверена. Вы найдёте моего Володю?

— Обещаю вам, Екатерина Васильевна.

— Доктор, отведите меня в мою комнату, пожалуйста...

— Конечно, — Жигамонт помог несчастной женщине подняться и, бережно поддерживая, увёл её.

Немировский тряхнул головой и вышел из гостиной. На пороге он столкнулся с Асей и по нетерпению в её лице сразу догадался, что она ждала его.

— Что, егоза, ждёшь рассказа? А ведь это тайна следствия! — улыбнулся он.

— Не угадали, дядя, — насупилась Ася.

— Тогда что?

— Я вчера видела Володю!

— И что?

— С девушкой! В саду!

— Так, а подробнее? — заинтересовался следователь.

— Дядя, это была его возлюбленная!

— С чего ты взяла?

— Да вы бы их видели! Как они нежно держались за руки, как говорили... Целовались!

— Вот, это уже важно. А ты где была в это время, моя милая тайная полиция?

— Смотрела в окно.

— И кто же была эта девушка, мой дорогой соглядатай?

— Дочь колбасника Данилова, который приезжал вчера. Я потом спустилась на кухню и завязала разговор

с поварихой о разных разностях. Вот, и выяснила. Дядюшка, я думаю, что она специально к нему приехала, и они вместе сбежали.

— И очень мудро сделали. Я склонен полагать, что ты права, — Немировский ласково потрепал крестницу по щеке. — Умница! Чтобы я без тебя делал!

— Раньше ведь обходились, — улыбнулась Ася.

— Действительно. Вот, чудо-то! Ну, вот что, крестница, возьмишь сегодня коляску с кучером и поедешь в город.

— Зачем, дядюшка?

— Колбаски свеженькой прикупить, — пошутил Николай Степанович. — Скажешь, что письма сама отправить хочешь и город посмотреть.

— А, на деле, попытаться узнать, не случилось ли чего в доме купца Данилова?

— Именно.

— А не боитесь вы меня одну отпускать? — прищурилась Ася.

— А я тебя с кучером отпускаю!

— Тётушка бы этого не одобрила.

— А тётушке мы не скажем. Поезжай, красавица моя. Ты девочка умная, глупостей не наделаешь. Ты ведь хотела быть агентессой? Я тебе предоставляю возможность попробовать себя в этой роли.

— Мерси, шер онкль!²² — рассмеялась девушка, обнимая крёстного.

— Дё рьян²³, — в тон ей ответил Немировский.

Глава 6

Извозчик остановился у дома в самом конце Тверской улицы, Василь Васильич спрыгнул на землю и постучал. Дверь отрыла Соня, спешно вытирающая полные, распаренные руки о белый фартук:

— Господин Романенко, здравствуйте! Где это вы пропадали столько времени? Анна Степановна не раз вас поминала.

— Надеюсь, не худым словом? — весело улыбнулся Романенко.

— Как можно! Вы проходите! Барыня сейчас в гостиной, «Могилу Наполеона» раскладывает.

— Спасибо, Соня.

Василь Васильич поднялся по ступенькам, по обыкновению перепрыгивая через одну, и с сияющей улыбкой вошёл в гостиную.

— Здравствуйтесь, дражайшая Анна Степановна! — воскликнул он, отвешивая земной поклон, касаясь при этом рукою пола.

Кумарина, сидевшая в глубоком кресле за низеньким чайным столом, погружённая в хитросплетения пасьянса, вздрогнула от неожиданности, подняла свои лучистые, как у брата, глаза на гостя и ласково улыбнулась:

— Голос у тебя, батюшка мой, что труба иерихонская. Напугал меня.

— Простите великодушно, Анна Степановна! Как ваше здоровье?

— Хвала Господу, недурно. А ты уж, часом, свет мой, не из-за города ли прибыл?

— Ничего-то от вас не скроешь! Глаз-алмаз у вас!

— Хорошо, небось, на природе-то?

— Ах, Анна Степановна, мне не до природы было. Я ведь по службе ездил. Вот, хотел об одном деле с Николаем Степановичем посоветоваться. Дома ли он?

— О! За ним тебе нынче в Коломну ехать придётся! — лицо Кумариной выразило лёгкое недовольство. — Как ребёнок, ей-Богу... Ну, добро бы молодой был, не сиделось бы дома ему, а то уже и сердце подводит, а он всё туда же... И Асю мою с собой увёз. Тоже оглашенная... Что за люди пошли теперь!

Романенко медленно поднялся с поручня кресла, на который было присел, и переспросил:

— В Коломну вы сказали?

— Именно.

— А зачем он туда поехал?

— А это ты, друг сердечный, у своего друга Петра Андреевича полюбопытствуй. Он тебе всё доподлинно и подробно расскажет.

— Спасибо, Анна Степановна, я так и поступлю, — кивнул Василь Васильич. — Разрешите откланяться!

— Эх, Вася, Вася, не умеешь ты быть вежливым до конца, — вздохнула Кумарина. — Нет бы посидеть чуток, чайку с вареньицем откушать, потешить старуху...

— Анна Степановна!

— Да Бог с тобой, — рассмеялась Анна Степановна, махнув рукой. — Мне ли не знать, что такое ваша сыщицкая служба? Беги уж. А то у меня, видишь, экая трудность: пасьянс не сходится! Третий раз раскладываю, и ни в какую!

— Попробуйте короля переложить! — посоветовал Романенко.

Кумарина поправила очки и поглядела на расклад:

— А ведь и в самом деле! Вот, видишь, Вася, как удачно, что ты ко мне зашёл. Ну, ступай с Богом!

— Всего доброго, драгоценная Анна Степановна!

— И тебе не хворать!

После нескольких часов допросов свидетелей, Вигель решил не брать извозчика, а пройтись пешком, дабы проветрить голову и размяться после долгого сидения на одном месте. Пётр Андреевич неспешно шёл по Ильинке, поигрывая тростью и разглядывая многочисленных прохожих. Иногда пробежавшие мимо девушки кокетливо улыбались молодому и красивому господину, и он также отвечал им лёгкой улыбкой.

Как-то необычайно легко, свежо и радостно было на сердце у Петра Андреевича в последние дни, как будто он вдруг помолодел, сделался вновь юн. Причину этого Вигель боялся называть даже самому себе, обманывая вопрошающий ум хорошей погодой и успехами на службе, но непокорное сердце нашёптывало совсем другой ответ.

Пройдя по Ильинке, Пётр Андреевич повернул в Черкасский переулок и вошёл в трактир Арсентьича, где имел привычку обедать с давних пор. Услужливый половой тотчас подоспел к его столику:

— Что прикажете подать, господин Вигель?

— А подай-ка мне, Ганимед, щец с головизной да сёмушки. И салатец, пожалуй.

— Бутылочку Дебре прикажете?

— Нет. Рюмочку кизлярской и чайку.

— Куанг-су, как обычно?

— Конечно.

— Сей момент сделаем-с.

Пётр Андреевич достал блокнот и карандаш и принялся набрасывать портрет. Он рисовал по памяти, но она услужливо воскрешала желаемый образ до мельчайших деталей.

— Ба, какой цветок! — раздался позади голос Василь Васильича, и его рука опустилась на плечо Вигеля.

Пётр Андреевич поспешно захлопнул блокнот:

— Умеешь ты, брат Романенко, появиться неожиданно.

— Служба такая! — Василь Васильич уселся напротив Вигеля, небрежно бросив головной убор на стол. — Что за очаровательную особу ты от меня спрятал?

— Так... — Вигель пожал плечами. — Это неважно.

— Ого! Темнишь, брат, горой тебя раздуй! Я тебя десять лет как знаю, и не надо мне здесь петрушку балаганить. Уж признайся честно, новая любовь?

— Просто лицо интересное, захотелось изобразить для тренировки руки.

— Ой, темнило ты! Ладно, чёрт с тобою, коли не хочешь, так, пожалуй, и не говори. Я за иным к тебе делом.

Подошедший половой подал Вигелю обед и повернулся к Романенко.

— То же, что и этому господину, — не дожидаясь вопроса, велел Василь Васильич и, положив ногу на ногу, вновь обратился Петру Андреевичу: — Куда это ты, братец, услал нашего дорогого генерала?

— Он ещё никакой не генерал. К чему ты преувеличиваешь?

— Так скоро им станет. Столько лет на службе!

Вигель промолчал. Николай Степанович Немировский, в самом деле, уже мог бы получить чин действительного статского советника, но из-за неумения ладить с начальством всё ещё оставался просто статским, несмотря на более чем тридцатилетнюю беспорочную службу.

— Ты был у Анны Степановны?

— Только что от неё! Она мне и пожаловалась, что ты отправил её брата в Коломну по какому-то делу. Больше ничего не сказала, а отослала к тебе. Так, может, ты мне объяснишь, что к чему?

— Я, Василь Васильич, получил письмо от доброго друга моего отца. Он просил моей помощи. Его пригласили в некое имение, а там стали происходить какие-то странные события.

Романенко нахмурился:

— А имение это, часком, не Олицами зовётся?

Вигель опустил поднесённую ко рту ложку и с удивлением воззрился на своего друга:

— Откуда ты знаешь?

— Я, брат Вигель, много чего знаю. Сдаётся мне, что мы с тобой, сами того не зная, работали над одним делом, но с разных сторон. Поэтому сейчас ты расскажешь мне свою сторону, а я тебе свою, и, горой меня раздуй, если они не сойдутся, как два обрывка одной картины. Такая, вот, закорючка выходит.

Илья Никитич Овчаров был доволен. Поездка в Звенигород оказалась ненапрасной. Супругов Палицыных там помнили. Особенно старика Кузьму Григорьевича. Правда, о том, что на самом деле произошло в их семье, никто не знал. Палицыны избегали этой темы, говоря лишь, что их сын погиб в результате несчастного случая, и потому они оставили Москву, где стало им слишком тяжело после его смерти.

Осиротевшие родители были людьми крайне религиозными. Кузьма Григорьевич вскоре стал регентом в одной из местных церквей. О нём пошла слава, как о человеке учёном и богомудром. Палицын по памяти мог читать многие страницы Священного Писания, знал творения святых отцов, но при этом был скромн, молчалив и суров. Образ жизни и он, и его супруга вели почти аскетический. Сам Кузьма Григорьевич в постные дни пил лишь пустой чай, иногда с сухариком. В Великий же Пост по средам и пятницам он и вовсе не брал в рот ни капли воды или пищи, проводя сутки в молитвах. Говорили, что от

постоянного стояния на коленях, у него опухли ноги. Такая пламенная вера вызывала большое уважение среди прихожан. К Кузьме Григорьевичу часто приходили за советом.

Прошло время, и Палицын принял священнический сан. Батюшку в Звенигороде очень любили, а некоторые считали даже праведником. Вскоре преставилась его жена. Кузьма Григорьевич долго оплакивал её, после чего принял монашество под именем Андроника и некоторое время жил в Савином монастыре.

Иноки, помнившие его, говорили, что отец Андроник был настоящим подвижником и примером для многих братьев. Проведя некоторое время в монастыре, батюшка получил благословение служить в каком-то храме в другом городе, точнее никто вспомнить не мог, поскольку отец Андроник после отъезда писем никому не писал.

Впрочем, эти сведения уже и не были нужны. Где стал служить Кузьма Григорьевич, Овчаров знал и сам. Отца Андроника он видел несколько раз, хотя ни разу не разговаривал с ним, и знал главное: священник этот очень близок дому Олицких...

Своё задание Илья Никитич выполнил, но уезжать не торопился. Не было конечной ясности в том старом деле, о котором заботился Романенко. К тому же уезжать из Москвы не хотелось. Илья Никитич всё ещё лелеял надежду на то, что Василь Васильич предложит ему остаться, предложит работать в Первопрестольной. От этой смелой мысли захватывало дух. Вот, если бы!..

С самого утра Овчаров бродил по улицам златоглавой, стараясь надышаться её воздухом, казавшимся ему особенным. Он успел уже побывать в Китай-городе, поразившем его своим шумом и пестротой. Чего здесь только не было! Восточные ковры с затейливыми узорами, сапоги, петухи и свиньи, рыба, халва, фрукты, конфеты — казалось, что со всех концов

света везли сюда товар! Так и разбежались глаза у Ильи Никитича, глядя на это невиданное изобилие. Пересчитав оставшиеся деньги (а осталось их, к слову, немало), Овчаров справил себе новые, ярко блестящие на солнце сапоги. Старые же он заботливо перевязал верёвкой и, закинув за спину, покинул Китай-город.

В полдень Илья Никитич перекусил пирогами, купленными у старухи, торговавшей около вокзала. Он уже собрался идти в Мёртвый переулок, когда заметил молодую пару, показавшуюся ему очень знакомой...

— Наденька, ты не устала?

— Я проголодалась, Володичка.

— Подожди, я сейчас, — Володя отдал Наде свою скрипку и, подойдя к торговавшей пирогами старухе, спросил: — С чем пироги, бабуся?

— С рисом есть, с картошкой, с яблоками... Бери сынок! Ещё тёплые!

— Давай, бабуся, — Володя протянул старухе деньги.

— С чем тебе, соколик?

— А со всем, с чем есть, давай. Моя жена проголодалась.

— Такой молодой, а уж обженился! — улыбнулась старуха. — Давно ль?

— Три дня только! — счастливо сказал Володя.

— Стало быть, это твоя жена? — кивнула торговка на Надю. — Какая хорошенькая!

Надя покраснела и потупила глаза. Старуха протянула Володе пирожки:

— А ты, значит, музыкант?

— Пока нет... То есть... Я очень хочу им стать!

— Ну, помоги вам Господь, детушки! Москва — она добрая. Москва всякого приветит.

— Спасибо, бабушка, — Володя вернулся к жене и протянул ей пирожок: — Вот, ешь!

Надя села на чемодан и стала есть, с нежностью глядя на мужа тёплыми серыми глазами.

— Какая же ты у меня красавица! Как же я счастлив, что мы, наконец, вместе!

— Я тоже очень счастлива. Только это всё-таки нехорошо, что мы сбежали втайне от родителей... Грех это.

— Надя, мы обвенчаны с тобой перед Богом! Родители никогда бы не позволили нам быть вместе! Я ведь князь, наследник древнего рода... Но я не хочу быть князем! Не хочу ничего наследовать! Пусть всё достанется Роде, я не против! Мне нужна только ты и музыка. Я хочу стать музыкантом и стану им, что бы ни говорили мои родные. Правда, отец уже ничего не скажет...

— Володичка, ты уверен, что мы правильно сделали, что уехали именно сейчас? Твоей матери и без того тяжело...

— Да, перед ней я виноват. Очень виноват. Но могли я поступить иначе? Если бы мы не уехали, через несколько дней твой отец объявил бы о твоей помолвке, ты сама говорила! Ведь ты бы не смогла противиться его воле...

— Я нарушила его волю, я уехала с тобой.

— Жалеешь об этом?

— Нет! Я очень люблю своего отца и, надеюсь, он сможет простить и понять меня. А за тобой я пойду хоть на край света. Куда ты, туда и я. Но мне не даёт покоя мысль, что наши родные теперь очень переживают за нас... Надо дать им знать, что с нами всё в порядке.

— Мы обязательно это сделаем, как только устроимся. Но не будем пока сообщать, где мы... Пусть там привыкнут к мысли, что мы муж и жена. А там поедем домой, бросимся родителям в ноги — всё чин по чину. Не звери же они, в конце концов...

— Спасибо тебе, Володичка.

— Надинька, дорогая моя, вот, погоди, я тебе всю Европу покажу! Поедем мы с тобою вдвоём, всё-всё увидим: Дрезден, Рим, Париж... Надинька, ты видела Париж? Говорят, там красота несказанная!

— Да на что мне она, хороший мой? Париж, Европа... Для меня, что есть они, что нет — всё едино. Лишь бы ты рядом был! А с тобою мне и Вятка всей Европы прекраснее будет!

Мимо проходили люди, но молодой князь не обращал на них внимания, любясь своей юной женой. Человек сторонний никогда не назвал бы её красавицей. Лицо Нади было простым и не отличалось своеобразием: десять раз мимо пройдёшь, и не вспомнишь, что видел. И в то же время было в этой девушке какое-то неуловимое обаяние, манкость. Влюблённому же Володе мнилась она и вовсе красавицей.

Они познакомились случайно, на городском празднике год тому назад. Отца Нади знали, пожалуй, все без исключения. Купец Данилов был человеком известным не только благодаря своим знаменитым колбасам и ветчинам, но и благотворительности. Арсений Григорьевич охотно жертвовал на храмы, на приют для сирот, на больницы для бедных, хотя притом слыл человеком суровым, расчётливым и никогда не давал в долг.

У рано овдовевшего Данилова было четверо сыновей и дочь. Последнюю он желал выдать замуж за единственного сына своего старого друга, ещё более богатого, чем он сам, дабы она однажды унаследовала всё его состояние. Об избраннике своего сердца Надя не смела и заикнуться. Отец никогда бы не одобрил брак дочери «с не умеющим работать князьком, пиликающим на скрипочке, которому ещё неизвестно, достанется ли что в наследство, а если и достанется, так промотает!» Дворян Арсений Григорьевич не очень

жаловал, считая, в большинстве своём, бездельниками, захребетниками и белоручками. Правда, супругу Володиного деда, Елизавету Борисовну Данилов уважал безмерно. «Нашего покроя дама! — говорил он о ней. — С такую дела вести — удовольствие! Но пальца в рот не клади...» Олицкая хозяйственных дел не гнушалась, вместе с Арсением Григорьевичем они уже давно замыслили организовать какое-нибудь совместное дело. Кажется, говорилось о фабрике. Но идея эта пока существовала лишь в прожектах, да Надя с Володей и не интересовались ею.

Надо ли говорить, что и Володя не заговаривал с родными о своей возлюбленной. Отец не стал бы и слушать. Для него главным в человеке было происхождение. А мать всегда подчинялась отцу.

Так и длился этот роман, скрытый ото всех. Знали о нём лишь младший и любимый Надин брат Алёша, поверенный во всех её делах. Он стал у влюблённых посыльным. Из его рук получали они письма друг друга. Алёша часто бывал в Олицах по делам отца, иногда ездил с ним, иногда заезжал просто так, «по дороге» отведать кондитерских изысков, на которые была мастерицей здешняя кухарка.

Встречаться удавалось редко, так как Данилов следил, чтоб дочь никуда не отлучалась одна и «соблюдала себя». И снова помогал Алёша — брал сестру с собою на прогулку, отвозил её в укромное место, где ожидал Володя и оставлял влюблённых на некоторое время в обществе друг друга. Надя очень переживала, что отец раскроет их тайну. Боялась она не столько за себя, хотя кара в этом случае была бы более чем суровой, но за брата, которого отец уж непременно лично бы отходил палкой по спине, да так, что тот не вставал бы после недели две. Такое уже случалось прежде, Арсений Григорьевич на расправу был скор.

Решение Володя принял уже давно: уехать в Москву, тайно обвенчаться с Надей и посвятить жизнь музыке. Но подходящего момента никак не наступало. К тому же нужно было найти священника, согласившегося бы освятить их союз. К отцу Андронику обращаться с подобной просьбой было немыслимо. Суровый старец никогда бы не благословил тайного брака. Поэтому пришлось найти попа из далёкой церквушки. Поп был беден, отягощён большим семейством и имел склонность к спиртному, а потому уговорить его не составило труда.

Трудно сказать, когда бы Володя решился исполнить задуманное, если бы жизнь не подтолкнула его сама. Арсений Григорьевич собрался обручить дочь с давно намеченным женихом. Узнав об этом, Надя упростила отца взять её с собой в Олицы, чтобы немного прогуляться и повидать добрую кухарку. Данилов вначале отказывался, но всё же согласился. Пока отец вёл дела с управляющим, Надя и Володя уединились в саду, где и договорились бежать в ту же ночь, не откладывая. Даже своего лучшего друга Родиона молодой князь не посвятил в свои планы, опасаясь его строгих принципов. Разве поймёт этот «послушник», не ведавший счастья любви? Не стоит и смущать его!

Ночью Володя перелез через стену усадьбы. Его уже ждал Алёша с лошадьёю. Вдвоём они отправились в церковь, куда заботливый брат заранее отвёз сестру. На венчании присутствовала ещё полуслепая поповская дочь. Таким образом, таинство состоялось, и утром новобрачные отбыли в Москву, где никого и ничего не знали, но верили, что именно здесь дано им будет обрести своё счастье.

— Ты поела, жена? — весело спросил Володя.

— Да, спасибо, — кивнула Надя.

— Тогда идём. Нам нужно найти приличную и не очень дорогую гостиницу, поскольку средства наши

невелики.

Надя поднялась, утёрла платком уголки губ и кивнула:

— Идём!

В этот момент послышался негромкий, хрипловатый голос:

— Князь Владимир Олицкий и Надежда Арсеньевна Данилова, если я не ошибаюсь?

Надя побледнела и крепко вцепилась в руку мужа. Володя окинул удивлённым взглядом стоящего перед ними невысокого, белобрысого человека в новых сияющих сапогах на ногах и со старыми, рваными — за спиной.

— С кем имею честь?

— Илья Никитич Овчаров, сыщик.

— Сыщик? — Володя нахмурился. — Вот так скорость... Неужели Елизавета Борисовна вас так быстро успела снарядить искать нас?

— Нет-нет. Мы хоть и земляки, а я здесь по другому делу, до вас касания не имеющему.

— В таком случае, чем обязан?

— Да вы не беспокойтесь так, ваше сиятельство, я не отниму у вас много времени. Я так понимаю, вы теперича муж и жена и скрываетесь от любимых родственников?

— Я попросил бы вас...

— Что ж вы так сразу сердитесь-то, ваше сиятельство? Я ведь сказал, что это меня не волнует. Клянусь, что не выдам вас, если это вас успокоит.

— Что вам нужно?

— Видите ли, я прибыл в Москву по делу, связанному с вашим семейством, а здесь обнаружил ещё одно, также имеющее к нему отношение. И, вот, теперь встречаю вас! Согласитесь, чересчур много совпадений. Рыба так и плывёт в сети сама — прикармливать не надо.

— Что же за дело, по которому вы приехали? — спросил Володя, несколько успокоившись.

— Меня послал сюда господин Каверзин.

— Борис Борисович? — вскинул брови князь. — Он умер некоторое время назад.

— Вот, как... Стало быть, плакали мои премиальные... Хорошо, хоть аванс получил... — задумчиво произнёс Овчаров. — А какие ещё новости?

— Погиб мой отец. Застрелился.

— Совсем нехорошо, — покачал головой Илья Никитич. — Значит, не зря так переживал мой работодатель... Теперь я начинаю понимать.

— Зато не понимаю я, — в голосе Володе прозвучало раздражение. — Вам ещё что-то нужно?

Овчаров поднял на князя свои бесцветные глаза:

— Нужно, ваше сиятельство. Мне очень нужно, чтобы вы и ваша очаровательная жена благополучно устроились в этом городе, и чтобы с вами ничего дурного не вышло. Думаю, в этом задачи наши совпадают?

— Я не совсем понимаю...

— Видите ли, князь, есть человек, у которого есть очень веские причины не любить ваше семейство, и мне бы не хотелось, чтобы вам оттого вышли неприятности. Я уже кое-что знаю в Москве, поэтому разрешите мне помочь вам устроиться.

Володя вопросительно посмотрел на жену, Надя едва заметно кивнула.

— Что ж, мы принимаем ваше предложение, Илья Никитич, — сказал князь. — Мы, в самом деле, ничего не знаем в Москве, и ваша помощь может быть кстати.

Обед был съеден, и сыщики продолжали пить чай, который каждые десять минут подавал половой.

— Хорошо, горой меня раздуй! — вздохнул Романенко, утирая полотенцем пот со лба и шеи. — Так

бы день-деньской сидел и пил чай.

Вигель достал серебряный портсигар, закурил.

— Что ж это, Вася, выходит? — задумчиво произнёс он. — Выходит, что священник убийца? Не верится...

— Почему нет? — пожал плечами Василь Васильич. — Эх, ещё бы икорки паюсной заказать теперь!

— Я сыт. К тому же на мели... Вчера в книжных рядах добрую половину жалования оставил.

— Несчастные вы люди, книжники! — рассмеялся Романенко. — Ну, так и я не буду.

— Не верится, чтобы священник. Всё же лицо духовное...

— Ряса ещё не признак святости. Священник... Что ж, не человек он, что ли? Он, брат, отец, чьего единственного сына ни за что сгноили на каторге. Может, у него рассудок помутился с того! Я уж не знаю, как там дело вышло, а чувствую, что кто-то из этих сиятельных князей — барабанная шкура, которой место в остроге!

— И всё-таки не верится...

— А ты не думаешь, брат Вигель, что надоть тебе в эти самые Олицы ехать? Николаю Степановичу на подмогу?

— Думаю, Вася, думаю. Взять отпуск по болезни на недельку и туда.

— Недельки-то хватит?

— Так уложиться надо! — засмеялся Пётр Андреевич. — Нет, это отличная мысль. Завтра же отправлюсь.

— Эх, хотел бы и я с тобой! Я уже два года в родных краях не был, Москвы не оставлял... А знаешь, как там, за городом-то? Простор! Сапоги скинешь, босиком по траве пробежишь и в речку бросишься, она сначала холодная-холодная, исщиплет тебя, а потом и

обласкает, как родная мать. А потом кваску да с капусткою квашеной! Красота!

— Сдаётся мне, что мне не до кваска с речкой будет, — усмехнулся Вигель, поднимаясь.

— А жаль... — вздохнул Романенко, покрутив ус. — Эй, самбыел! Подай чаю ещё...

Глава 7

Архип Никодимович Лыняев, нахохлившись, сидел на стуле, из-под бровей глядя на невозмутимого следователя, кругами ходящего вокруг него, крутя в руке тавлинку.

— Итак, господин Лыняев, вы отрицаете свою причастность к произошедшим в доме событиям?

Вот, ведь вцепился-то старый клещ! Не оторвёшь! И дёрнуло же эту глупую курицу, Катерину, всё выложить ему! И за фамильную честь не побоялась! До чего жадна... Волчья сыть, коровье вымя... Не столь уж много и просил у неё Архип Никодимович. Продала бы свои цацки и заплатила бы! Так нет, донесла своёму крючкотвору. Мошеннику ещё большему, чем сам Лыняев. И когда-то успел он сунуть свой длинный нос в расчётные книги? Когда-то успел поговорить с купцами, с которыми велись дела? И как умудрился вытянуть из них нужное?! Вот, уж продувная бестия! Таких поискать ещё! Хитрый! Уж на что изворотлива и въедлива хозяйка, а и она лыняевскую афёру не раскусила, в упор смотрела, а не заметила, а этот всё углядел!

— Категорически отрицаю-с! Подумайте сами, для чего мне было убивать Бориса Борисовича?

— Вы признаёте факт шантажа Екатерины Васильевны с вашей стороны и вас со стороны Каверзина?

Эта глупая курица выдумала ещё, будто он не только денег требовал с неё! Ишь чего захотела! Это утверждение более всего приводило Лыняева в бешенство. Да, она была недурна в молодые годы, и Архип Никодимович, зная, что муж не балует её вниманием, не раз пытался приблизиться к ней, но каждый раз встречал холодный отказ. И лишь недавно

выяснилась причина его... Но, чёрт возьми, с той поры княгинька успела изрядно подурнеть! Не такой дурак Лыняев, чтобы требовать от неё... Напомнил, правда, о прежней холодности, зло напомнил, жалящим словом мстя, но требовал только денег! А она, дура, размечталась! Ох, бабы, бабы, никакого нет с ними сладу... Всех, чертовок, пороть надо-с...

— Да, я хотел получить от неё денег.

— А зачем они вам, разрешите узнать?

— Зачем-с? — Лыняев сощурил змеиные глаза. — Потому что осточертело мне, господин Немировский, на бар работать! Я не холуй и не холоп, каким меня здесь считают-с! Я хочу иметь свой дом, своё хозяйство! Понимаете?! Своё-с! Мне свобода нужна, а свобода из денег рождается! Моей дочери давно под венец пора, так я ей хорошей партии хочу! И жену хочу в приличную больницу определить, чтоб там за нею ходили-с! Потому что ненавижу я её! Она мне жить мешает-с! Я бы её собственноручно удавил, кажется... Но не могу-с! Она — мать моей дочери. И ради Даши я должен позаботиться о ней. Будь у меня достаточно денег, я бы освободился от них обеих и жил один в своё удовольствие-с. Нашёл бы себе женщину, а, может, чем чёрт не шутит, и не одну-с! И никто, слышите вы, никто не смел бы мне больше приказывать: «Лыняев, пойдди! Лыняев, подай!»

— Каверзин пригрозил вам, что раскроет ваши махинации княгине?

— Да. Но зачем мне было убивать его? Мы поговорили с ним тогда и обо всём договорились. Он обещал хранить мою тайну, а я его. Для чего же мне было рисковать? Я похож на идиота? И потом, обоих князей тоже я, по-вашему, отправил к праотцам? За каким чёртом, скажите-с?! Или вы, как эта помешанная, думаете, что Владимир Александрович разнёс себе череп от горя, усомнившись в происхождении своего сына?! Да никогда бы он того не сделал-с! Вы князя не

знали-с! Он бы не допустил скандала, но жизнь виноватых перед собой в ад бы превратил-с! Он бы их без ядов и пистолетов живьём сжевал бы! А братец его-с? Антон Александрович? Он-то мне чем мог помешать?! Не там вы ищите, господин следователь! Я вор, не спорю. А какой управляющий не ворует? Я шантажист, я, может быть, подлец, но я не дурак и не убийца! Вот-с!

— Кто мог заставить вашу жену играть роль призрака?

— Не знаю-с. Спросите у неё-с!

— Увы, ничего кроме бессвязного бреда мы от неё добиться не можем.

— Так причём здесь я?! — взорвался Лыняев.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Елизавета Борисовна в сопровождении доктора Жигамонта.

— Вы закончили? — спросила она Немировского.

— На данный момент, да, — кивнул следователь.

— Отлично, — княгиня подошла вплотную к Лыняеву и, не дав ему подняться, заговорила низким голосом: — Сейчас я тебя огорчу, Архип Никодимович.

— Увольняете, ваше сиятельство?

— Это, само собой. Правда, не раньше, чем будет доказана твоя невиновность, и найдена тебе замена. Я о другом.

— О чём же?

— Опростоволосился ты, голубчик! Как последний простофиля, опростоволосился! Неужели ты думал, Лыняев, что я настолько глупа, что не знаю, сколько ты ворует у меня? Что Боря смог всё высчитать, а я — нет?

Архип Никодимович побледнел:

— Так вы знали?..

— Каждую копейку, которую ты украл у меня! — злорадно сообщила Олицкая, нагнувшись к самому лицу управляющего. — Катя мне передала Борины бумаги.

Рьян дю нуво пур муа!²⁴ Боря просто блефовал, а ты попался на его блеф.

— Гнида... Волчья сыть... — прошипел Лыняев. — Вот, теперь бы я его точно убил...

Оставшись наедине с Георгием Павловичем, Немировский медленно опустился за стол и, сомкнув пальцы рук, глубоко вздохнул.

— Что скажете, Николай Степанович? — спросил Жигамонт, рассеянно листая газету.

— Лыняев не убийца, — ответил следователь. — Слишком сложная и изощрённая месть для мелкого жулика, каковым он является. К тому же князь Антон вовсе выпадает из хрупкой схемы, в которой убийцей мог оказаться он. Одно меня радует, дочь купца Данилова исчезла той же ночью, что и наш князь Володя, значит, они уехали вместе, и можно надеяться, что хоть он теперь вне опасности.

— Как неожиданно любовь иногда вторгается в наши логические построения, не правда ли? У меня был пациент, которому все врачи предсказали не более полугода жизни. А он взял да влюбился, и, представьте, прошло уже десять лет, а он жив и здоров.

— Тоже бывает...

— А не кажется вам странным, что Володя исчез в ту же ночь, когда погиб его дядя?

— Мне многое кажется странным, любезный доктор. Но вряд ли этот едва оперившийся птенец мог разыграть такой спектакль с несчастной Лыняевой. Он и не бывал у неё, как следует из всех показаний.

— Кто же в таком случае остаётся? — Жигамонт захлопнул газету. — Отец Андроник? К нему Евдокия Яковлевна особенно тянулась. Он часто бывал у неё, исповедовал. Пожалуй, никто не имел большего влияния на душу этой несчастной, чем он.

— А каков мотив?

Георгий Павлович развёл руками:

— Не имею представления.

— Вот, и я не знаю. Поймите, доктор, мало одной возможности совершения преступления. Нужны улики. Не могу же я прийти к человеку, не имея никаких ровным счётом доказательств, и спросить его в лоб: «Батюшка, не вы ли, часом, убили четырёх человек?» А если, тем более, это не он? — Немировский хлопнул ладонями по поручням кресла. — Экая аримурия выходит... Ничегошеньки не вытанцовывается!

— Если не Лыняев, не отец Андроник, то кто?

Николай Степанович поскрёб кончик носа, порылся во внутреннем кармане сюртука, извлёк оттуда бумажный свёрток и развернул. В нём оказался окурок.

— Посмотрите, доктор.

— Это тот самый, что вы подобрали под окном Владимира Александровича?

— Нет, доктор, — Немировский прищурил глаз и извлёк другой свёрток с точно таким же окурком. — Не нужно быть экспертом, чтобы определить, что они одинаковы, не правда ли, Георгий Павлович?

— Где вы подобрали второй? — осведомился Жигамонт.

— Ваш местный коллега очень много курил, пока осматривал пострадавших при пожаре.

— Амелин?! — поразился доктор.

— Ну, не ужасайтесь так, право слово. Окурки эти, ровным счётом, ничего не значат. Совсем необязательно, чтобы он один курил такие папиросы. Это во-первых.

— А во-вторых?

— Во-вторых, окурок могли подбросить, чтобы пустить нас по ложному следу. Правда, есть ещё одна деталь не в пользу господина Амелина.

— Какая?

— Вы говорили, что за обедом Каверзин пил какие-то пилюли, которых вы затем при нём не обнаружили, я не путаю?

— Всё так.

— Доктор, мы с вами исходили из того, что кто-то подсыпал яд в бокал с вином. А что если яд был как раз в этих пилюлях? А откуда мог взять такие пилюли человек, у которого пошаливает сердце? Вероятно, он принимал их по назначению врача.

— Каверзин часто бывал в городе, ему вполне могли прописать их там.

— Могли, могли... — устало вздохнул Немировский, поднимаясь. — И путанное же дельце нам с вами досталось. Но, чёрт меня возьми, преинтереснейшее! — следовательно потёр руки и улыбнулся. — Не унывайте, Георгий Павлыч, мы ещё всех выведем здесь на чистую воду! Клянусь своими сединами, чистеньких в этих стенах найдётся очень мало. Каждый прячет свой скелет в шкафу, а нам с вами надобно найти ключи или же отмычку к замкам этих шкафов, и когда все они будут распахнуты, то и кончатся все тайны Мадридского двора.

— Признаюсь вам, Николай Степанович, у меня одно желание — скорее выпутаться из этого дела, — сказал Жигамонт, барабаня набалдашником трости по столу. — Я не хочу знать чужих тайн, я не верю в то, что все в этом доме во что-то замешаны, в то, что священник способен на такие страшные преступления...

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...

Утренние прогулки необычайно освежают. Особенно, если предприняты они верхом и на природе, а не в душном городе. Резво мчится конь, застоявшийся в конюшне и радующийся возможности размять свои стройные, мускулистые ноги, встряхивает он буйной

своею головой, кусая удила... Поднимается облако пыли позади него... И не нужно всаднику подгонять его, и он, доверившись весёлому аллюру, радостно вдыхает свежий утренний воздух, сладкий, росистый, любителюся пронесшимися мимо видами, весело смотрит вперёд, подставив лицо своё ветру, он бодр в этот миг и готов к любым приключениям.

Именно в таком приподнятом настроении направлялся тем утром в Олицы Пётр Андреевич Вигель. В поезде ему удалось несколько вздремнуть, и ни малейшей усталости с дороги он не чувствовал. Накануне в Москве Пётр Андреевич познакомился с молодым князем Владимиром Олицким, который весьма понравился ему своей решимостью стать музыкантом и своей столь же сильной влюблённостью в жену. Вигель смотрел на эту пару, и на душе теплело, и хотелось, чтобы чьи-то ласковые глаза так же смотрели на него самого. Вид чужого счастья, как бы ни радовал он, всегда примешивает к радости нотку грусти, рождаемую желанием того же.

— Голубки, — усмехался Романенко, когда они вместе вышли из гостиницы, где на первое время остановились Олицкие. — Какая идиллия, помилуй Бог! Любовь-с...

— Да полно тебе, Вася! Это же прекрасно, когда люди молоды, влюблены, отчаянны, и готовы вместе преодолеть любое препятствие! По мне, так отбросить все условности, пренебречь титулом и мнением родных ради любимого существа, сбежать и тайно обвенчаться — большой подвиг.

Василь Васильич усмехнулся:

— Ох уж мне эти поэты! Чих-чих-чебурак... Я был уверен, что годы службы истребят в тебе этот мещанский пиитизм! А ты, как малый щенок, по сию пору восторгаешься всеми этими амурами.

— Если бы ты встретил на своём пути женщину, которую бы смог полюбить, то не говорил бы так.

— Чох-мох, не дал Бог! И слава Ему за это. Ты, помнится, такую женщину встретил. Ничем хорошим это не закончилось. Любовь! Мечтания, измены, скандалы, страсти в клочья — избави Господи от такого счастья! Вон, только на днях какой-то слюнтяй с Остоженки изволил пустить себе пулю в лоб из-за несчастной любви, ничуть не заботясь при этом о родной матери и сёстрах! Не подлец ли он после этого? Был бы жив, самолично бы морду разукрасил...

Вспомнив о своей неудачной любви, Вигель загрустил, но через мгновение ответил:

— А всё-таки, Вася, любовь — великое и прекрасное чувство!

— Да, если при этом голова остаётся холодной!

— Тогда это не любовь.

— Вигель, Вигель! Нет, брат, ты точно скрываешь от меня что-то. Давно я не слышал от тебя таких тирад! Смотри, всё одно дознаюсь, — Романенко шутливо погрозил пальцем.

Василь Васильич угадал, и теперь, отпустив поводья, и едва приглядывая за дорогой, Пётр Андреевич явственно ощущал, что не столько таинственные преступления влекут его в Олицы, но желание видеть Асю, её искристые глаза, слышать её голос. Это её портрет он рисовал тогда и поспешно спрятал от всё замечающих глаз Романенко. В Москве Вигель получил от крестницы Николая Степановича письмо:

«Милостивый государь Пётр Андреевич!

Я не совладала с искушением к Вам написать. Я знаю, что от дядюшки Вы получаете телеграммы, но много ли в них скажешь? Дело, в которое Вы нас запутали, оказалось, по выражению дядюшки, «путаным». Иногда мне бывает даже страшно. Мы

приехали в Олицы буквально час спустя после гибели князя Владимира. Дядюшка погружён в расследование, а я ему помогаю. И поверьте, небезуспешно, о чём он сам Вам непременно засвидетельствует. Молодые князья очень интересны. Княгиня — великолепна. В общем, мы премило проводим время, если не считать призрака и убийцы, которые всё портят.

Но знаете ли... Не сочтите за бестактность, но Вас здесь очень не достаёт. Мне, по крайней мере. Конечно, мы с Вами едва знакомы, но мне кажется, что, если бы Вы были здесь, дело пошло бы быстрее. Ах, если бы Вы могли вырваться! Вы ведь обещали нам, не так ли?

P.S. Перечла своё письмо к Вам и подумала: чему только учили меня в Смольном? Разве можно так писать молодой девушке мало знакомому мужчине? Но у меня такое чувство, что я очень-очень давно Вас знаю. Отчего бы? Ах, что Вы теперь подумаете обо мне! Но, что бы ни подумали, а это письмо я всё равно отправлю и ничего не скажу об этом дядюшке!»

Читая и перечитывая эти строки, Вигель так и видел перед собой смеющееся лицо Аси. Когда Василь Васильич рассказал ему о добытых им сведениях, Пётр Андреевич чрезвычайно обрадовался: теперь была законная причина ехать в Олицы. Писать Асе ответ он не стал. Лучшим ответом на её письмо был его приезд.

Ориентироваться на местности Вигелю было легко. Коломенский сыщик Овчаров снабдил его подробным планом наиболее короткого пути к имению, а также дал совет, где лучше взять экипаж или лошадь, чтобы туда добраться. Сам Илья Никитич оставался в Первопрестольной, с радостью согласившись на предложение Романенко поступить на службу полицейским агентом.

План был составлен с точностью, достойной топографа. Миновав речную заводь, Вигель въехал в лес, за которым должна была располагаться усадьба.

Внезапно до его слуха донёлся вскрик, и в следующую минуту Пётр Андреевич увидел несущуюся за деревьями лошадь, тащащую за собой всадника, чья нога застряла в стремени. Вигель ринулся ей наперерез и сумел остановить обезумевшее животное.

Соскочив с коня, Пётр Андреевич бросился к неподвижно лежащему всаднику. Молодой человек едва слышно стонал, голова его была разбита, лицо окровавлено. Вигель снял сюртук и, свернув его, подложил несчастному под голову.

На дороге замаячила какая-то фигура, Пётр Андреевич вскочил на ноги и, замахав руками, закричал:

— Эй, сударь! Сюда! На помощь!

Человек остановился, словно раздумывая, и Вигелю показалось, что он вот-вот повернётся и убежит.

— Пойдите! Кто бы вы ни были, вы не можете бросить человека умирать!

Человек ссутулился, сунул руки в карманы и приблизился. Вскоре Пётр Андреевич смог рассмотреть его красноватое, плохо выбритое, хмурое лицо с беспорядочно лежащими волосами.

— Что случилось? — хрипло спросил незнакомец, бросая на землю окурок.

— Вот, — кивнул Вигель на раненого.

Человек подошёл ещё ближе и вдруг вздрогнул, побледнел, бросил на Петра Андреевича поражённый взгляд и прошептал:

— Не чума, так скарлатина... Родион Александрович... Вот так-так!

— Так это молодой князь Олицкий? — переспросил Вигель.

— Чума бубунная, он самый. А кто будете вы? И что произошло?

— Пётр Андреевич Вигель. Его лошадь понесла, я насилу смог остановить...

Незнакомец опустился на колени, пощупал пульс молодого человека, посмотрел его глаза:

— Плох, но надежда есть.

— Вы врач?

— Да, я здешний доктор. Амелин.

Глядя на неряшливый вид Амелина, Вигель никогда бы не подумал, что он врач. Впрочем, кто его знает, каковы доктора в сельской местности?..

— Его нужно срочно перевезти в дом, — сказал доктор. — Скачите туда немедленно, пусть шлют подводы.

— Долго ли ехать?

— Скачите напрямик и галопом. Через десять минут будете там. Я останусь с ним. Скачите же, чёрт вас подери, или вы хотите, что бы он умер прежде, чем я смогу обработать его раны?! — в голосе Амелина прозвучала неожиданная злость.

Вигель вскочил на коня и, что есть мочи, помчался в усадьбу, с ужасом представляя себе, что будет, если не удастся спасти и молодого, ни в чём не повинного князя. Грош цена тогда всей сыщицкой премудрости, если она не может предотвратить преступление, вовремя остановив преступника...

Ася сидела на подоконнике и читала вслух взятый у княгини томик Лескова. Рядом что-то вышивала Маша.

— Я был странный путник: бодрый, но неудержимо стремящийся вперед, я беспрестанно терял тропу, путался, и когда я хотел поправиться, то выходило, что я не знал, куда повернуть, и еще хуже запутывался. Единственный поворот, сделав который я немножко ориентировался, это — тропа в скит. Только усевшись здесь, в этой старой вышке, где догорает моя лампада, после дум во тьме одиноких ночей, я приучил себя глядеть на все мое прошлое как на те блудящие огоньки, мерцающие порою над кладбищем и болотом,

которые видны из моей кельи. Поздно вижу я, что искал света и тепла там, где только был один заводящий в трясину блеск, и что вместо полной чаши, которую я хотел выпить, я «вкушая вкусил мало меду и се аз умираю»...²⁵ — Ася подняла голову. — Чудно написано... Тебе нравится Лесков, Маша?

— Не знаю... Я мало читала его. Я больше люблю поэзию, — призналась Маша.

Ася захлопнула книгу, спрыгнула с подоконника и, сделав несколько танцевальных па, опустилась в глубоком реверансе. Тотчас выпрямившись, она улыбнулась:

— Отчего мне сегодня так танцевать хочется? Ах, Господи, как же хочется танцевать! Машенька, ну, отчего ты всё время молчишь? Оставь своё рукоделие, оно от тебя не сбежит!

Маша подняла свои кроткие глаза:

— Прости. Просто мне так неловко за мою необразованность. Ты в Смольном училась, в столице жила, столько знаешь про всё: про театры, про книги... А я ведь ничегошеньки совсем не знаю. Ты барышня светская, а я рядом словно дворовая девка, какой моя матушка была.

— Что за глупости! — Ася поморщилась. — Барышня! Кисейная, скажи ещё... Была бы я барышней, так сюда бы не поехала. Барышни — это Татьяна Ларина да Лиза Калитина. А я... Я из Смольного сбежать мечтала, однажды даже чуть было не сбежала, да родных огорчать не хотелось. О, как же я ненавидела этот раз и навсегда заведённый распорядок, эти правила и догматы, неизвестно кем и зачем выдуманные! Ненавижу правила! Я там, что птица в клетке, сидела. Воли хотела! Воли, понимаешь? Что бы, куда хочу, туда еду, что хочу, то ем, сколько хочу, столько сплю. И чтобы никто не диктовал мне, что я должна делать!

— А я бы рада была, чтобы мне говорили, как поступать. Я сама ничего не знаю, ничего не видела, так лучше тогда других слушаться. Ты — дело иное... Ты так много видела.

— Да что я видела-то? Пустота это всё... Мои родители мечтали, чтобы я была допущена ко Двору. А я от этой участи бежала. У меня была знакомая фрейлина. Первый год она упивалась своим положением, на второй стала скучать, на третий — взывала от этой кукольной жизни, от этого театра под названием Двор Её Императорского Величества. Слава Богу, на четвёртый год она вышла замуж, уехала в Саратовскую губернию и там теперь растит своего первенца.

— И ты хотела бы того же? — спросила Маша.

— Не знаю, — покачала головой Ася, делая мелкие шажки на мысках. — Я сама не знаю, чего хочу. Был момент, когда я мечтала блистать в свете, разбивать сердца и т. п., мечтала завести свой салон и царить в нём, как Панаева²⁶... Но годы, проведённые в Смольном, и опыт подруг вытравили эту мечту. Всё это — такая пустота и скука! Бесполезность! А я, Маша, хотела, во что бы то ни стало, быть полезной! Я искала дела, понимаешь? Настоящего дела! Ни этих дамских комитетов, занимающихся ерундой и любующихся, какие они милочки, и рассказывающих друг о друге всевозможные гадости за глаза... Но какое может быть настоящее дело для женщины у нас? Ведь ни одной серьёзной должности, ни одного серьёзного поприща не видать нам! Всё занято мужчинами! И это у нас! Где была великая императрица Екатерина, княгиня Дашкова... А ваша Елизавета Борисовна? Да она бы на любом посту любому государственному мужу дала бы фору! И ничего не попишешь! Вот, скажи мне, Маша,

какое настоящее дело может быть у женщины в нашей стране?

— Семья... — неуверенно произнесла Маша. — Заботиться о муже, растить детей. Разве это не настоящее дело? Разве это не важнее всего?

Ася снова опустила на подоконник:

— Я почти завидую тебе... У тебя всё просто, всё, как должно быть. По истине, нас, столичных барышень, развратил «женский вопрос». Ты бы хотела иметь большую семью, Маша?

— Да, конечно! И чтобы много детишек Господь послал! Это ведь такое счастье!

— Какая же ты милая, Машенька! Дело за малым: найти тебе хорошего мужа, с которым это счастье стало бы возможным. Или, может быть, претендент уже есть?

Лицо Маши залилось краской, и Ася поняла, что попала в точку. Это сразу подняло ей настроение, и она захлопала в ладоши:

— Я угадала! Прекрасно! Имени не спрашиваю. Только скажи, он знает?

Маша мотнула головой.

— А как ты думаешь, он любит тебя хоть чуть-чуть?

— Не знаю... — вздохнула Маша.

— Бог ты мой, как всё знакомо! — воскликнула Ася. — Интересно, это всегда так, или только нам так «везёт»?

— Так ты тоже любишь, Ася? — тотчас оживилась Маша. — Ах, как я рада за тебя!

— Что ж радоваться, когда он ничего не знает и, кажется, по сей день любит какую-то другую...

— Любить — прекрасно!

— Взаимно любить — прекраснее вдвойне.

Обе девушки рассмеялись.

— До встречи с ним я совсем не думала о семье, — призналась Ася. — Всё больше о деле. А, вот, увидела, и что-то разладилось... Теперь я думаю, что если бы он

обратил на меня внимание, если бы стал моим мужем, так никакого дела мне и не нужно бы было... Я теперь только одно знаю: или я его жена, или старая дева, потому что никто другой мне не нужен.

— Смотри, Ася, кто-то скачет, — сказала Маша, указывая на окно.

Ася быстро оглянулась и поднесла руку к сердцу:

— Он... Только что это с ним? Сюртука нет... Кричит что-то...

— Не случилось ли чего, сохрани Господь? — Маша набожно перекрестилась.

— Судя по всему, случилось... — заметила Ася, глядя на бегущую на зов всадника челядь.

— Кто был в конюшне из посторонних?! — голос княгини вибрировал, а подрагивающие руки судорожно сжимали хлыст. — Отвечай, чёрт тебя побери!

Старик-конюх беспомощно жевал дрожащими губами и мотал головой.

— Никого не было! — развела руками Олицкая. — Изумительно! Какой-то выродок подмешал отраву в воду лошади, а он никого не видел! Спал ты, что ли, Анфимыч?!

Старик всхлипнул, бухнулся на колени, стал целовать край платья барыни, продолжая мотать головой. Княгиня закусила губу и отёрнула край платья:

— Ну, что, что ты в пыли-то валяешься? Ты ж меня на руках носил и Родю тоже. Ты ж его на лошадь сажал, когда он дитятей был... Знаю, что нет твоей вины в том, что случилось, — Олицкая утёрла выступившие слёзы. — Но кто же?! Кто?! Кто?..

— Елизавета Борисовна, спросите у него, почему ваш сын отправился на прогулку на лошади князя Владимира, — произнёс Николай Степанович.

Княгиня тронула Анфимыча хлыстом и, тщательно выговаривая каждое слово, повторила ему вопрос следователя.

Наблюдавший эту сцену Вигель поражался самообладанию Елизаветы Борисовны. Всего четверть часа назад её едва живого сына внесли в дом, теперь над ним «колдовали» доктор Жигамонт и Амелин, а эта женщина, облачённая в траур, с тёмными кругами вокруг холодных глаз, выдающими величайшую усталость, запавшими щеками и побелевшими, плотно сжатыми губами, самолично допрашивала своего конюха. Да и кто кроме неё мог допросить несчастного глухонемого, если никто не понимал его, кроме неё? И всё-таки эта неколебимая твёрдость была поразительна. Глядя на княгиню, Пётр Андреевич поймал себя на мысли, что очень хотел бы написать её портрет в эту минуту.

Когда юного князя вносили в дом, Елизавета Борисовна, увидев понуро бредущего за ним Амелина, вымолвила:

— Вот, оно как... И ты здесь! Что же, к лучшему... Если не поднимешь его, я буду знать, кого проклинать перед смертью.

— Проклинайте, ваше сиятельство, я ваших проклятий не боюсь, — прозвучал холодный ответ.

Княгиня поцеловала белую руку сына, сглотнула выступившие слёзы, поднялась и, прямая, как бронзовая стела, ринулась в конюшню. Вигель, едва успевший поприветствовать Георгия Павловича, и мрачный, как грозовая туча, Немировский последовали за ней.

— Лошадь Роди вчера захворала, — сказала княгиня. — Поэтому он взял Володину... Они часто менялись...

— Любопытно... — протянул Немировский. — Интересно, кому была уготована смерть на этот раз?

Княгиня, кроме домашних, кто-нибудь знал о том, что Владимир уехал?

— Никто, — покачала головой Олицкая. — Я строго-настрого запретила говорить об этом.

— Если убийца не знал об отъезде князя Владимира, то можно предположить, что покушение было именно на него, и ваш сын пострадал случайно.

Лицо Елизаветы Борисовны вытянулось ещё сильнее, и она, с трудом сдерживаясь, ответила Николаю Степановичу:

— Вот что, господин Немировский, мне нет дела до того, кого хотел убить этот помешанный! Слышите вы?! Мне плевать на это! Мой сын едва не погиб! Он тяжело изувечен! А вы до сих пор ничего не сделали, чтобы избавить меня от этого кошмара! Вы! Лучший сыщик Москвы! Что проку в вашем опыте и чутье, если вы ничего не можете поправить! Если мой сын умрёт, то его смерть будет на вашей совести также!

— Мне кажется, я предупреждал, чтобы ваш сын постарался никуда не выходить в одиночестве, — заметил Николай Степанович.

Княгиня взмахнула хлыстом, воздух, разрезанный им, скрипнул. Елизавета Борисовна закрыла лицо руками, и из груди её вырвался стон.

Старик-конюх всё также стоял на коленях и плакал, размазывая слёзы по лицу. Олицкая наклонилась к нему и, глядя по седой голове, сказала сквозь слёзы:

— Вставай, Анфимыч. Я ни в чём тебя не виню. Прости меня...

Старик поцеловал край её платья, поднялся и, не переставая плакать, пошёл прочь. Елизавета Борисовна утёрла платком слёзы и обернулась к Вигелю. Ей вновь удалось взять себя в руки, лицо сделалось каменным, а голос прозвучал твёрдо и величественно:

— Пётр Андреевич, прошу меня извинить. В этой кутерьме я совсем забыла поблагодарить вас. Кроме

сына, у меня никого нет на этом свете. Вы спасли ему жизнь, и теперь я ваша должница навеки. Спасибо!

Вигель не нашёл слов, чтобы ответить, и лишь низко поклонился княгине. Она кивнула ему и направилась к дому.

— Королева... — прошептал Пётр Андреевич, глядя ей вслед.

— Ты прав. Здесь её так и зовут: наша императрица, — кивнул Немировский. — Рад тебя видеть, друг сердечный. Вовремя ты приехал. Прими и мою благодарность тоже. Если бы этот мальчик погиб, я бы не простил себе этого по гроб жизни. Хотя это верх безрассудства с его стороны — вот так одному уезжать! Я ведь предупреждал!..

— Даст Бог, он поправится. Доктор Жигамонт — большой чудесник. Я верю, он поставит князя на ноги.

— Надеюсь, — хмуро отозвался Немировский. — Что в Москве? Как Анна Степановна? Здорова?

— Всё благополучно. Николай Степанович, я привёз сведения, которые проливают свет на наше дело. Их добыл Василь Васильич, не подозревая, как нужны они нам. Мы, кажется, нашли убийцу.

— Вот как? — Немировский вскинул брови. — Вот так молодцы! Вот так хитрецы! Обскакали, значит, старика? — он улыбнулся. — Ну, рассказывай всё подробно, не томи!

Едва доктор Жигамонт показался в дверях комнаты Роди, Маша бросилась к нему и, схватив за руку, спросила:

— Что, доктор? Что? Как он? Умоляю вас, не молчите!

— Раны серьёзные, но я надеюсь на лучшее, — ответил Жигамонт.

— О, Георгий Павлыч, как это страшно! — Маша заплакала.

— Ну-ну, успокойтесь, пожалуйста, — ласково произнёс доктор, осторожно беря девушку под руку и отводя её от двери. — Тише, умоляю вас. Маша, вы не должны отчаиваться и опускать руки! Послушайте меня! Он будет жить, я говорю вам это наверное. И вы гораздо более поможете ему, если будете рядом с ним бодрая и улыбающаяся, нежели если будете рыдать о нём по углам, изводя своё любящее сердце и сердце вашего дедушки.

Маша подняла на Георгия Павловича блестящие от слёз глаза, вгляделась в его спокойное, худощавое лицо, обрамлённое редкими баками. Доктор смотрел на неё мягко, голос его был негромким и вкрадчивым.

— Значит, вы догадались?

— Я не слепой, моя юная леди, — краешками губ улыбнулся Жигамонт. — Я понял это, ещё когда мы вместе были у Алексея Львовича.

— Вы провидец...

— Нет, я врач. Но хороший врач. А хороший врач обязан быть психологом.

— Вы, в самом деле, хороший врач? Самый лучший в Москве? Правда же? — спросила Маша с таким чувством, с каким, должно быть, утопающий тянется ухватиться за хрупкую соломинку.

— Я не стану утверждать, что я лучший врач в Москве. Но своё дело я знаю, и клянусь вам, что Родион Александрович поднимется со своего одра, и вы ещё станцуете с ним вальс, который мы с вами разучивали, если он, конечно, не уйдёт в монастырь.

— О, доктор! Спасибо вам! — воскликнула Маша, обнимая Жигамонта.

— За что? — улыбнулся Георгий Павлович, аккуратно освобождаясь из объятий девушки. — Вам не за что благодарить меня.

— Нет, есть за что. Вы один из самых благороднейших и добрейших людей, которых мне

приходилось видеть! Почти такой же, как мой обожаемый дедушка!

— Таким сравнением вы делаете мне честь. А теперь ступайте к нему, — Георгий Павлович кивнул на дверь. — Ступайте и будьте с ним.

— А княгиня? — робко спросила Маша. — Она не рассердится?

— А вы скажите, что вы лекарство, которое я прописал её сыну. А, если серьёзно, то я прошу вас, Маша, будьте рядом с Родионом Александровичем. Не оставляйте его ни на мгновение, разве только когда я сам буду рядом. Я на вас очень рассчитываю.

— Вы думаете, что ему грозит опасность? — побледнела Маша.

— Я не знаю. Но, как говорится, бережёного Бог бережёт. А потому берегите его!

— Я глаз не сомкну, если понадобится!

— Не сомневаюсь в этом, Маша. Вы теперь моя правая рука.

Маша утёрла слёзы и, провожаемая ободряющим взглядом Георгия Павловича, осторожно вошла в комнату Роди.

Молодой князь, бледный как полотно, лежал в постели с перевязанной головой. Вокруг сомкнутых глаз его чернели круги, а губы были почти синими. На столике рядом с кроватью стояла вода и много флаконов с какими-то снадобьями, наполнявшими комнату терпким больничным духом.

У постели Роди сидели Елизавета Борисовна и доктор Амелин. Они не смотрели друг на друга, но лица обоих были исполнены скорби.

При появлении Маши княгиня резко обернулась, а Всеволод Гаврилович поднялся.

— Что тебе, Машенька? — спросила Олицкая.

— Георгий Павлович попросил меня некоторое время быть рядом с Родей, ухаживать за ним...

— Вот как? Стало быть, определил тебя в сиделки? Что ж, я рада. Лучшей я бы и не пожелала. Тебе, девочка моя, я доверяю и тебя люблю. Позаботься о нём!

— Я сделаю всё, Елизавета Борисовна. Не сомневайтесь, — пообещала Маша.

— Прекрасно! — подал голос Амелин. — В таком случае, разрешите откланяться, ваше сиятельство! Полагаю, что здесь я больше не нужен, а в больнице меня ждут дела!

— Иди, — сухо кивнула княгиня. — И можешь больше не беспокоить себя посещениями! Доктор Жигамонт, я верю, вылечит моего сына!

— Несомненно, ваше сиятельство! — Амелин криво усмехнулся и с нарочито глубоким поклоном вышел.

Княгиня хрустнула пальцами и обратилась к Маше:

— Побудь с моим мальчиком, а я вскоре вернусь. У меня что-то кружится голова... Нужно выпить горячего вина и что-нибудь съесть, иначе я слягу сама. Чудо, право, что по сию пору не слегла от всего этого... Господи, я ещё никогда в жизни не чувствовала себя такой старой и разбитой! Надо сказать Лыняеву, чтобы он отписал... Ах, этот мерзавец Лыняев! Я ведь собиралась прогнать его взащей... Но надо же найти другого мерзавца взамен... А никаких сил уже не осталось...

Голос Елизаветы Борисовны звучал надломлено. Она тяжело поднялась и, массируя кончиками пальцев виски, пошатываясь, направилась к двери.

Как только она вышла, Маша заняла её место. Она взяла ледяную руку Роди в свои и поднесла её к губам.

Сиротка, дочка недавней крепостной, милостиво признанная отпрыском благородной фамилии, бедная девушка никогда не осмеливалась всерьёз помышлять о возможности стать женой младшего князя Олицкого. Слишком знатен он был, слишком высок помыслами.

Маша смотрела на него, как на ангела во плоти, восхищаясь и тихо обожая. Она стыдилась даже заговорить с ним, боясь обнаружить своё невежество, а потому молчала, прятала глаза, избегала, хотя он относился к ней с братской нежностью и предупредительностью. Но не брата видела в Родионе Маша. В мечтах она представляла, как могли бы они быть счастливы вместе, став мужем и женой, воспитывая детей... Как нарочно, дедушка всё чаще заговаривал о необходимости замужества Маши, о том, что нужно искать ей жениха. Эти разговоры болью отзывались в сердце девушки. Ей горько было представить жизнь в браке с кем-либо, кроме Роди, жизнь без любви к мужу, хуже того — с любовью к другому. Что хорошего может явиться от положенной в основу лжи? Посеявший ложь пожнёт ложь ещё горшую. Не пшеницу и рожь пожнёт сеявший ложь... А дедушка настаивал, и не хотелось огорчать его. Тайком Маша плакала в подушку, представляя, как пойдёт под венец с нелюбимым, а Родя будет с весёлой улыбкой поздравлять её...

Теперь всё это отошло в сторону. Маша сжимала руку Родиона и шёпотом молилась, чтобы Бог сохранил ему жизнь и исцелил...

Сведения, привезённые Вигелем, наконец, развязали руки Николаю Степановичу. Теперь улики были, улики настоящие, мотив неопровержимый, а, значит, можно было действовать. Чувствуя знакомый азарт, являющийся с приближением развязки, Немировский, велел заложить коляску и отправился в храм Вознесения Господня, где служил отец Андроник.

Служба подходила к концу, уже оглашал окрестности светлый благовест, когда Николай Степанович добрался до храма. Из дверей его выходили празднично одетые люди: женщины и девушки в

разноцветных платках, мужики в чистых рубахах, с картузами в руках и смазанными жиром волосами. Люди крестились, клали поклоны, кричали младенцы на руках у пытающихся их унять баб, шептались старухи. Видимо, как раз на службу спешил несчастный князь Родион этим ранним утром.

Немировский вошёл в храм, встал в самом тёмном углу перед иконой Богоматери и, помолившись, стал ждать, когда прихожане разойдутся. Ждать пришлось долго. К батюшке постоянно подходили люди, спрашивали о чём-то, просили совета и молитв.

Наконец, храм опустел. Отец Андроник тяжело опустился на колени, перекрестился размашисто и начал молиться, кладя земные поклоны. Николай Степанович вышел из-за колонны и кашлянул. Священник обернулся и с видимым трудом поднялся, напряжённо вглядываясь в темноту, стараясь различить вошедшего.

Следователь приблизился:

— Здравствуйте, батюшка.

— Доброго здоровья и вам, господин Немировский.

— Мне нужно поговорить с вами. Только, чтобы никто не помешал.

Отец Андроник кивнул, запер дверь храма и указал Николаю Степановичу на стоящую у стены лавку:

— Сядемте. У меня после службы ноги очень болят.

Немировский опустился на лавку, священник сел рядом, и в полумраке прозвучал его чуть резковатый голос:

— Исповедаться пришли или же мою исповедь услышать хотите?

— Вначале я хотел бы услышать вашу, — ответил следователь. — Вас ведь звали в миру Кузьмой Григорьевичем Палицыным, я не ошибся?

— Не ошиблись. Я знал, что вы придёте, и уже давно поджидал вас. Только мне нечего сказать вам, кроме

того, что сказал в первую нашу встречу: не там ищите.

— Вот как? Но согласитесь, что у вас был самый веский мотив для совершения этих преступлений. Мечь.

— Может быть, вы, господин блюститель закона, расскажите мне и за что я мстил князьям Олицким?

— Охотно. Двадцать лет назад была жестоко убита невеста вашего сына. Скорее всего, в этом преступлении были замешаны князья, но вину свалили на вашего сына, и он умер на каторге.

— Неужто? А тогда, двадцать лет назад, не было этих сведений у вашего следствия?

— Я ничего не могу сказать вам об этом. К сожалению, я того дела не расследовал.

— А если бы расследовали вы?

— Я не допустил бы обвинения невинного, — твёрдо сказал Немировский.

— Вам я верю. Вы человек честный и знающий, я это понял сразу. Так вот, я ничего не знал о причастности Олицких к моему горю. И сюда я приехал, ничего не ведая об этом.

— Но старый князь перед смертью решил облегчить свою совесть и всё рассказал вам, не так ли? Вы же стали исповедником этого дома, все грехи этой семьи были открыты вам.

— Знаете, господин Немировский, что самое тяжкое в служении священника? Бремя чужих грехов. Иногда оно делается неподъёмным, придавливает к земле каменной кладью, не давая вздохнуть, жжёт изнутри. Ты знаешь о людях такое, от чего вся душа твоя возмущается, а должно смириться, сохранить этот новый камень в себе и молиться за того, кто его на тебя переложил. Только Господь и может дать силы, чтобы вынести эту ношу, — отец Андроник помолчал. — Вы угадали, я, к несчастью моему, всё узнал. Первым моим желанием было немедленно уехать отсюда, так как вся

душа моя восставала при виде людей, погубивших моего сына. Но я поборол в себе это искушение. Я понял, что это испытание, посланное мне Богом, который привёл меня сюда. А раз так, то я должен был подчиниться и терпеть.

— Вы хотите сказать, что смирились и не стали мстить?

Священник поднялся, перекрестился троекратно, подошёл шаркающей походкой к иконе Спаса, приложился к ней и произнёс громко:

— Перед ликом Господа Моего клянусь: на моих руках нет крови. Я не мстил князьям, и случившееся — дело не моих рук. Верить мне или нет, решайте сами.

Немировский закусил губу. Он чувствовал, что отец Андроник говорил ему правду, но следовательно не привык верить на слово, он должен был выяснить всё до конца, но не знал, с какой стороны подступить к священнику теперь.

— Неужели вы думаете, что я мог убить своё духовное чадо, князя Родиона, сына Елизаветы Борисовны? — спросил отец Андроник.

— Сына князя Олицкого, отчего бы и нет? Он лишил вас сына...

— Сына Елизаветы Борисовны... Своё духовное чадо...

Немировский резко поднялся. Что-то в тоне священника показалось ему странным

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Только то, что князя Родиона я люблю, как родное чадо, — отозвался священник. — Это чистая и светлая душа.

— Нет, батюшка, вы хотели сказать что-то другое, — покачал головой следовательно.

— Я ничего больше не скажу вам об Олицких, господин следовательно, — сказал отец Андроник, поправляя лампаду. — Всё, что я знаю о них, было

рассказано ими на исповеди, тайна которой священна. Вы понимаете?

— Понимаю. Теперь я, кажется, многое понимаю. И, хотя вы и не говорите мне ничего, но я всё узнаю теперь.

— Это ваша работа. Ищите, господин Немировский, и Бог вам помощь. Святой авва Дорофей говорил, что тремя страстями одержим человек: сластолюбием, сребролюбием и славолубием. Три С. В них корень всем проступкам и преступлениям. Когда вам нужен мотив, вспомните эти три С, и вы никогда не ошибётесь.

— Вы правы, батюшка... В этом всё зло.

— Это не я, а авва Дорофей. Прощайте!

Николай Степанович уже повернулся, чтобы уйти, когда отец Андроник окликнул его негромко:

— Пойдите!

Следователь оглянулся, и священник, подняв худую руку с узловатыми пальцами, благословил его.

У дверей храма Николай Степанович натолкнулся на женщину, державшую на руках грудного ребёнка. Женщина казалась усталой, болезненной, голова её была покрыта чёрным платком.

— Батюшка в храме? — тихо спросила она.

— Да, проходи, — кивнул Немировский.

— А вы, барин, исповедовались у него?

— Нет, не совсем...

— А я за советом к нему. За утешением. Муж у меня помер, остались мы с сыночком одни. Только боюсь, как бы не прогнал он меня с пороженька... — женщина всхлипнула.

— Отчего бы батюшке прогонять тебя?

— Грех на мне... Грешная я! За то Господь и карает! А батюшка — прозорливый, он это почувствует... — вдова заплакала.

Из темноты храма показался отец Андроник, щурящий глаза от яркого солнечного света. Женщина

повалилась на колени. Священник погладил её по плечу, грустно покачал головой:

— Эх, Варвара, Варвара...

Испуганный ребёнок начал хныкать, батюшка перекрестил его, и он тотчас успокоился и заулыбался.

— Входи, Варвара, — сказал отец Андроник, и женщина, пригнувшись, прошла за ним в храм, после чего двери его затворились.

Немировский направился к ожидающей его коляске, с грустью думая о том, что простой, не просвещённый народ всё-таки много чище, нежели его господа со всем их многознанием. Сравнить хотя бы преступления их. Какой-то мужик убил и ограбил торговца, потому что голодала его семья. А тут же лощёный студент из порядочной семьи удушил женщину, чтобы украсть и продать её серьги и кулон и получить деньги на уплату карточного долга и новую игру. Преступления, с одной стороны, одинаковы: убийство с целью ограбления. Но насколько же второе омерзительнее! А ещё ведь являются убийцы идейные, террористы! А в той среде уж точно нет малограмотных мужиков. Сплошь интеллигенция, студенты-недоучки, дворянские отпрыски, в головах которых теории Фурье, Бакунина, Нечаева и один чёрт знает кого ещё.

Николай Степанович всю жизнь чурался политики, считая её не своим делом. Но когда политика начинает осуществляться бомбами и пулями, когда политическое намертво сплетается с уголовным — то уже некуда деваться. И страшнее всего было не то, что какие-то фанатики шли на террористические акты, даже на царубийство, но то, что образованное общество, общество столичных и губернских гостиных не осуждало их, но оставалось равнодушным или же одобряло, воспевало убийц. О каком законе можно говорить, когда общество становится на сторону преступника и делается соучастником его

преступления? Правда, в последние годы ситуацию всё же удалось обуздать, новый Царь правил русской птицей-тройкой твёрдой и решительной рукой, но общество продолжало разлагаться, и в этом разложении старый следователь Немировский предчувствовал серьёзную угрозу в недалёком будущем и с горечью понимал, что здесь ничего не поправить ему.

Николай Степанович всю жизнь посвятил борьбе с преступностью, но ловимые им преступники были преимущественно обычные воры, убийцы, шантажисты, бандиты, которых никому не пришло бы в голову оправдывать, кроме разве болтунов-адвокатов. Теперь же на смену им приходили преступники нового типа, и Немировский чувствовал, что его время неумолимо уходит... В последнее время он всё чаще думал об отставке. Менялось время, приходили новые люди, устаревал накопленный в минувшую эпоху опыт... Да и годы брали своё, всё чаще пошаливало сердце. Вот и теперь какая-то тяжесть давила его, и Николай Степанович подумал, что неплохо бы спросить каких-нибудь порошков у доктора Жигамонта. Конечно, многие, получив уже и генеральский чин, продолжали оставаться в строю: древние старцы, они уже ничего не делали сами, перекладывая все дела на многочисленных помощников, и производили жалкое впечатление. Уподобляться им Немировский не желал. Кроме правила «умей работать, умей и отдыхать», у него было и другое: всё нужно делать вовремя. И уходить — тоже. Но ни одна мысль не мучила старого следователя так, как мысль об отставке. Отставки он боялся, боялся остаться не у дел, без любимой работы. В конце концов, к чему торопиться? Пока дела идут справно, и сил хватает... А, может, всё не так? Ведь и он, многоопытный, стал допускать промахи, запаздывать. Вот, и здесь, в Олицах, сколько времени

прошло, прежде чем нащупал нужную нить! Выходит, сдаёт и он? Или просто стал мнительным к старости и возводит на себя напраслину?

За поворотом показались ворота усадьбы, и Немировский, оставив тягостные размышления, задумался, как строить разговор с княгиней. Даже в богатой практике Николая Степановича не было столь сложных бесед! В конце концов, следовательно решил перепоручить это неприятное дело доктору Жигамонту, рассудив, что, как другу и доверенному лицу Олицкой, последнему будет гораздо легче найти к ней верный подход.

Было выпито уже два бокала подогретого красного вина с сахаром и съедено несколько шоколадных конфет, но голова по-прежнему кружилась, подступала дурнота, и от слабости не было сил даже подняться.

— Дарья, кофе! — приказала Олицкая вошедшей горничной.

— Слушаюсь, барыня.

— Стой! Что у тебя с лицом? — спросила княгиня, заметив опухшие от слёз глаза девушки.

— Маменьку жалко и Родиона Александровича. Маменьку теперь в больницу свезут... — Даша всхлипнула.

— И мне жалко... Всех жалко... — вздохнула Елизавета Борисовна, цедя вино мелкими глотками. — А пуще всех себя... Меня, вот, ни одна душа не пожалеет отчего-то...

— Барыня, а вы батюшку моего тепериче уволите?

— Не знаю, Дарья. По-хорошему, тюрьма по твоему родителю за его художества плачет, а, с другой стороны, где я ещё такую бестию сыщу... Да и не до того мне теперь! У меня сын едва жив!

— Простите, барыня.

— Ничего... Ты не бойся, Дарья, тебя я не уволю. Ты так хорошо умеешь варить мне кофе... Ступай!

Олицкая прикрыла глаза, подозвала собаку, сделал над собой усилие, нагнулась, подняла её и посадила на колени:

— Ох, и тошно же мне, косолапушка... Словно вся тяжесть небесная на мою больную голову свалилась... Никогда так дурно не было.

В кабинет осторожно вошёл Георгий Павлович:

— Вы позволите, Елизавета Борисовна?

— А, это вы, милый Жорж... Входите, конечно. Что вы так на меня смотрите? Скверно выгляжу?

— Не стану отрицать, вид у вас — краше в гроб кладут, — отозвался Жигамонт.

— И самочувствие такое же, — бледно усмехнулась княгиня.

— Я вам микстуру сделаю.

— Не трудитесь. Я её пить не стану.

— Почему?

— Лекарства вредны. Никогда ими не лечилась и лечиться не буду. Вот, вино — другое дело. И кофе. И шоколад. Ну, пустырник с мятой на худой конец. А если совсем занедужу, так бабу-знахарку покличу...

— Воля ваша, — пожал плечами Георгий Павлович, вертя в руках трость.

— Чувствую я, милый доктор, что вы какой-то камень за пазухой принесли, чтобы меня им в висок огреть. Так не тяните. Что у вас?

— Простите заранее за такой вопрос, но я обязан его задать. Елизавета Борисовна, сколько вам было лет, когда родился Родион?

— Сорок, милый Жорж. Я так понимаю, что это был лишь первый из вопросов, которые вам настолько неудобно мне задавать, что вы смотрите в пол, а не мне в глаза? — слабый голос Олицкой вдруг набрал силу. — Так?

— Вы правы.

— Следующим вопросом будет, как случилось такое чудо после двадцати лет брака, учитывая почтенный возраст моего супруга?

— Да... — сдавленно отозвался доктор.

— Ну, вы же врач, — криво усмехнулась княгиня. — Вот, и объясните эту загадку! К чему задавать вопросы?!

— Родион не сын князя Олицкого? — едва слышно спросил Жигамонт.

— Вы догадливы. Да, я обманула мужа. И ни разу до сих пор в этом не раскаялась, если угодно знать! Чтобы было у меня сейчас, если бы я не презрела эту вашу мораль... А так у меня есть сын! Я имела на это право!

Георгий Павлович молча опустил в кресло и закурил трубку. Княгиня залпом допила вино и прикрикнула на появившуюся Дашу:

— Дарья, оставь нас! Кофе можешь выпить сама!

Молчание продлилось несколько минут, после чего Елизавета Борисовна спросила:

— Что же вы не спросите у меня, милый доктор, кто настоящий отец? Ведь вам это надо знать, не так ли?

— Мне не нужно спрашивать, я уже знаю, — отозвался Жигамонт. — Амелин. Ещё когда мы были с вами у него, я почувствовал, что между вами что-то было. А потом я видел, как он смотрел на Родиона, на вас... И как вы на него смотрели. Я догадался.

— Какая поразительная проницательность! — воскликнула княгиня. — Вы только об одном не догадались, что, если бы звёзды расположились иначе, Родя мог бы быть вашим сыном.

Жигамонт поднял голову.

— Да! — продолжала Олицкая. — Неужели тогда, в Карлсбаде, вы не почувствовали, как нужны мне?..

— Елизавета Борисовна...

— Лиза! Лизхен! Тогда вы называли меня так! Называйте так и теперь! Боже мой, как я устала ото всего этого! Как мне всё надоело! Какой безумный год! Это же можно с ума сойти, как несчастная Лыняева!

— Успокойтесь, Елизавета Борисовна...

— Молчите, доктор! Я не нуждаюсь в утешениях! Вы узнали то, что хотели? Так уходите теперь! Оставьте меня! — почти закричала Олицкая, поднимаясь.

— Простите, — Жигамонт вышел, а княгиня замертво упала в кресло и стиснула ладонями голову.

Когда-то она уговорила мужа устроить больницу для крестьян. Не из заботы о них сделала она это, а чтобы удержать возле себя молодого врача Всеволода Амелина. Он был моложе её на пятнадцать лет и чем-то напоминал ей её карлсбадскую любовь. Молодой человек был привлекателен, обладал острым умом и не менее острым языком. Олицкой нравился его бунтарский дух, его презрение ко всем правилам и условностям. Амелин казался ей человеком без предрассудков. Взгляды этого новоявленного «Базарова» потомственной аристократке и барыне были совсем не по нраву. Она просто не воспринимала их всерьёз, а лишь забавлялась, слушая речи молодого врача, изображая при этом интерес и даже сочувствие. После двадцати лет замужества за старым и хворым князем сорокалетняя княгиня искала утешения в Амелине. Не желая бросить тень на фамилию, Елизавета Борисовна не могла позволить себе завести роман с представителем своего круга, унизиться же до холопа было и вовсе невозможно. Сильный, независимый и гордый Всеволод Гаврилович стал настоящей находкой. Она и не заметила, как увлекалась им всерьёз.

Старый князь болел и давно уже не следил за тем, где пропадала его жена, которой он доверил вести своё расшатанное хозяйство, о чём ни разу не пожалел.

Поэтому Елизавета Борисовна могла совершенно спокойно навещать Амелина в его доме и проводить с ним довольно времени. Никогда не было ей ещё так хорошо. Несмотря на долгий стаж супружеской жизни, княгини казалось, будто бы она впервые узнала мужчину по-настоящему.

Но скоро наступило разочарование. Княгиня узнала, что её возлюбленный совсем не избегает и крестьянских девиц и баб, тянувшихся к нему, как и сама Елизавета Борисовна. Это открытие оскорбило гордую Олицкую. Как посмел этот ничтожный лекарь крутить шашни ещё с кем-то, когда сама княгиня одаривает его своей благосклонностью? Елизавета Борисовна, которую часто называли «купчихой», «баринком в юбке», всё же была аристократкой. Она не унизилась до выяснения отношений со своим неверным любовником, а просто мгновенно положила конец их связи. Амелин не стал даже искать встреч с ней, просить объяснений и извиняться, точно ничего не было между ними, точно была она одной из его девиц... Это было ещё сильнее оскорблением, и Елизавета Борисовна даже подумывала закрыть больницу, но тут рачительная хозяйка взяла верх над обиженной женщиной. Больница нужна была крестьянам, а Амелин был хорошим врачом, и княгиня проглотила обиду, предупредив лишь Всеволода Гавриловича, что если он только попытается развращать её людей своими социалистическими проповедями, то она немедленно отдаст его в руки властей и позаботится о том, чтобы бунтаря отправили в самую глухую ссылку.

А вскоре после разрыва Олицкая поняла, что беременна. Это было огромным счастьем. Наконец-то в её жизни появился подлинный смысл! Обмануть старика-мужа ловкой княгине не составило труда, князь, как ребёнок, радовался прибавлению семейства и гордо поглядывал на сыновей и друзей. И чем плох

такой обман, когда он только в радость всем, кроме старших сыновей мужа, которые ничего и не заслуживают? Таким образом, Елизавета Борисовна всё-таки устроила своё счастье.

Разумеется, Амелин не мог не понимать, что он настоящий отец сына Олицкой, но это несколько не волновало его. Ребёнок княгини был ему безразличен столь же, сколь дети крестьянок, также рождённые от него. А, может быть, он только играл безразличие?..

Ася удобно устроилась на подоконнике и заморожено слушала рассказ Петра Андреевича о событиях в Москве. Правда, не меньше рассказа завораживал её сам рассказчик, смотрящий на неё своими синими глазами и улыбающийся ей.

— Ах, господин Вигель, мы с вами, однако, ведём себя дурно. В этом доме такое горе, а мы с вами так беззаботно разговариваем, точно ничего не случилось, — заметила Ася.

— Анастасия Григорьевна...

— Лучше просто Ася.

— Я хотел сказать, что мы ведь говорим как раз о тех мрачных делах, происходящих в том доме, — сказал Пётр Андреевич.

— Но выходит у нас как-то совсем не печально.

— Вероятно, потому что мы рады нашей встрече.

Ася наклонила голову на бок:

— Стало быть, вы рады ей?

— А вы сомневаетесь?

— Конечно, нет! Ведь я так бессовестно рада сама! Нет, это возмутительно! Несчастный молодой князь так болен, бедная Маша не находит себе места, а мы радуемся! Это значит, что мы с вами жестокосердны?

— Это значит, что мы не умеем лицемерить.

— Вы получили моё письмо?

— Да, Ася. И очень благодарен вам за него.

— А каков же будет ваш ответ, Пётр Андреевич?

— Я здесь, перед вами. Какого ещё ответа вы хотите?

Ася не успела ответить, потому что в комнату стремительно вошёл Николай Степанович. Он был бледен и выглядел уставшим.

— Вот вы где, друзья сердечные! Асенька, красавица моя, оставь нас, пожалуйста.

Ася соскочила с подоконника и вышла, насупившись. Как, однако же, не вовремя появился крёстный! Прервал такой важный разговор! Но он непременно будет продолжен! Ведь Петр Андреевич так смотрел... О, как он смотрел! Так, что сердце готово было вырваться из груди ему навстречу! И как назло даже не с кем поделиться этим счастьем! Маше не до того... Разве что написать письмо старой подруге?

— Что, Кот Иваныч, помешал я вам? — улыбнулся Немировский, ослабляя галстук.

— Что вы, Николай Степанович...

— Да полно мне петрушку балаганить, будто уж и глаз у меня нет. Ладно, после об этом... Ты уж вздохнул с дороги, я полагаю?

— Можно сказать и так!

— Да, ты прямо с корабля на бал попал... Коли вздохнул, так поедешь теперь со мной человека одного проведать.

— Постойте, вы были у отца Андроника?

— Ложный след. Дорогой я всё объясню. Собирайся, время не ждёт.

— А далеко ли ехать?

— Четверть часа до сельской больницы.

— Я готов!

Немировский похлопал Вигеля по плечу:

— Вот, и замечательно. Как говорится, сделай дело, а потом и гуляй смело... Да только меру знай.

...На просёлочной дороге коляску сильно потряхивало. Николай Степанович болезненно морщился, но на предложение ехать тише только отрицательно качнул головой:

— И так слишком много времени потеряли.

— Вы полагаете, что Амелин мог покушаться на собственного сына? — с сомнением в голосе спросил Вигель. — Я видел его лицо, когда он увидел раненого князя. Я руку на отсечение даю, что это было искреннее огорчение, а не игра.

— Разумеется, — кивнул Немировский. — Только Всеволод Гаврилович, как тебе известно, не живёт в доме, а княгиня строго запретила говорить об исчезновении князя Володи.

— И он отравил лошадь Владимира, а Родион пострадал по ошибке?

— Никаких иных объяснений у меня пока нет.

— Но для чего нужно было Амелину всё это?

— Представьте себе на мгновение, что некто, как и мы с вами, узнал тайну княгини Олицкой. Некто решает раскрыть глаза старому князю, зная, что он собирается завещать всё своё состояние любимой жене и сыну.

— Но зачем? Не лучше ли дорого продать своё молчание княгине?

— Лучше. Но только в том случае, если ты сам не незаконнорожденный бастард князя, всю жизнь терпящий унижения от родного отца и братьев и не могущий связать свою жизнь с любимой женщиной!

— Так вы думаете, что Борис Борисович мог всё узнать?

— Человек, который всю жизнь ждал своего часа, человек, который всё знал об Олицких, человек, наделённый большим умом и изворотливостью. Он мог надеяться, что отец, узнав о том, как обманула его жена, наконец, оценит его, признает, оставит часть

наследства. Ведь он служил старику куда преданнее, чем его законные сыновья!

— А Амелин?

— Амелин... Гордый человек. Умный, жестокий, презирающий любые устои. В молодости он наверняка мечтал повести за собой народ, как все подобные личности. Он видел себя в роли российского Марата. И, вот, жизнь проходит в неизвестности и глуши. Может ли это его устраивать? Чтобы подняться из грязи, ему нужны деньги. А где их взять? Он знает, что его родной сын вот-вот унаследует огромное состояние Олицких. И тогда он сможет обнаружить себя, открыться и потребовать свою долю. Вот, тогда бы круто развернулась его жизнь на сто восемьдесят градусов! И вдруг всё может пойти прахом из-за Каверзина. Может быть, Борис Борисович уже успел что-то нашептать князю, поэтому первый удар Амелина приходится именно на него, а на Каверзина — лишь второй. Он мог просто подменить пилюли, которые принимал Борис Борисович.

— А зачем убивать остальных князей?

— Человек, убивший дважды, уже не боится преступать. Может быть, он решил обезопаситься уже наверняка. Чтобы ни одного потенциального наследника, кроме его сына, не осталось.

— Но как узнал Амелин про московскую историю? Зачем этот спектакль с призраком?

— Зачем — понятно. Запутать, отвести подозрения, напугать... Владимира Александровича он просто довёл этим до самоубийства. А откуда узнал... Князь Антон Александрович был очень несдержан на язык и к тому же пьяница. Старший брат не раз угрожал ему, боясь, что он разболтает их тайну. Амелин от горькой и беспросветной жизни также часто прикладывался к бутылке. Они сдружились. Их часто видели вместе. Легко допустить, что во хмелю князя потянуло на

откровенность, и он что-то сболтнул Амелину, который тотчас намотал это на ус.

— Всегда удивлялся вашей способности все детали укладывать в общий сюжет, чтобы ничего не торчало, — сказал Пётр Андреевич.

Но Немировский лишь покачал головой в ответ на этот комплимент:

— Да нет, друг сердечный... В этом сюжете как раз всё торчит в разные стороны и не желает укладываться в одну пьесу. Дунь — и развалится...

Вигель заметил, как Николай Степанович вновь поморщился и приложил руку к левой стороне груди.

— Что с вами? — обеспокоенно спросил Пётр Андреевич.

— Ничего, ничего, — Немировский улыбнулся. — Просто дороги здесь больно ухабистые.

— Это вы верно сказали, барин, — пробасил кучер. — Барыня Елизавета Борисовна кой год собирается за дороги взяться, ан всё никак. А на наших-то дорогах и убиться легко.

— Вот что, Пётр Андреевич, допрашивать Амелина будешь ты. А я вмешаюсь, если возникнет нужда, — сказал Немировский. — Так что, пока мы не приехали, обдумай хорошо, как строить разговор.

Около больницы коляска остановилась. Вигель спрыгнул на землю и помог спуститься Николаю Степановичу. Немировский первым поднялся на крыльцо пристройки, в которой квартировал Амелин, и без стука толкнул дверь.

Из комнаты доносился запах гари. Сыщики осторожно заглянули внутрь. В печи горело яркое пламя. Всеволод Гаврилович, по пояс раздетый, сидел на полу и с ожесточением швырял в огонь книги, стопкой стоящие рядом. Тут же стояла фляга, которую время от времени Амелин подносил к губам и, сделав крупный глоток, занюхивал огрызком яблока. Врач,

кажется, был уже сильно нетрезв, и Пётр Андреевич подумал, что говорить с ним будет нелегко. Он посмотрел на Николая Степановича, и тот сделал знак начинать. Вигель провёл рукой по волосам и спросил:

— Что это вы, господин Амелин, книги жжёте?

Всеволод Гаврилович поднял на вошедших красные, воспалённые глаза, криво усмехнулся:

— А на кой дьявол они мне теперь?!

В печь полетел том Фурье и начал быстро тлеть по краям. Немировский опустил на стул и, положив ногу на ногу, стал наблюдать развивающуюся сцену.

— Трагедия с молодым князем вас так огорчила? — продолжал Вигель.

— Ни черта вы не знаете и не понимаете, господа московские ищейки, чума вас заберит! Искала борзая волка, да ежа укусила... Ненавижу всех... Всё ложь, всё от начала до конца! Я думал прожить жизнь умно! Умнее других! Я думал ни единой страсти, кроме желания пользы, не позволить закрасться в свою душу, в существование которой я предпочитал не верить, следуя учению этих умников! Чума бубонная! Проклятые умники! Проклятые книги! В них всё не так! Потому что жизнь — другая! Жизнь — подлая и низкая! — Амелин отхлебнул из фляги, закашлялся, запустил в печь книжкой «Колокола» и продолжил: — Я думал, что, если у меня будет много женщин, то ни одна из них не привяжет меня! А я ошибся! Эта дрянная аристократка, которая, даже лёжа в моей постели, ни на секунду не забывала, что я ей не ровня, и смотрела свысока, сумела-таки привязать меня... О, дьявол! Нужно было мне убить её... Удавить, утопить в реке...

— Вы говорите о княгине Елизавете Борисовне?

— Дрянью... Я мог бы тысячу раз прижать её к стенке, заставить её выплатить мне целое состояние, чтобы я не огласил её... И она же знала это! И всё-таки глядела свысока, точно не боялась! Точно считая меня холопом,

ничтожеством! А кто же я, если не ничтожество?! Дьявол! Если бы я не был холопом, так и денег бы не потребовал, а огласил нарочно, только чтобы потешиться её позором! Чтобы из князи в грязи... А я хранил её тайну!

— А Каверзин её узнал?

— Борис? — на лице Амелина мелькнуло удивление. — Откуда ему знать? Может, этот хитрый холуй и догадывался о чём-то, но так на фантазиях замка не выстроишь! Не желаете выпить со мной, господа ищейки? А, впрочем, мне здесь самому мало... Да кстати, чем обязан я вашему визиту? Что вы потеряли в моём убогом жилище?! Или, может, арестовывать пришли?

— Всеволод Гаврилович, давно ли князь Антон рассказал вам историю, случившуюся двадцать лет назад в Москве? — спросил Немировский.

— Ишь ты! Не зря, стало быть, вас лучшим сыщиком рекомендуют... Раскопали-таки!

— Итак?

— Давно. Князь! — Амелин рассмеялся. — Пьяница и болван... Иметь впереди себя блестящую военную карьеру и бросить полк, сломать себе жизнь из-за ошибки молодости... Я бы наплевал и забыл. Мне-то он давно покаялся! Набрался как-то да и пошёл, пошёл: слушай, Емеля, какой я камень на сердце ношу... Послал я его тогда... к попу! Сходите, говорю, ваше сиятельство, да покайтесь! А он говорит: не могу! Попу — не могу! Он меня к Причастию не пустит! Нет, вы подумайте, каков подонок! Я ведь церковные их обычаи знаю, хоть и презираю! Прежде причастия каяться надо да прощения просить! А их сиятельство каяться не каялись, а тело Христово жрамши! И кровь Его пимши! А после ко мне явится и пить продолжит! Только из бутылки уже, а не из чаши!

— А не жаль вам было несчастную сумасшедшую использовать в своих целях? — спросил Вигель.

— Это кого ещё?

— Лыняеву!

Амелин потряс головой:

— Э, нет, господин Вигель! Отрицать не стану, девиц ко мне много хаживало, но с Евдокией Яковлевной ничего у меня не было. Я её лечил, хотя и без особого успеха. Безумие — их семейная болезнь. И мать её, и бабка кончили сумасшествием. Так что медицина тут бессильна!

— Вы хотите сказать, что не вы заставили её изображать привидение?

Всеволод Гаврилович поднялся на ноги и несколько минут переводил взгляд с Вигеля на Немировского, а затем протянул, словно догадавшись:

— Вот оно что... Это, значит, вы хотите обвинить меня в этих убийствах?

— Станете отрицать?

— Разумеется, — пожал плечами Амелин. — Да, я ненавижу Олицких! Как ненавижу всех аристократов вообще! По мне, так давно следует установить гильотину и рубить знатные головы! Но ломать этакую комедию — какого чёрта?!

— Допустим, чтобы ваш сын гарантированно получил всё наследство и, может быть, поделится бы с вами, узнав о родственных связях...

— Этот монашек? О, нет! Я бы не желал, чтобы имение оказалось в его руках. Он, согласно указанию Христа богатому юноше, разбазарил бы всё по нищим, которым копейки давать не след!

— Почему же не следует?

— Милостыня развращает и унижает личность! Не жалкие подачки, а дело давать надо! Я всей душой ненавижу сатрапку-княгиню, но, если выбирать между ней и её сыном, выберу её.

— Значит, вы хотели обезопасить её права на наследство.

— Это ваши домыслы, господин Вигель, — твёрдо произнёс Амелин. — Вы желаете знать, убийца ли я? Нет, я не убийца. Чума бубонная, неужели вы не понимаете элементарной вещи: всё слишком поздно теперь!

— Что именно?

— Всё! Я опустил, развратился, растерял свою веру и жажду справедливости! За двадцать лет такой жизни я превратился в ничтожество, в слякоть! В труп! И ничто уже не возвратит меня к жизни! Недавно я пытался рассказать крестьянам об учении Маркса! Проповедовать им равенство! Социализм! Я начал и понял, что разучился! Мой язык отвык от таких слов, а рассудок ослаб, а сердце охладело! За мной уже никто не пойдёт! Моё время прошло или же не наступило ещё! Поздно, понимаете вы это, господин Вигель?! Первая книга, которую я сжёг сегодня, был Маркс... Мне больше не нужно всё это... Бесполезно!

— Если вы не убийца, то кто же? — спросил Пётр Андреевич.

— По-моему, это ваше дело — отвечать на подобные вопросы.

— Всеволод Гаврилович, кто ещё мог знать о московской истории? Может быть, князь Антон ещё с кем-то делился ею? — подал голос Немировский.

— Нет, он только мне исповедовался!

— А вы?

— Что — я? Я дал честное слово, что ничего не расскажу. И до сих пор его держал. Тем паче, что рассказывать-то некому было.

— А кто-нибудь мог слышать ваши разговоры с князем?

— Ручаться не буду, — пожал плечами Амелин. — Мы с ним пьяны были в хлам, говорил он громко... Чёрт

знает!

— А как вы объясните, что ваши окурки нашли под окном князя Владимира в день его смерти?

— Господин Немировский, вы нашли эти окурки?

— Да.

— Прекрасно! Стало быть, могли бросить их, куда вам заблагорассудится. Вам не приходила в голову мысль, что то же самое мог сделать кто-то ещё?

— Такая мысль мне приходила.

— И что?

— Я бы спросил: и кто?

— Вы часто бывали у Лыняевой, — снова заговорил Вигель. — Вы имели на неё влияние!

— Я много на кого имею влияние, — усмехнулся Амелин. — Я вам повторяю, у меня не было никаких отношений с этой женщиной. Хотя до того, как рассудок её помутился, она была весьма недурна... Даже князь Владимир Александрович оценил её по достоинству. Впрочем, уж кто-кто, а этот ценил всех, кроме собственной жены...

— Пойдите, — Немировский приподнялся. — Вы хотите сказать, что Лыняева была любовницей князя Владимира?

— Я бы не сказал, что любовницей. Скорей, «случаем». Правда, она, бедная, его любила. Думаю, и слабоумие её развилось столь стремительно от огорчения, вызванного его охлаждением, а заодно подозрениями мужа, которые он выказывал в форме рукоприкладства, не считаясь с положением жены.

— С каким положением? Вы хотите сказать, что Лыняева была беременна?

— Ну, да! Дарьей. Единственной своей дочерью.

— А отцом её был...

— Да, господин Немировский! — Амелин кивнул. — Эта милая горничная — тоже Олицкая! Вот, ведь дом, а? Одна большая семья!

— Она это знала?

— Не только знала, но и имела некое письмецо князя, из которого можно было, при желании, заключить, что она его дочь.

— Вы видели это письмо?

— Она мне его не показывала, но не раз говорила.

— Даша, как я понимаю, тоже была одним из ваших случаев?

— Да, она часто бывала у меня.

— Пётр Андреевич, останьтесь пока с господином Амелиным, а мне нужно кое-что проверить, — сказал Немировский, направляясь к двери.

— Но Николай Степанович...

— Исполнять незакосненно!

— Господин следователь, — окликнул Всеволод Гаврилович Немировского.

— Что-то ещё?

— Вам бы лучше не ехать. Это я вам, как врач, говорю. Сердце-то беречь надо.

— Благодарю за заботу, — кивнул Николай Степанович и покинул дом Амелина.

Всеволод Гаврилович опустился на пол, бросил в печь последнюю книгу, отпил из фляги и закурил, нисколько не обращая внимания на стоявшего рядом Вигеля.

Пётр Андреевич кусал губы. Он чувствовал, что должен был ехать с Николаем Степановичем, который явно недомогал, чувствовал, что развязка этого странного дела произойдёт без него. Самым сильным желанием Вигеля в этот момент было броситься следом за Немировским, мчаться немедленно в усадьбу, но нарушить указаний Николая Степановича он не мог. Подозрения с Амелина были ещё не сняты, а оставлять возможного преступника без надзора было нельзя.

— Хотите выпить? — спросил Всеволод Гаврилович. — Настоящий медицинский спирт...

— Не стоит.

— Беспokoитесь о своём начальнике? — в голосе Амелина слышалось удовольствие. — Правильно делаете! Лицо-то у него совсем белое было, и за грудь всё хватается! Вот, переволнуется сейчас, напряжётся, а Кондрашка-то он тут как тут. Щёлк, и нет человека! Это я вам, как врач, говорю... Эхх...

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь...²⁷

— Да замолчите вы! — не выдержал Вигель.

— Я-то замолчу... Может, навсегда. Эх, повеситься, что ли? Как вы думаете?

— Вешайтесь, но только после моего ухода, — зло отозвался Пётр Андреевич.

— Эх, что ты жадно глядишь на дорогу... А ведь какая была баба! Кожа белая, глаза горят... Она меня презирала, а я только ещё больше её любил. Может, не будь она такой гордой хозяйкой, так и не взглянул бы... А тут как приворожила! Я себя презирать тогда стал... Решил ей отомстить. И пошли всякие Малашки, Парашки... Думал, она узнает, скандал устроит, кричать будет, плакать, как всякая баба, требовать... А я уж этим зрелищем потешусь. Так мне слёз её увидеть хотелось. А она даже не пришла. Ничем не выдала себя. Будто ничего между нами и не было, будто чужие. А в книжках-то про это ничегошеньки написано не было. Вот, как заставить сердце замолчать? Как от этой глупой любви избавиться? Я, когда сына своего сегодня увидал, так у меня что-то оборвалось внутри. Подумал, мёртвый он... Вроде и не знали мы, и за попом он, как собачонка, бегал, в Боженьку верил... А Боженька с ним вон как! А так мне горько стало! А в усадьбе с нею глазами встретились... Лежит наш сын раненый, и мы

над ним стоим. И смотрим друг на друга. С ненавистью! И для чего, спрашивается, жизнь прошла? Моя жизнь?! Уеду я отсюда, вот что... Не хочу их всех видеть больше...

Вигель слушал Амелина вполуха, думая о том, куда теперь отправился Немировский, и не сделалось ли ему худо в дороге, как со злорадством предсказал Всеволод Гаврилович...

— Ох-ох-ох, что ж это в доме нашем творится-то... Правильно Ляксей-то Львович сказывает: кара Господня не иначе! Что ни день, то поминки. Молодого-то князя насилу живого принесли — глянуть больно... — всхлипывала кухарка Фоминична, снимая пробы с приготовляемых к обеду блюд. — И зачем я готовлю всё это? Прежде хоть к обеду собирались, а нынче все по своим комнатам сидят, барская пища челяди идёт...

— Что ж в этом плохого? — рассеянно отозвался Жигамонт, наливая уже третью по счёту чашку кофе. — Пусть люди едят. Разве ж жалко?

— Жирно им больно такие кушанья есть. Простым людям и пища простая нужна, не то вон пузо-то развратится от таких угощений, а потом иного не захочет, — буркнула Фоминична. — Вот, вы барин полчаса уж сидите да кофий пьёте. Хоть бы пообедали! Хотите, я вам котлеток подогрею? Или щец?

— Не хочу, Фоминична, я не голоден.

— Эх! Одно слово, баре! — вздохнула кухарка. — Дашка ещё запропала куда-то...

— И куда я не пропала, — Дарья вошла в кухню, вода округлыми бёдрами.

— Ох! Поглядите на неё! Совсем стыд потеряла! — рассердилась Фоминична. — Возьми лучше морсу клюквенного да снеси Родиону Александрычу. Ему теперь кисленького-то хорошо будет.

Георгий Павлович закурил трубку. После разговора с княгиней он никак не мог отделаться от тяжёлого чувства, словно был в чём-то виноват перед нею. Лучше бы и не приезжать сюда вовсе было... Одно только растравление души. А что ж, надо было бросить некогда любимую женщину один на один со всем этим? Даст Бог, скоро всё закончится, и можно будет вернуться в Москву, к своей практике, к спокойной размеренной жизни...

— Дашка, я тебе что сказала!

— Да несу уж, несу!

Перепалка кухарки и горничной едва достигала слуха Жигамонта. Он с тоской подумал о том, что сегодня ему нужно ещё проведать Екатерину Васильевну. А так бы не хотелось вовсе видеть кого-либо. Мысли доктора перенеслись к Амелину. Неужели он, в самом деле, убийца? Возможно, очень возможно... Вспомнить только, что говорил он при первой встрече... А, вообще, все хороши в этом доме, распавшемся задолго до обрушившихся на него несчастий. Распря между всеми членами семьи, распря в душе каждого из них, тайны, годами вынашиваемые обиды — от всего этого сама атмосфера дома должна была напитаться ядом и стать невыносимой.

В коридоре послышались быстрые шаги, и в кухню вошёл Немировский. Старый следователь тяжело дышал, на лбу его блестели крупницы пота, а лицо было очень бледно. Жигамонт поднялся ему навстречу:

— Что случилось, Николай Степанович?

— Доктор, отвечайте скорее, где горничная Дарья?

— Я не знаю...

— Да морс клюквенный она молодому барину понесла! — откликнулась Фоминична.

— Что?! — лицо Немировского исказила гримаса, он приложил руку к груди и прислонился к стене.

— Николай Степанович, что с вами?! — бросился к нему Жигамонт, испугавшись, что Николая Степановича может хватить удар.

— Доктор, бегите скорее туда! Остановите её! Морс будет отравлен... — вымолвил следователь плохо слушающимися губами. — Быстрее, умоляю вас!

— Фоминична, помогите господину Немировскому! — крикнул Георгий Павлович и выбежал из кухни.

Доктор ещё не понимал, что к чему, но он был не из тех, кто тратит время на ненужные разъяснения, когда речь идёт о жизни человека. Перескакивая длинными ногами через три ступеньки, Георгий Павлович вихрем взлетел по лестнице и толкнул дверь в комнату Родиона.

Маша заботливо поддерживала голову молодого князя, а горничная уже протягивала кружку с морсом к его губам. Размышлять было некогда, и доктор Жигамонт одним ударом трости выбил кружку из рук Дарьи. Она со звоном упала на пол и разбилась.

Маша смотрела на Георгия Павловича изумлённо-испуганными глазами, не произнося ни слова.

— Что это с вами, барин? — спросила Дарья.

Сидевшая на стуле кошка соскочила на пол, осторожно подошла к разлившейся жидкости, лизнула несколько раз и через мгновение издохла.

Георгий Павлович промокнул платком лоб. Доктор хотел было закурить свою трубку, но дрожащие руки плохо слушались его, и он вновь убрал её в карман.

Маша поднесла руку к губам и вымолвила:

— Даша, как же это? Так это ты всё?..

По лицу Дарьи скользнула нехорошая усмешка, она выпрямилась и гордо посмотрела на присутствующих:

— Что всё? Что всё?! Мне себя упрекать не в чем! Вы все беленькие, да? Пушистые? А одну нашли чёрную?

Меня?! А, вот, выкусите! Вы все меня чернее! Все до единого!

...Своего родного отца она ненавидела всю сознательную жизнь. Ненавидела за то, что из-за него помутился рассудок матери, за то, что саму её он не желал признавать и даже не отличал от прочей прислуги.

О том, что князь Владимир Олицкий является её отцом, Даша узнала, когда была ещё совсем маленькой. Мать сама рассказала об этом дочери во время очередного припадка. Те припадки были предвестниками тяжёлой болезни, которая вскоре превратила цветущую, красивую молодую женщину в жалкую сумасшедшую. Но к тому времени Даша уже знала всю правду. Евдокия Яковлевна часто сажала дочь на колени и, глядя по русой голове, рассказывала об отце. Ей неважно было, понимает ли её дочь, просто хотелось ещё раз воскресить в памяти навсегда ушедшее счастье.

Мать вышла замуж по указанию своего отца и мужа не любила никогда. Да и как можно было любить его? Этого плешивого, желтушного холуя, с которым противно просто находиться рядом. Сознать, что она не дочь Лыняева, Даше было приятно. Она поглядывала на своего отца, в ту пору красивейшего мужчину, статного, гордого аристократа, и представляла, как было бы чудесно, если бы он признал её. Даша представляла себя на светских балах: вот, она кружит по белой зале в вихре музыки, на ней прекрасное воздушное платье, и все провожают её восхищёнными взглядами. Кто это прелестное создание? — Разве вы не знаете? Это княжна Олицкая! Сколько раз виделась Даше эта сцена, но отец не обращал на неё внимания и совершенно забыл о матери...

Евдокия Яковлевна искала встреч, писала Владимиру Александровичу письма. На одно из них он ответил раздражённой отповедью, в которой, однако, признавал своё отцовство. Это письмо Даша хранила, как самую большую ценность, оно могло стать её пропуском в ту жизнь, о которой она так грезила.

Между тем, Евдокией Яковлевной овладевала тоска. Она часами просиживала неподвижно, плакала, перестала следить за собой.

Однажды мать явилась к князю и стала упрекать его, умолять не оставлять её. Звонкая пощёчина стала ей ответом. Даша видела эту сцену через неплотно прикрытую дверь, и она навсегда врезалась в детскую память. Особенно надменное лицо отца в этот момент. Презрительное и брезгливое его выражение...

С той поры ненависть Даши росла. С ранних лет она научилась лицемерить. Никто бы не заподозрил, какая тёмная бездна таилась в душе этой с виду весёлой, беззаботной и слегка кокетливой девушки, готовой всем услужить.

Даже умная княгиня ничего не подозревала, а её Даша ненавидела едва ли не больше собственного отца. Она единственная знала об утехах Елизаветы Борисовны: семи лет от роду случайно подглядела её встречу с молодым сельским врачом. Повзрослев, Даше ничего не стоило сложить два и два и понять, кто настоящий отец князя Родиона. Этого ангелоподобного юношу она возненавидела тоже. За то, что он, не являясь Олицким, унаследует всё то, что принадлежит по праву ей, настоящей княжне.

Долгие годы Даша следила за обитателями дома Олицких, подслушивала, подглядывала, узнавала их тайны. Она чувствовала, что однажды все эти добытые секреты пригодятся ей для мести, о которой она мечтала. А отомстить Даша хотела всем.

Кто был незапятнан в этом объятom пороком доме? Князя Антон и Владимир, замаравшие свои белые руки невинной кровью? Их старик-отец, покрывший преступление сыновей? Каверзин, помогший ему в этом? Княгиня, облапошившая старого мужа и присвоившая его состояние? Даже на молодых князьях лежала тень этих преступлений! А Маша Каринская? Её Даша возненавидела за то, что она, будучи такой же незаконнорожденной, была признана своим дедом, а Даша так и оставалась горничной. Зависть душила! И ведь надо же, имея такое счастье, эта глупая девчонка всех дичится и даже не выезжает в свет! И за что глупцам счастье?!

Всеволода Гавриловича Даша не любила, но чувствовала, что этот человек много знает и может быть полезным. Она пришла к нему сама, жалуясь на сильные боли в животе, а затем пустила в ход весь свой недурной арсенал молодой соблазнительницы. Впрочем, тут и трудиться не надо было. Доктор был известен в округе, как большой охотник до женского пола. Старухи называли его колдуном:

— Заморочит девку, зачарует, околдует и тащит! А то, глядишь, опоит чем!

Потому молодых девиц старались лечить у местной знахарки, не доверяя учёному лекарю.

— Наука-наука! Девкам подол задирать — вот, вся их наука!

Зато молодые девицы при виде доктора заливались румянцем, робели, словно, в самом деле, привораживал он их. Короткая знакомая Даши, Матрёна рассказывала ей, вздыхая с истомой:

— Как поглядел он на меня, так голова закружилась! Словно околдовал!

Эта слава также внушала любопытство Даше. Амелин вполне оправдал его, хотя околдованной княжна-горничная себя не почувствовала. Слишком

остёр был её ум, слишком на другое направлены желания. Зато доктор увлёкся ею довольно надолго. Даша частенько оставалась у него на ночь, ей разрешено было брать книги, в которых девушка понимала немного, но которые ей чем-то нравились. Может быть, тем, что на страницах их отвергались законы, столь противные ей самой. Это же презрение к нормам нравилось Даше в Амелине. Она даже думала посвятить его в свои планы, но передумала, решив не рисковать.

Однажды вечером Даша поссорилась с Архипом Никодимовичем и убежала из дома. Идти ей было некуда, и она направилась к Амелину. Идти нужно было через лес, но Даша этого не боялась, поскольку вообще мало чего боялась в жизни.

У доктора кто-то был. По голосу Даша угадала, что это князь Антон Александрович. Она притаилась под окном и стала слушать доносившийся разговор. Оба мужчины были сильно нетрезвы и разговаривали громко. Особенно зычен был князь.

То, что услышала Даша той ночью, дало последнюю козырную карту её партии и перевернуло представление об отце. Оказывается, её отец — преступник...

Даша вернулась домой и всю ночь выстраивала план мести Олицким, который всё чётче проступал в её кипящем мозгу. Большого скандала она не желала, рассчитывая унаследовать положенный по праву титул и имение. Значит, нужно было все делать аккуратно, чтобы не возбудить подозрений.

Через несколько дней Даша вновь навестила Амелина. Всё же ей очень хотелось обрести помощника в его лице. Прощупывать почву она стала издалека.

— Послушай, ведь Родион — твой сын, — сказала Даша доктору. — Ты мог бы потребовать от княгини целое состояние за своё молчание!

— Мог бы, — легко согласился Амелин.

— Так потребууй! Ведь как бы тогда зажить можно было! Совсем иначе! По-людски!

— Ты-то тут причём, дурёха?

— Да мне же за тебя обидно! Что ты прозябаешь в этой дыре?! Мужик ты или нет?! Возьми своё! То, на что ты имеешь право!

Всеволод Гаврилович взял её за подбородок и сказал, чеканя каждое слово:

— Это не твоё дело! Знай своё место и не лезь, куда тебя не спрашивают!

— Ах, вот ты как заговорил? Стало быть, ты купчиху нашу любишь до сих пор! Дурак! Какие же вы все дураки! Она об тебя ноги вытирает, а ты!

— Пошла вон!

— Что?!

— Я сказал, пошла вон, — ледяным тоном повторил Амелин.

— Хорошо же! Я уйду! И я добьюсь своего! Я ещё буду в шелках ходить! А ты сопьёшься и сдохнешь, как пёс! Туда тебе и дорога!

Начиная с этого момента, Даша презирала Амелина. Он предал её. Предал ради старой чертовки, княгини Олицкой! Что ж, и ему придётся платить по счетам в свой срок! Все заплатят!

Что нужно непризнанной княжне, имеющей только один сомнительный документ, чтобы получить всё наследство? Избавиться от всех других претендентов. Но вначале нужно было создать нужную атмосферу, запутать и запугать всех. Для этого достаточно оказалось написать несколько записок и разыграть спектакль с привидением.

Использовать в такой игре родную мать было жаль, но что поделать? Она сама виновата! Нашла из-за кого сходить с ума! Пусть хоть поможет дочери добиться справедливости! Если дать прописанных врачом капель

несколько больше, чем положено, то больная впадёт в такое состояние, когда ею замечательно легко управлять. Даша несколько раз проверила это, прежде чем начать свой спектакль.

Отправить на тот свет старого князя ничего не стоило. Бедняга увидел «призрак», и сердце его не выдержало пережитого испуга. Он бы всё равно не прожил долго...

Далее настала очередь Бориса Борисовича. Его нужно было устранить раньше других, чтобы он не успел о чём-либо догадаться. Слишком умён. Да насладиться страхом князя Владимира Александровича было так приятно!

Ещё встречаясь с Амелиным, Даша расспрашивала его о медицине, о пользе и вреде разных лекарств, читала справочники, особое внимание уделяя ядам. Всеволод Гаврилович не отличался педантичностью и аккуратностью, поэтому украсть у него кое-какие снадобья не составило труда.

Убираясь в комнате Бориса Борисовича, Даша подменила принимаемые им пилюли на другие, провоцирующие удар. Каверзин подмены не заметил и за вечер выпил несколько смертельных пилюль, удивляясь, вероятно, что они не помогают...

И, вот, пришла очередь Владимира Александровича. Его убивать Даша не хотела. Она хотела, чтобы он сделал это сам. «Умер от угрызений совести». День выдался дождливый, суматошный. Даша притаилась за кустом и бросила в окно отцу камень с запиской. Здесь же она разбросала несколько окурков, подобранных у Амелина. Ей очень хотелось хоть как-то вмешать его в своё дело...

Гордый князь испугался позора... Даша видела его в первые минуты после смерти. Она смотрела на него, пытаясь уловить в себе хоть каплю жалости, хоть какое-то чувство. Но душа её словно окаменела. В ней

не было ни сожаления, ни радости. Она сделала то, что должна была сделать: отомстила за мать и ещё на шаг приблизилась к своей цели.

— Вот, видите, папа, как всё вышло... Зачем вы отказывались признать меня? Ведь вы могли! Ведь я когда-то вас любила, я восхищалась вами, я мечтала быть похожей на вас и, глядя на своё отражение в зеркале, искала в своём лице ваши черты и радовалась, находя... О, если бы вы знали!

Наконец, чувство появилось. Чувство огорчения, что отец умер, так и не услышав её. Что она так и не сказала ему всего, что накопилось на душе за эти годы.

— Я была вашей единственной дочерью. Плоть от плоти, кровь от крови. Да если бы только у них у всех были глаза, они бы узнали во мне вас! Вы заплатили мне теперь хоть отчасти, потому что выплатить кредит полностью вам бы не удалось. Теперь заплатят остальные...

Князя Антона Даша презирала. Ему не за что было мстить, но он мешал достижению поставленной цели уже тем только, что существовал. Настоящий Олицкий. Наследник. Нужно было расчистить путь.

Антон Александрович сам упростил задачу своего убийства. Злоупотреблять ядом было рискованно, а князь сам давал возможность воспользоваться другим способом. Что может быть естественнее, чем случайный пожар, если человек постоянно пьян, не в себе и не раз уже оказывался в схожих ситуациях, по счастью, благополучно кончавшихся? Закономерный конец. Только пробраться внутрь, развести огонь, закрыть заслон в печи — и дело готово. Просто до гениальности!

Княгиня Елизавета Борисовна... Как хотелось Даше скорее добраться до этой гордой, изображающей безупречность стервы! Лживая тварь! «Даша, подай...», «Даша, принеси...»... О, если бы она могла знать, что скрывается за покорными «сию минуту, барыня»! Но

очередь княгини ещё не пришла. Она должна была стать последней в этом ряду. А прежде нужно избавиться от молодых князей.

Князь Володя, с которым Даша так часто кокетничала, сбежал. Это не входило в её планы, но что ж поделать? Оставался Родион Александрович. Даша знала, что молодой князь не пропускает служб по воскресеньям и ездит в храм верхом. Лошадь его накануне заболела, а, значит, ехать он должен был на коне Владимира. Подсыпать в пищу рысаку «дурман-траву» было легче лёгкого...

Всё почти получилось! Представление разыгрывалось как по нотам! Ещё два шага — и она стала бы княжной Олицкой, единственной наследницей! Каких-то два шага... И надо же было этим московским ищейкам сунуться! Старая дрянь, княгиня Олицкая, она и здесь умудрилась переиграть Дашу! Если бы этот молодой, синеглазый следователь Вигель приехал днём позже... Если бы хитрый старик, его начальник, не раскусил, что к чему... Если бы обходительнейший доктор не вышиб так ловко чашку своей тяжёлой палкой... Если бы! Теперь никогда Даше не танцевать на светских балах, не унаследовать Олиц... Только звенеть кандалами где-то в Сибири... Но никто, никто не отнимет у неё данного правом рождения титула:

— Я княжна Дарья Владимировна Олицкая!

Когда новоявленную княжну увели, Немировский поправил подложенную под спину подушку, понюхал табак и, обращаясь к Вигелю, вздохнул:

— Вот, и скажи мне, дорогой Пётр Андреевич, откуда в этой деревенской девице такая изощрённость ума? Она же просчитала каждый свой ход, как самый опытный преступник!

— Меня больше поражает жестокость, — признался Вигель.

— Жестокость, вообще, свойственна нашему времени, а в этой девице она была посеяна от рождения. Она естественный плод этого дома.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что в доме, где почти каждый преступник в той или иной степени, где царит атмосфера вражды друг к другу, где ложью пронизано всё до основания, рано или поздно должна явиться такая Даша, — ответил Николай Степанович мрачно. — Ведь это же Содом, драгоценный Пётр Андреевич. Посуди сам!

— А как же князь Родион?

— Единый праведник не спасёт дома, а вынужден будет бежать из него.

— По-моему, Николай Степанович, вами владеет мрачное расположение духа. В конце концов, весь мир таков.

— Это тебя обнадеживает? — в голосе Немировского послышалась ирония.

— Нет, пожалуй, огорчает, — подумав, отозвался Вигель.

— То-то же.

— Как вы себя чувствуете, Николай Степанович?

— Прекрасно, — улыбнулся Немировский. — Думаю, что господин Амелин поторопился отправлять меня на тот свет. Бездельника земля не держит, а у нас делов пуды, покуда не отпустят.

— В таком случае, не спуститься ли нам в парк? Сегодня такой тёплый день.

— Пожалуй. К тому же у меня есть к тебе, друг сердечный, разговор...

Близился вечер, и солнце катилось к западу, даря земле свои охлаждающие, по мере этого направления,

алые лучи. Пахло созревающими яблоками. Вигель сорвал одно из них, надкусил и поморщился:

— Кислое...

— Всё, что прежде времени обрывается, оставляет во рту кислоту и горечь. Подождите поры. Скоро уж Спас Яблочный, — сказал Немировский, щуря глаза на солнце. — На севере все плоды так поздно созревают... Иные, пока созреют, уже червь источит. На юге совсем другое дело. Мы с Анной Степановной однажды гостили у её доброй приятельницы в Феодосии. Вот, там фрукты сладчайшие. Да и, вообще, хороший климат там. Тёплый, сухой... Ей-Богу, там бы жить! Вот, выйду в отставку и уеду жить на юг, свои старые кости греть напоследок.

— Ах, Николай Степанович, опять вы об отставке! — огорчился Вигель.

— Всему пора приходит. Я уйду, а ты, глядишь, и место моё займёшь! Тебе я его могу со спокойной душой доверить.

— И слушать не хочу даже.

— Человек не должен цепляться за старое. Впрочем, ты не унывай! — Немировский шутливо хлопнул Вигеля по плечу. — Мне ещё генерала не дали, а уходить на покой не генералом мне несолидно будет!

— В таком случае, пусть бы этот чин дали вам как можно позже! — улыбнулся Пётр Андреевич. — О чём вы хотели говорить со мной?

Николай Степанович посерьёзnel. Он готовился к этому разговору, но всё же не мог подобрать нужных слов, чтобы начать, а потому ответил напрямик:

— Говорить будем об Асе, если ты не против.

— Совсем нет. Я слушаю.

— Она тебе писала, не так ли?

— Откуда вы знаете?

— Видел, как она поспешно спрятала письмо, когда я вошёл. Полно, Пётр Андреевич, мы, когда Москву

покидали, так я уж не сомневался, что она к тебе писать станет. Я не слеп и не безумен, а она не столь искусная лицедейка, чтобы ввести меня в заблуждение. Ася совсем ещё ребёнок. Она жизни не видела. Только читала о ней в книжках да вымечтывала в своей хорошенькой, умной головке. То, что она тобой увлеклась, меня ни в коей мере не удивляет. Ты молод, хорош собой, умён, обходителен... Ты в её представлении почти идеальный герой.

— Николай Степанович...

— Не перебивай. Мы с тобой десять лет работаем плечом к плечу. В моём доме ты принят, как родной. И я, и моя сестра, относимся к тебе соответственно, как к родному для нас человеку. Поэтому говорить будем прямо, как положено между близкими людьми. Как ты относишься к моей крестнице?

— Ася — прекрасная девушка! — с чувством ответил Вигель. — Если бы не её письмо, я, может быть, и не приехал бы сюда...

— Да, замечательное создание... Это понятно. Но ты уходишь от ответа. Прости, Пётр Андреевич, я очень тебя люблю, но и Ася мне дорога. К тому же за неё я чувствую ответственность перед покойным другом, и я не могу смотреть сквозь пальцы на то, что происходит.

— А разве что-то происходит?

— А разве ты не знаешь? — Немировский остановился и посмотрел в лицо Петру Андреевич у. — Она ведь любит тебя, чёрт побери...

— Я знаю, Николай Степанович, — тихо ответил Вигель, опуская голову.

— Не сомневаюсь. А ты?

— Я буду счастлив, если Ася согласится стать моей женой.

На некоторое время повисло молчание. Николая Степанович резким движением руки провёл по волосам, крикнул и заговорил вновь:

— Ты меня, старика, прости, что в душу лезу и напоминаю... Но иначе не могу. Ты ведь до сих пор не забыл ту свою? Ольгу Романовну, если я не ошибаюсь?

— У Ольги Романовны муж, двое детей и положение в обществе. Это история прошлая, — ответил Вигель холодно, но от Немировского не укрылось, как напрягся его голос.

— Это доводы рассудка. А сердце?

— Что вы хотите услышать, Николай Степанович? Что я до сих пор не забыл Ольгу? Да, это так. Я помню её по-прежнему и не забуду никогда, пока жив. И тут уже тоже ничего не попишешь.

— А Ася?

— Вы не хотите, чтобы я был с ней?

— Пётр Андреевич, если б я был ей отцом, то не желал бы лучшего зятя. Но сможешь ли ты сделать её счастливой, если твоё сердце занято? Пойми, я не хочу, чтобы она потом страдала.

— Николай Степанович, я не буду лгать: я никогда не смогу любить Асю так, как любил Ольгу, — твёрдым голосом начал Вигель, — но я клянусь вам всем, что есть у меня святого, что если ваша крестница согласится стать моей женой, я сделаю всё, чтобы она была счастлива, я буду любить её, заботиться о ней так, как только может заботиться самый преданный супруг. Я никогда не дам ей повода для огорчения... Я...

— Довольно, — Немировский поднял руку. — Я слишком хорошо знаю тебя, чтобы не верить твоему слову. Что ж, Бог даст, и сладится.

— Так вы благословляете нас, Николай Степанович?

Глаза старого следователя солнечно заблестели:

— Я буду бесконечно рад, если у вас всё сложится. Ступай к ней, поговори. Решать ведь ей.

Лицо Петра Андреевича осветилось радостью:

— Спасибо, Николай Степанович!

Немировский махнул рукой. Вигель направился к дому. Вначале он шёл ровным шагом, но затем не выдержал и припустился бегом. Николай Степанович рассмеялся, глядя ему вслед:

— Э-эх, черти драповые! Ай-да-ну!

Где-то в глубине сада раздался громкий хлопок, похожий на выстрел. Немировский обернулся и пошёл по аллее в ту сторону, откуда донёсся звук. Давешнее недомогание совсем покинуло его, прежняя лёгкость мысли и движения вернулись, и от этого на душе было светло и ясно. Миновав цветник, от которого весь воздух напитывался тонким ароматом шиповника, Николай Степанович обогнул дом и очутился на просторном лугу с тщательно покошенной травой. На противоположной стороне его было установлено метательное устройство, приводимое в действие стариком-слугой, в котором Немировский тотчас узнал Анфимыча. Конюх запускал механизм, и в небо летела тарелка, после чего раздавался выстрел, и мишень разлеталась на мелкие осколки.

Стрелять изволила сама княгиня Олицкая. Она стояла посреди луга, одетая в простое чёрное платье и сжимала в руках револьвер. Елизавета Борисовна сделала слуге знак, тарелка полетела, и новый выстрел сотряс воздух.

— Добрый вечер княгиня! — окликнул Немировский Олицкую, приближаясь к ней.

— Здравствуйте, Николай Степанович, — отозвалась княгиня. — Вижу, вы поправились. Я рада.

— Благодарю, — улыбнулся следователь. — Я бы, на вашем месте, не стал бы сейчас заниматься стрельбой.

— Почему бы нет?

— Да ведь люди напуганы всем случившимся за последнее время. А тут вдруг выстрелы! Поберегли бы слабые нервы слабых людей.

— Ничего, — княгиня поджала губы, — переживут. У меня привычка успокаивать нервы стрельбой. Вы себе представить не можете, какое это облегчение!

— Очень даже могу.

— Вот как? Вы хороший стрелок?

— Когда-то имелись способности, — скромно ответил Немировский, протягивая руку за пистолетом: — Вы разрешите?

— Сделайте одолжение! — кивнула Олицкая, отдавая револьвер. — Но прежде я хочу попросить у вас извинения.

— За что, помилуйте?

— Я была с вами очень резка. Наговорила несправедливостей. Но вы должны понять, я была в таком состоянии... Ведь и я не железная! Такой безумный день...

— Я понимаю вас, Елизавета Борисовна. И это, право, не стоило извинений.

— Но какова девчонка, а! — княгиня сплеснула руками. — Верно говорят, в тихом омуте черти водятся. Как это могло случиться? Ведь она на моих глазах выросла! С Володей и Родей играла! Не понимаю...

— Кстати, как чувствует себя ваш сын?

— Георгий Павлыч сказал, что опасности нет, но он ещё долго останется в постели... Страшно подумать, что могло бы быть, если бы ваш молодой коллега опоздал хоть на самую малость. Что теперь будет с этой девкой?

Немировский пожал плечами:

— Вероятно, её ожидает бессрочная каторга.

— Вы думаете, она вменяемая? Может быть, это всё следствие их семейной болезни... Безумие!

— Все преступники, в своём роде, сумасшедшие. Может быть, ваша горничная и имеет психическое расстройство, но всё, что она совершила, было сделано ею сознательно. Она ведь во всём призналась.

— И с гордостью... Если эта дрянь распустит свой ядовитый язык и расскажет все тайны нашего дома, это будет ужасный скандал...

— Здесь я бессилён вам помочь. Кстати, вы так и не разжаловали вашего управляющего?

— Нет, — княгиня покачала головой. — И не разжалую.

— Я почему-то так и думал.

— Николай Степанович, все управляющие воры... Этот не хуже других! Но к нему я привыкла, он хорошо исполняет мои поручения. Что ещё мне нужно, в конце концов?

— А Евдокия Яковлевна?

— Я отменила приказание отдать её в бедлам... Мне искренне жаль эту несчастную. Я ведь помню, какой она была, пока не помутился её рассудок. Пусть остаётся. Мне кажется, теперь, когда дочь не усугубляет её безумия в своих целях, она станет спокойнее. Отец Андроник позаботится о ней.

— Отец Андроник?

— Да... Вот уж святая душа. Я понимаю, почему мои люди к нему так тянутся... А, впрочем, что это мы всё разговоры разговариваем? Вы не передумали стрелять?

— Нет, я готов.

Княгиня взмахнула рукой, тарелка взлетела в воздух, Немировский прищурил глаз и выстрелил, мелкие осколки посыпались на землю.

— Bravo, — Елизавета Борисовна уважительно похлопала в ладоши. — Отличный выстрел, поздравляю.

— Есть ещё порох в пороховницах, — улыбнулся Немировский.

— Ваше сиятельство! — раздался сзади пронзительный крик. Со стороны дома бежал, спотыкаясь, Лыняев.

— Господи Боже, что ещё стряслось? — побледнела княгиня.

Архип Никодимович подбежал к княгине и выдохнул:

— Дашка... Дашка повесилась...

Княгиня взглянула на Николая Степановича:

— Нехорошо так говорить, но это к лучшему... Эта девка могла такого наговорить на следствии, что не дай Бог! Ты свободен, Лыняев.

Архип Никодимович, не сказав ни слова, поплёлся к дому.

— Что вы молчите, Николай Степанович?

— Не люблю, когда смерти случаются слишком вовремя.

— А я люблю, когда всё случается в нужное время, — холодно произнесла княгиня. — Надеюсь, вы не подозреваете меня? У меня же самое надёжное алиби: я была с вами.

— Разумеется, княгиня, — Немировский слегка склонил голову. — Однако же, я пойду взгляну, что случилось. Вы не хотите?

— Нет, увольте! Я уж лучше ещё пару тарелок разобью, чем пойду любоваться на удавленницу.

Николай Степанович направился к дому. Всё было тихо. Казалось, что за последнее время люди здесь так привыкли к смертям, что новая ничуть не потрясла их, показавшись естественной и «своевременной».

Следующим утром Дарью должны были отвезти в город и передать в руки властям с тем, чтобы над ней был произведён суд и вынесен приговор. Ночь же она должна была провести в запертом чулане в самой безлюдной части дома. Не подлежало сомнению, что на следствии Дарья рассказала бы всё, что знала о князьях Олицких, не исключая и московской истории. Допустить это значило бы обесчестить фамилию. Немировский не удивился бы, узнав, что княгиня Олицкая для спасения чести семьи и своего сына решилась на крайние меры...

Подходя к дому, Николай Степанович увидел вдалеке быстро удаляющуюся фигуру. Прихрамывающая походка не оставляла сомнений: это был Всеволод Гаврилович Амелин...

У дверей чулана, где была заключена преступница, стоял доктор Жигамонт.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он, увидев Немировского.

— Самоубийство?

— На руках ссадины... Думаю, имела место борьба.

— Значит, убийство. Я так и думал. Эта девица не отказала бы себе в последней радости: опозорить это семейство. Что здесь делал Амелин?

— Амелин? Я его не видел...

— Странно, — Николай Степанович вошёл в чулан. В углу, на топчане лежало покрытое белой простынёй тело. Следователь огляделся и уточнил: — Записки, разумеется, тоже нет?

— Конечно.

Немировский щёлкнул пальцем по крышке тавлинки и вздохнул:

— Идёмте, доктор... Выпьем с вами кофейку.

— Вам бы не следовало теперь кофе пить.

— Хорошо, хорошо. Тогда чаю. Чай вы мне пить не запретите, Георгий Павлыч?

— В разумных количествах.

— Разумность, доктор, везде нужна...

На кухне, вопреки обыкновению, ничего не скворчало и не дымилась. Фоминична сидела за столом и пила с блюдца чай.

— Уйду я из этого дома, — сообщила она вошедшим господам.

— Что так? — полюбопытствовал Немировский.

— Оглашенные все... Нынче, вон, один с крыльца выскочил — едва с ног не сшиб, а у самого морда в крови... Страсть-то какая!

— И кто ж это таков был?

— Да известно кто... Антихрист этот, лекарь наш... Вот, говорила барыне: гнать его надо! Ведь истинный антихрист, прости Господи! Нешто бабка наша с хворостями не совладает! Выскочил! Ишь! Глаза бешеные! Морда в крови! Антихрист, одно слово...

Немировский посмотрел на Жигамонта:

— Ну, вот, и найдены разгадки всех тайн Мадридского двора!

Георгий Павлович нервно передёрнул плечами и закурил трубку. Николай Степанович уселся за стол и с улыбкой обратился к кухарке:

— Пока вы не ушли, дорогая Фоминична, может быть, вы всё-таки не откажете напоить нас с доктором чаем?

— Для хороших господ у меня всегда всё готово, — кивнула Фоминична. — Может, покушать желаете?

— А и то не помешает!

В саду почти стемнело. Ася стояла на пороге беседки в кремовом платье с оборками, и ветер колыхал пряди светлых, слегка вьющихся волос, выбившихся из причёски. Лицо её невозможно было различить в сумраке, но Вигель догадывался, что на нём теперь разлита та милая, радостная улыбка, которая так понравилась ему с первого взгляда.

Они разговаривали уже четверть часа о самых различных предметах, а Пётр Андреевич всё никак не мог подступить к делу, ради которого искал Асю.

— Слышите, соловьи поют? — спросила она мягким, негромким голосом.

— Да, кажется в берёзовой роще... Нынче уж поздняя пора для соловьёв, они поют в мае и в июне.

— Значит, этот солирует специально для нас, — Ася укутала шею тонким шарфом, и Вигель догадался, что ей становится холодно.

— Вы замёрзли, Ася? Позвольте набросить вам на плечи мой пиджак, — произнёс он, подходя к девушке сзади, и укутала её в свой светло-сиреневый чесучовый пиджак.

— Спасибо.

Теперь он стоял прямо перед ней в белой сорочке и жилете, и почти различал черты её лица. Вигель взял Асю за руку — она была холодной — и сказал:

— Мне нужно сказать вам нечто важное...

— Так говорите, — мягко прозвучал ответ в темноте. — Я слушаю вас со всем вниманием.

— Чтобы вы ответили мне, милая Анастасия Григорьевна, если бы мне вдруг взбрело в голову сделать вам предложение?

— Если бы «вдруг» и «взбрело», то отказала бы.

Вигель рассмеялся:

— Bravo! Совершенно справедливо. Ну, а если бы я сказал, что люблю вас?

— Если бы... — протянула Ася. — А вы попробуйте просто сказать, и тогда я вам отвечу.

Пётр Андреевич легко опустился на одно колено и, прижав руку Аси к груди, произнёс:

— Я люблю вас, Анастасия Григорьевна! Составьте счастье моей жизни — выходите за меня замуж!

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь трелями соловья. Затем Вигель почувствовал, как рука Аси опустилась ему на голову, и её подрагивающий голос пропел:

— Вот так — гораздо лучше.

— И каков же ответ?

— Я согласна, — тихо ответила Ася. — Я ведь почти сама напросилась. К тому же, я вас люблю больше, чем вы меня.

— Отчего вы так думаете?

— Я чувствую. Но это совсем неважно. Я в нашу первую встречу загадала, что стану вашей женой. Вот,

видите, сбылось. А, может, вы передумаете? — в голосе Аси послышался шуточный задор. — Возьмите меня в секретари или помощницы. Из меня отличная помощница выйдет!

— Я не против, дорогая Анастасия Григорьевна, чтобы вы стали моей неизменной помощницей, — в тон ей отозвался Вигель. — Но помощница в ранге жены предпочтительнее просто помощницы.

Ася рассмеялась, Пётр Андреевич поднялся и обнял её:

— Венчаться будем в Иверской. Вы затмите красотой всех самых прекрасных невест, и все мне будут завидовать.

— Нет. Все будут завидовать мне!

Вигель поцеловал Асю, и она прошептала:

— Как же я ждала этого момента... Я теперь почти счастлива!

— Почему же только «почти»?

— Потому что священник ещё не объявил нас мужем и женой.

— Вы чудо, Асенька.

— Причём очень любящее вас чудо. Однако уже поздно, и мне не терпится всё рассказать Николаю Степановичу. Уверена, дядя будет очень рад за нас. И тётушка тоже.

— Несомненно!

Ася вернула Вигелю пиджак, вприпрыжку сбежала по лестнице и скрылась во мраке аллей, уходящих к дому. Пётр Андреевич хлопнул в ладоши и неожиданно для себя подпрыгнул, чувствуя огромный прилив сил и радости. Немного успокоившись, он достал из кармана блокнот, открыл страничку, на которой была изображена Ася, и поднёс рисунок к губам.

Тянул и тянул свои хрустальные рулады соловей в дальней роще, и ночная прохлада окутывала сад. Вигель хотел убрать блокнот, но выронил его.

Открылась одна из первых страниц. Поднеся изображение к глазам, Пётр Андреевич вздрогнул. С белого листка смотрела на него крупными, словно иконописными глазами Ольга Романовна. Что-то кольнуло сердце Вигеля при взгляде на портрет некогда столь любимой женщины. Вспомнились их встречи, единственная ночь, проведенная вместе, мечты о венчании... Всё это с такой явственностью воскресло в памяти, точно было лишь вчера.

Пётр Андреевич не удержался, чтобы сравнить свою первую любовь с юной невестой. Нет, совсем не похожи они... Тонкая, печальная, немногословная Ольга, похожая на бесплотное создание не от мира сего, и крепкая, весёлая, говорливая Ася, полная жизни, огня земная женщина. «Лёд и пламень»...

Подумав недолго, Вигель вырвал страничку с портретом Ольги Романовны из блокнота, чиркнул спичкой, посмотрел в последний раз при ярком свете на дорогое лицо и подпалил край бумаги... Листок ярко вспыхнул, почернел и, положенный на каменный бордюр беседки истлел.

— Прощайте, Ольга Романовна, — едва слышно сказал Вигель, и в воцарившейся тишине ему послышался тихий голос Ольги:

— Прощайте, Пётр Андреевич ...

Сердце Аси бешено колотилось. Ей хотелось кричать от радости, смеяться, танцевать. Она бежала к дому, выделывая дорогой замысловатые па, кружась и жалея лишь о том, что не на кого выплеснуть огромную радость, обрушившуюся на неё.

Взлетев по лестнице, у самых дверей комнаты Родиона она столкнулась с выходящей оттуда Машей. Изумлённо поглядев на подругу, та спросила:

— Асенька, что с тобою? Ты вся светишься...

Ася не выдержала и, заключив Машу в объятия, выдохнула, едва сдерживаясь, чтобы не шуметь:

— Я замуж выхожу! Пётр Андреевич только что сделал мне предложение!

— Ах, Боже мой, как я за тебя рада! — с искреннем чувством вымолвила Маша, и Асе даже показалось неудобным быть такой счастливой, когда рядом — несчастье.

— Я сейчас готова наделать самых больших глупостей, какие только можно вообразить! И почему сейчас ночь? Я бы велела заложить коляску и поехала бы кататься... А лучше — верхом! Во мне столько сил сейчас, что хватило бы мир перевернуть!

— Сколько в тебе огня, Ася! Ты появляешься, и сразу хочется верить, что всё будет хорошо.

— Ну, конечно же, будет! — рассмеялась Ася. — А разве может быть иначе? Вот, увидишь: он поправится, и вы будете вместе, и...

— Я уже об «и» не думаю. Лишь бы только поправился.

— Непременно поправится. Он молод, здоров... И доктор Жигамонт надеется на лучшее!

— А я надеюсь на доктора Жигамонта. Он очень добр...

— Да, очень. Но сейчас мне, Машенька, все вокруг кажутся добрыми и хорошими! Всех бы расцеловала! А куда ты шла?

— Родя уснул. Я хотела пожелать спокойной ночи дедушке и сменить платье.

— О, прости, что задержала!

— Доброй ночи, Ася!

— И тебе, Маша!

Девушки расцеловались, и Ася поспешила в комнату крёстного. Николай Степанович ещё не ложился. Облачённый в длинный до пят тёмно-зелёный халат поверх белой сорочки, он сидел за столом и читал

какую-то книгу, делая в ней пометки карандашом и прихлёбывая холодный чай.

Ася скользнула в комнату и обняла Немировского за плечи. Николай Степанович похлопал её по руке и ласково улыбнулся:

— Ну, что, егоза? Я так понимаю, обошлись без сватов? Жаль! Старый-добрый обычай был: «Купец пришёл, нет ли живого товару?»

— Я такая счастливая, дядя...

— Не сомневаюсь, моя красавица. Только ручонки у тебя ледяные, и вся ты замёрзла. Ну-ка, садись на кровать, я тебя пледом укурю, чтобы ты согрелась. Жаль, чай остыл...

Ася послушно села на кровать. Николай Степанович поднялся со стула, закутал крестницу тёплым пледом и сел рядом с ней. Ася склонила голову на плечо Немировского, и тот погладил её по волосам:

— Анна Степановна будет счастлива, когда узнает. Учти, она непременно захочет пышной свадьбы с соблюдением всех традиций, в которых они с Соней истинные профессора. Ещё и сваху знакомую подрядят для этого дела, чтобы уж всё чин-чином было.

— А пусть и так! — улыбнулась Ася. — Пусть все традиции будут... И гостей — полный дом! И чтобы всем весело! А вы моим посажённым отцом будете...

— Непременно. Исполню незакосненно всё, что ты скажешь.

— А что вы читали, дядюшка?

— Языкова... Знаешь, давно не брал в руки. Зачитался. Чудо, как хорошо!

— Все негой сладостной объемлет

Царица сумрака и сна -

Зачем душа моя не дремлет,

Зачем тревожится она?... — начала Ася, зевая.

— Я сам себя не понимаю:

Чего-то жажду, что-то есть,
В чем сердце я разуверю,
Чего ему не перенести.
Опять тоска, опять волнение!
Надолго взор ее очей
Зажег мое воображение
И погасил в груди моей
К любви давнишнее презрение.
Морфей! Слети на Трубадура
Дай мне спасительную ночь,
И богородицу Амура,
И думы тягостные прочь! — продолжил
Немировский негромким, вкрадчивым голосом.

Ася слушала его, и чувствовала, как тепло и покой разливается по телу. Недавняя возбужденность прошла, и теперь девушку клонило в сон. Но как не хотелось подниматься, идти в свою комнату... Ей было уютно сидеть так, укутавшись пледом, положив голову на плечо крестного и слушая его. Так и задремала Ася со счастливой улыбкой на губах, и Николай Степанович пожалел будить её, а лишь улыбнулся и вздохнул негромко:

— Егоза...

Глава 8

Запряжённая парой гнедых коляска подъехала к дому рано утром. Володичка спрыгнул на землю и подал руку своей немного робеющей жене.

Кто-то из дворни тотчас кинулся в дом — докладывать барыне о вновь прибывших.

— Как-то она поглядит на меня? — с опасением спрашивала Надя, пугливо озираясь по сторонам, когда они с Володей шли к кабинету Елизаветы Борисовны.

— Ты не должна бояться её! Не забывай, ты теперь сама — княгиня Олицкая.

— Брось, Володичка. Я всегда буду Надей Даниловой, как меня ни назови.

— И прекрасно! — кивнул Володя. — Потому что именно Надю Данилову я так люблю.

— Отец осердится, что мы не ему первому отдали визит.

— Что ж сделать. Мы и сюда приехали столь рано только из-за несчастья, случившегося с моим другом...

Едва получив телеграмму о болезни Родиона Володя тотчас начал паковать вещи. С самого детства Родя был его самым близким другом, почти братом. Всё время юные князья проводили вместе и, хотя взгляды их с возрастом начали несколько расходиться, но привязанность друг к другу оставалась неизменной. Володя чувствовал себя обязанным быть рядом со своим другом в столь тяжёлый для него период, о чём и заявил жене, немного опасаясь её реакции. Но Надя всецело поддержала его решение:

— Ты нужен своей семье и должен ехать. Я поеду с тобой. Довольно тайн. Они не доводят до добра. Объявим о нашей свадьбе теперь же.

Елизавета Борисовна приняла приехавших молодых в своём кабинете. Володя сразу заметил, что княгиня состарилась за несколько дней, в которые он не видел её. Она похудела, осунулась, но гордая осанка её осталась прежней, и орлиный взгляд чёрных глаз излучал, как всегда, уверенность и силу.

Олицкая сидела за массивным столом, заваленном бумагами, пила мелкими глотками чёрный кофе и грызла грильяж. Рядом, на бархатной подушке с кисточками спал её любимый шпиц, судя по рычанию, воевавший с кем-то во сне.

— А... Возвращение блудного сына... — протянула княгиня, увидев входящих молодых. — Ну, здравствуйте, голубки. Добро пожаловать домой.

Надя присела в реверансе:

— Простите нас, Елизавета Борисовна, что...

— Тебе передо мной извиняться не в чем, — прервала её Олицкая. — Ты перед своими виноватый вид принимай. А Володя — перед своей матерью. Мне же нет причин быть вами недовольной. Ты, мой друг, — она повернулась к Владимиру, — сделал очень мудро, что уехал. А то, чего доброго, и тебе бы на орехи досталось.

— Елизавета Борисовна, мы с Надей обвенчались.

— Знаю. Мне уж донесли из Москвы, — княгиня чуть улыбнулась. — Да расслабьтесь вы, дети... Я не знаю, Володя, что скажет твоя мать, но я рада за тебя, я тебя и твою жену поздравляю. Ты оказался мудрее нас всех. Не стал слушать наших умных суждений, а поступил по сердцу. Хвалю! Поступок хвалю и тебя за него хвалю! И Надежду, само собою. Не всякая девица на такой отчаянный шаг отважится. Будьте же счастливы!

— Спасибо, Елизавета Борисовна! — воскликнула Надя.

— Спасибо! — обрадовался Володя. — А что матушка? Как она?

— Да что же с нею... — княгиня пожала плечами. — Хворают нервами. Доктор Жигамонт рекомендовал ей поехать в Карлсбад, на воды. Я думаю, он прав. Воды, конечно, чушь. Но хоть сменит обстановку, отвлечётся. Только ведь одна она не поедет, поэтому, Володя, подумай: может быть, ты отложишь свою музыку ненадолго, и вы вместе с Надей сопроводите твою матушку. Ей сейчас это очень нужно, поверь моему слову.

Володя посмотрел на жену, ожидая, что скажет она. Надя не сказала ничего, а лишь взглядом дала понять мужу, чтобы он соглашался. «Ангельская душа! Всё понимает!» — с умилением подумал молодой князь и сказал:

— Если матушка не будет против, мы с радостью поедem с нею. Писать музыку я смогу и там. К тому же Надя никогда не была за границей.

— Вот, и славно, — одобрительно кивнула Олицкая.

— Как себя чувствует Родя?

— Молитвами отца Андроника, искусством доктора Жигамонта и заботой Маши поправляется, — княгиня перекрестилась.

— Мы с Надей выехали, как только узнали. Первым поездом.

— Родя будет счастлив вас обоих видеть. Ты поднимись к нему. Я, как видишь, опять тону в работе. Ей-Богу, рабы на плантациях работают меньше моего...

Как, однако, удивительно может измениться жизнь в кратчайшие сроки. Ничего случайного не бывает в ней, во всём таится скрытая мудрость, и надо только верно истолковать и следовать указанному пути...

Родя лежал на высоко поднятых подушках, прикрыв глаза. Иногда перед ними появлялись красные точки, подступала дурнота, но это не мешало стройному ходу мыслей, блуждавших в тяжёлой, ноющей голове.

Никогда ему ещё не думалось столь хорошо, никогда не являлось в мыслях такой ясности, как в эти дни.

Иногда Родя открывал глаза и видел неизменно сидевшую рядом Машу. Какое она чистое и нежное существо! Заботливая, как родная сестра, и даже больше...

Время от времени в комнату наведывалась мать. О, она бы не смогла так сидеть, как Маша, не отлучаясь. Её кипучий и деятельный характер звал её к хозяйственным заботам. Ведь их нельзя оставить: всё мигом разладится, разворуется — разберись потом! Таково было убеждение матери, а потому даже за мелочами она предпочитала следить сама, не давая себе отдыху, как вечно взнузданная лошадь. Глядя на неё, отец Андроник не раз повторял слова Спасителя: «Марфа, Марфа, о многом печёшься ты, а единое потребно...» Родя никогда не судил мать, восхищаясь её трудолюбием, её сильным и независимым характером, и то, что она даже теперь спешила от больного сына к хозяйственным нуждам, казалось ему естественным.

Отец Андроник также всякий день навещал Родиона. На это время Маша уходила, оставляя их наедине. Говорить Роде было тяжело, да и доктор Жигамонт строжайше запрещал напрягаться, потому речь, в основном, вёл отец Андроник. Он говорил негромко, с расстановкой, рассказывал о примерах святой жизни, по памяти приводил отрывки из сочинений святых отцов... О, какая феноменальная память, какой дивный дар проповедника был у этого человека! Неудивительно, что люди издалека приходят на его службы, чувствуя праведность старого священника, веря ему. А простой народ не обманешь в таком деле. Святость сыграть нельзя. На таких-то свечках держится всё, на них бы и равняться...

Вот, если только приведёт Господь поправиться, так тогда же нужно непременно поехать в Оптину. Да к

Сергию Преподобному. Да в Кронштадт, где, сказывают, чудный служит батюшка...

Во время бесед с отцом Андроником крепло в сердце юноши решение, которым пока он ни с кем не делился, яснее виделось будущее и свой дальнейший путь.

Когда священник уходил, возвращалась Маша, и Родион просил её почитать ему из Евангелия...

Так текли дни, похожие друг на друга, пока однажды утром дверь не распахнулась, и на пороге не возник избоченившийся и сияющий улыбкой Володя:

— Здорово, дружище Родион! Бог ты мой, какой же ты белый! Прямо смотреть больно! — в два шага он оказался у постели больного и сев на край её продолжал: — И обнял бы тебя, да боюсь сотрясти чрезмерно. Скажи же хоть слово, а то я решу, что у тебя язык отнялся!

Родя бледно улыбнулся, протянул другу руку, которую тот крепко пожал, и сказал негромко:

— Всё уже в порядке, я скоро встану.

— Вот, так лучше будет! Верно я говорю, Маша?

— Я сейчас чаю принесу, — сказала девушка и скрылась.

— Скромница, — рассмеялся Володя. — Пуглива, аки горная лань!

— Мы очень беспокоились, когда ты так внезапно исчез.

— Знаю, скотина я. Но у меня были серьёзные причины. Я женился, тебе ещё не донесли?

На лице Родиона отобразилось удивление. Он сделал попытку приподняться, но лишь поморщился от резкой боли и остался лежать.

— Что, огорошил я тебя? — спросил Володя, довольный произведённым эффектом.

— Кто же она?

— Дочка купца Данилова. Очаровательная колбасница Надя. Надеюсь, её отец не пустит меня на ветчину за то, что я сорвал её помолвку! А что было делать? Не отдавать же такое сокровище в чужие руки!

— Екатерина Васильевна знает?

— Ещё нет. Маман изволит почивать, и мы решили не будить её. Я отвёл мою вторую половину к Алексею Львовичу, а сам бросился к тебе. Что ты мне скажешь теперь?

— Скажу, что не знаю человека, который умел бы так удивлять, как ты. Поздравляю!

— Мерси! Эх, Родька, жизнь, чёрт возьми, прелестная штука, если вдуматься... Надо только уметь жить и этой жизни радоваться, понимаешь? Я это понял, глядя на отца с матерью. Они радоваться не умели, а потому жили так, словно тяжкий крест несли. А нужно жить легко и просто, не отягощая себя разного рода заумью.

— Как всё просто у тебя, — вздохнул Родион. — Мне бы твоей уверенности и лёгкости.

— Научу! — пообещал Володя. — Вот, встанешь с этого одра, махнём в Европу, развеешься...

— Нет, ничего этого не будет...

— Это почему ещё?

— Я много думал в последние дни...

— Разбитой головой? Хороши мысли! Ты не думай лучше, быстрее встанешь.

— Нет, я многое понял. Прежде я всё метался между Богом и миром... Хотел совместить и то, и другое. А нельзя совмещать, понимаешь? Давеча мне Маша из Евангелия читала. О богатом юноше... Остави всё и гряди по мне... Понимаешь, когда Господь призывает, надо всецело следовать ему, не оборачиваясь и не растрачиваясь на что-то ещё. И эта болезнь мне послана, чтобы я осознал это и ступил на новый путь.

— Ты это сейчас что хочешь сказать? — нахмурился Володя.

— Я в монастырь уйду, — отозвался Родион.

— Ну, и дела... Постой, но нельзя же так сгоряча... Вот, поправишься и тогда решишь. Нельзя же так вдруг!

— Я всё решил. Я не могу и не хочу разрываться.

— Сомневаюсь, что твоя мать одобрит тебя.

— Мне очень жаль огорчать её, но ничего изменить я не могу. Она должна понять.

— Твой отец завещал тебе всё имение...

— Его унаследуете вы с Надей и ваши дети. Я буду только рад этому.

— Блаженный ты, Родька, ей-Богу... А как же Маша?

— Причём здесь Маша?

— Только не говори мне, пожалуйста, что ты не замечаешь того очевидного факта, что она тебя, дурня, любит.

— Я догадывался...

— Нет, вы только посмотрите на него! — воскликнул Володя. — Он догадывался! Да после того, как она выходила тебя, твоя святая обязанность жениться на ней! И почему бы нет? Кто мешает тебе быть простым священником, а не монахом?

— Меня влечёт именно монашеская стезя. Я очень люблю Машу, но только как сестру. Меньше всего я бы хотел причинить ей боль, но что я могу поделать? Обмануть себя и её? Бога-то не обманешь. Судьбу не обманешь. Редко кто может чётко увидеть свой путь, но, увидев, нельзя уже отклоняться. Мне это видение даровано, как же я посмею свернуть?

— Что ж, я в таких делах не советчик... Ты у нас всегда был птицей небесной, а я человек земной. Стало быть, монастырь?

— Если получу благословение, монастырь.

Звон разбившейся посуды прервал разговор двух друзей. Родя приподнял голову, и увидел в дверях Машу, спешно собирающую осколки битой посуды. Владимир бросил на друга выразительный взгляд, но тот лишь вздохнул и отвёл глаза...

Алексей Львович Каринский медленно листал семейный альбом, составляемый им в течение всей жизни. Под потёртым кожаным переплётом была собрана вся его жизнь: письма его и к нему, фотографии, рисунки детей и жены, засушенные цветы и листья, бережно хранимые последней, записки, дневники...

Каждая мелочь пробуждала в старике воспоминания о давно минувших годах, о людях, с которыми сводила жизнь, и которых уже давно не было на свете.

Только что он беседовал с женой Володички. Милая девочка, правда, кажется, не очень образованная. Но откуда бы взяться серьёзному образованию? Её отец, купец, считал его излишним для молодой девушки. Да и для сыновей тоже. Пусть бы дело своё знали, а чужое без нас управят... Но мила. Бель флёр²⁸... И Володю любит. А это самое главное. Недостаток образования — дело поправимое. А, может, и не так нужно оно? Современные девицы, начитавшись умных книг, заняты разной чепухой... Никакой наивности не остаётся в них, одна лишь антитюда²⁹ да аплон³⁰... А, впрочем, откуда ему, Каринскому, знать, каковы нынешние барышни? Когда он видел их в последний раз?

На новой странице альбома Алексей Львович обнаружил открытку с изображением Иоганна Штрауса и программку концерта в Царском Селе. Жена была очарована приезжим музыкантом, некоторое время эта открытка стояла в её комнате на комодe, вставленная в

изящную рамочку. Ах, какие дивные были вечера в Царском! Какая дивная музыка звучала! Се манифик³¹...

Каринский постучал пальцами по столу, вспоминая мотив полюбившегося вальса, и улыбнулся. Вот бы свозить Машеньку в столицу, показать ей места своей молодости... Ведь она так мало видела! Но стар, стар Алексей Львович. Не по летам ему уже такая поездка. Если бы хоть жив был кто-нибудь из старых друзей. Но нет, они давно спят вечным сном...

— Счастлив, кто долго жил и дожил до того,
Что празднует он день рожденья своего
Пред собственным судом и ближних не краснея;
Кто днями, как плодом обильным, тяготeya,
Дать промыслу готов отчёт в прошедшем дне...
³² — вздохнул Каринский, откидываясь на
спинку кресла.

В этот момент в комнату вбежала Маша с раскрасневшимся лицом, по которому Алексей Львович тотчас понял, что случилась какая-то беда.

— Господи, дитя моё, что с тобою? На тебе нет лица!

Маша опустилась перед стариком на колени и, уронив голову, заплакала. Каринский погладил её дрожащей рукой по голове:

— Душечка, Машенька, успокойся ради Христа... Я не могу видеть твоих слёз... Расскажи мне, что случилось? Не молчи! Тебя кто-то обидел?

Маша подняла заплаканное лицо и, не глядя на деда, выдохнула:

— Он решил стать монахом, дедушка... Он оставляет нас... Он меня оставляет!

Алексей Львович промокнул платком лоб, не сразу найдясь, что ответить. Как же это не заметил он, не

догадался... Искал внучке жениха, и не видел, что её сердце уже занято... Бедная девочка!

— Милая моя, ангел мой, я не знаю, что сказать тебе... Я понимаю, что любые утешения тебе сейчас покажутся глупыми и бесполезными... Но ты не должна так казнить себя. Всё проходит в этой жизни. Пройдёт и это. В конце концов, Родя мог погибнуть, но, слава Богу, остался жив. И мы должны быть счастливы уже этим... Он мог покинуть нас навсегда, подумай... А уход в монастырь... Тебе больно, я понимаю. Но это всё же не так страшно. Прими его решение и успокойся.

— Я тоже в монастырь уйду, дедушка...

— Не спеши с решениями, ма афан... Всё перемелется... Успокойся, ангел мой, успокойся... — говорил Алексей Львович и чувствовал, как слёзы катятся по его морщинистым щекам.

Потёртый баул стоял в углу. Амелин окинул опустевшее пространство пристальным взглядом. Кажется, ничего не позабыл. Да и что нужно было? Врачебный ларчик, брульон с нужными записями, смена белья, кое-что из одежды, сапоги новые, мыло, калач, сваренные вкрутую яйца и холодная курица на дорогу, фляга... Прежде большую часть баула занимали книги, заботливо укладываемые на самое дно, но книги были безжалостно сожжены в печи, и теперь баул казался непривычно лёгким и пустым.

В комнату на цыпочках вошла Малаша:

— Что же, Всеволод Гаврилович, уезжаете от нас?

— Уезжаю, Меланья, — сухо откликнулся Амелин, ковыряя в зубах жёлтой зубочисткой.

— На кого же вы это больных оставляете?

— Гришка сперва за меня останется. Он малый способный, я его обучил кой-чему. Готовый фельдшер. А там, гляди, их сиятельство другого доктора найдут.

— Куда же вы это поедете? — спросила Малаша, утирая снятым с головы платком глаза.

— А чёрт знает! К чёртовой матери...

— Что же вы это говорите... Грех! — девушка перекрестилась.

— Слушай, Меланья, уйди ты с глаз моих долой! — обозлился Амелин. — Надоели мне твои причитания! Хочешь, пойдёшь в церковь свечку за меня поставь! Только отстань!

— Злой вы, Всеволод Гаврилович. Доброго пути вам. Не взыщите на нашу безграмотность... А свечку я за вас поставлю и молиться буду, хоть вы и не веруете.

— За упокой сразу поставь! — вскрикнул Амелин. — Чтоб мне не мучиться! Ступай же ты, наконец, к чёрту!

Малаша вздохнула и ушла.

Вот ещё не видели... Девчонка сопливая, а уж глядит так, точно всё знает, как на больного... И ведь дома-то ей житья не будет, по щекам всякий день хлещут за то, что опозорила, а в ноги не бросится, чтоб взял её с собою, раз уж девичьей чести лишил. Не ревет даже... А, главное, что за народ бабы — ничего-то втайне сохранить не могут! Прислуживала она Всеволоду Гавриловичу, получала за это свою копеечку, и ладно: для чего ж было выносить, что не только прислуживала, а ещё и жила с ним? Причём своею охотой жила! А вид такой стала делать, будто бы в жертву принесла себя, точно неволил её Амелин... Молиться будет! Чума бубонная! О себе помолись! Дура деревенская...

Не успела Меланья уйти, как на смену ей явилась бледная, в тёмном платке, Варвара.

— Что ты жадно глядишь на дорогу... Что ж за день сегодня такой?! Все сговорились навестить меня?

— Сын наш захворал, Володя, — тихо вымолвила Варвара.

— Наш? — Амелин изобразил удивление. — А я думал твой с покойником-мужем.

— Ты мужа моего не трожь! Не тебе чета был! Настоящий человек!

— Вот как? Что ж ты, милая, тогда от него, от настоящего, ко мне бегала?

— Дьявол ты, вот что!

— У всякой кошки завсегда кот виноват, дело известное.

— Ты сына моего посмотришь? Хворый он!

— И что ж с того? Я практику свою завершил и точка. Считаю, что меня уже нет! Ступай, вон, к бабке Степаниде, этой ведьме брудастой! Авось, вылечит! Или к Гришке!

— Гришке твоему коновалом быть, а не людей лечить!

— А с наших людей и коновала будет!

Варвара занесла над головой сжатые в кулаки дрожащие руки и простонала:

— Будь ты проклят, окаянный! Куда бы ни пошёл, где бы ни был, проклятье моё за тобой идти будет! — с этими словами она опрометью выбежала из дома лекаря.

Амелин развернулся на сто восемьдесят градусов, присвистнул и хлопнул в ладоши:

— Отлично-с! Одна молиться будет, другая прокляла! Вот и довольно же! Уезжать прочь немедленно, пока ещё кого-нибудь холера не принесла. Ишь, курвы... Расходились!

Всеволод Гаврилович взял баул, сделал несколько шагов к двери и застыл в удивлении, увидев на пороге княгиню Олицкую, опершуюся обеими руками о дверной косяк и смотревшую на него как-то странно исподлобья угольками своих зорких глаз.

— Ваше сиятельство? Не ожидал. Проститься приехали?

— Да нет... — помедлив, ответила княгиня, сложив губы в трубочку. — Я вопрос тебе задать приехала.

— Слушаю вас.

— Ты Дашку пришиб?

— Нет, это вы сделали, ваше сиятельство.

— Хм, — Елизавета Борисовна усмехнулась и покрутила в руке хлыст. — Может быть, я бы это и сделала, чтобы она, дрянь, грязью наше имя не поливала. Да ты меня от греха избавил. Спасибо. Я, собственно, поблагодарить тебя пришла.

Амелин лязгнул зубами, приблизился к Олицкой и поклонился:

— Не за что, ваше сиятельство! Всегда услужить рады!

— Паяц ты, Амелин... Паяцем был, паяцем и помрёшь. К чему ж ты её, а? Тебе-то она чем помешала? Щёку-то она тебе, видно, расцарапала...

— Исключительно за честь вашего имени ратую. Я так понимаю, что теперь Родя единственный наследник? Приятно мне, нищему разночинцу, что мой единокровный отпрыск владетельным князем станет.

— Не станет, — резко ответила княгиня, войдя в комнату и тяжело опустившись на стул.

— То есть как?

— Родя в монахи податься решил. От наследства отказывается в пользу Владимира. Сказал, что раз Бог сохранил ему жизнь, то вся она будет посвящена Ему.

— Дурак! — в сердцах выпалил Амелин. — О, знаю я, чьи это фокусы! Святоша постарался! Совратил-таки этот мерзкий поп молокососа в свою синагогу! Ты-то куда смотрела?! Все мне за пропаганду пеняла! А, вот, от чьих проповедей зло-то настоящее!

— Правда, от твоей пропаганды толку нет. Ты в неё не веришь сам, потому она и к сердцу не льнёт.

— Стало быть, Лиза, ты намерена этак всё оставить? Дать ему уйти к этим грязным скотам?!

— Эх, Амелин, Амелин, сколько же в тебе желчи... Препятствовать ему я не стану. Слишком много, как оказалось, грехов в нашем доме. Может, Родя-то отмолит их...

— Тоже святую из себя корчишь? — зло бросил Всеволод Гаврилович. — А ведь сама только что призналась, что Дашку убить была готова.

— Полно тебе, Амелин, — махнула рукой княгиня. — Сядь лучше, посидим на дорожку в последний раз по русскому обычаю. Наверное, не свидимся больше.

Амелин пододвинул лавку и сел рядом с княгиней. Ему многое хотелось сказать ей, но он молчал.

Дарью Всеволод Гаврилович возненавидел за то, что эта малограмотная горничная посмела с таким презрением говорить с ним, учить его, смотреть свысока. Лишь от одной женщины на свете он мог снести такое отношение, но ею была княгиня Олицкая, великолепная, царственная, наделённая большим умом. Но никак ни от этой непризнанной княжны.

О том, что происходящие в доме преступления дело рук Дарьи, Амелин смутно начал догадываться после самоубийства Владимира Александровича. Вспомнились клятвенные угрозы горничной... Да и чего нельзя ждать от дочери преступника и сумасшедшей?

После смерти князя Антона, Всеволод Гаврилович отыскал горничную и, прижав в укромном углу, пригрозил:

— Вот что, тварь, я всё знаю...

— И что? — наглая ухмылка в ответ. — Давай, пойдёшь к ней! Расскажи! Окажи ей эту услугу! Может, она тебя, наконец, оценит! Эх, ты, социалист! Что, сладок хлеб княжеский?

— Нет, не пойду, — сквозь зубы процедил Амелин. — Но предупреждаю, если ты тронешь моего сына...

— Отцовские чувства проснулись? Экое диво!

— Если ты его тронешь, я всё расскажу московскому следователю, и ты отправишься в Сибирь в кандалах! Поняла?!

Ему казалось, что этот веский аргумент должен потрясти и испугать горничную, но та лишь расхохоталась в ответ:

— Давай, донеси на меня! А уж я на следствие все ваши тайны выложу! И лучше тогда твоему сыну будет сломать шею, чем такого позора нахлебаться!

Всеволод Гаврилович смотрел на хохочущее лицо Дарьи и не находил слов. Это была не женщина, а змея, змея, которую нужно раздавить, пока она всех не отравила своим ядом.

— Ничтожество! — продолжала она, трясясь, словно в нервическом припадке. — Вот, стану здесь хозяйкой, узнаешь меня! Холоп... И по Владимирской дорожке не я, а ты пойдёшь!

Амелин зажал горничной рот и прошипел:

— Запомни, если тронешь его, я тебя убью.

— А рука не дрогнет?

— Моя рука — не дрогнет. Я двадцать лет животы вспарываю.

Но она всё-таки не испугалась угрозы... Более того, эта хитрая бестия, оказывается, устроила всё так, что подозрения пали на него, Амелина. Всеволод Гаврилович был вне себя.

Своё слово он держал всегда. Позволить этой обезумевшей змее наслаждаться разбрызгиванием яда на следствии Амелин не желал. Это уже было дело принципа. Незачем ждать, пока эти следователи и судьи определяют преступнице кару, он покарает её раньше.

Дом Олицких Всеволод Гаврилович знал, как свои пять пальцев, и чулан, в котором была заперта Дарья, нашёл легко. Её даже не охраняли, а замок, висевший снаружи, легко было открыть, имея некоторый опыт.

Впрочем, может, всё это сделано было нарочно? Может, её сиятельство готовилась сама покарать преступницу, чтобы спасти от позора своё имя?

Амелин скользнул в чулан, пряча за спиной смоченный эфиром платок. Увидев его, Дарья вскочила на ноги.

— Что, тварь, не ждала меня в гости? — хрипло спросил Всеволод Гаврилович. — А я ведь по твою душу пришёл.

— Уйди прочь! В острог угодишь!

— Ничего, не угожу! А слово я держать привык. Что же ты, Даша, меня не послушалась? Старших слушать надо! — шипел Амелин, надвигаясь на горничную и чувствуя удовольствие от испуга, искажившего её лицо. Она отпрянула, затем бросилась на него, как разъярённая тигрица и расцарапала щёку. Амелин крепко схватил её и зажал рот и нос приготовленным платком. Когда Дарья лишилась чувств, Всеволод Гаврилович достал из кармана шнурок, повесил его на крюк — имитировать самоубийство оказалось не так сложно.

Правда, самоубийству горничной никто не поверил. Амелин ожидал ареста, но за ним отчего-то не приходили. По ночам ему стал сниться тёмный чулан и убитая им женщина. Тогда Всеволод Гаврилович решил уехать. Как можно дальше. Прочь от этого проклятого места.

Теперь же Амелин искоса смотрел на княгиню, на свою Лизу, а она глядела куда-то в сторону, крутя в затянутых в чёрные перчатки руках всегдашний хлыст. Они молчали уже дольше пяти минут. Наконец, Олицкая сказала, не поворачивая головы:

— Мне тебя не хватать будет...

— Неужели, ваше сиятельство?

— Чтобы ты ни думал обо мне, Амелин, а тогда, двадцать лет назад, я тебя, в самом деле, любила, —

княгиня покачала головой. — Ты тогда такой молодой был, горячий. И песни пел...

— Да и ты, Лиза, моложе была.

— Твоя правда.

— А что, Лиза, не хватит, небось, духу тебе бросить всю эту синагогу да и укатить со мной, как мы когда-то думали?

— Не хватит, Амелин. Хозяйство — моя каторга. Кабала моя. Но без этой кабалы я уже не смогу. А без тебя я привыкла.

Всеволод Гаврилович поднялся, взял баул и надел шляпу:

— Раз так, тогда прощайте, ваше сиятельство. Цветите дальше!

Елизавета Борисовна встала и в первый раз посмотрела на Амелина прямо, не отводя глаз.

— Прощай, Амелин. Не поминай лихом, — сказала она, протягивая руку.

Всеволод Гаврилович кашлянул, помялся, пожал протянутую руку:

— Сына береги. И себя тоже. Прощай!

Свой дом он покинул почти бегом, чувствуя устремлённый вслед себе взгляд княгини. Чёрт возьми, откуда же такая власть у этой бабы? Ещё бы чуть-чуть, и каяться бы перед нею начал! Права была Дашка: растепель, как есть растепель! Сущяя размазня! Ничтожество! Перед бабой так рассиропиться! А ещё социализм проповедовать хотел. Ну, всё, теперь — всё! Сейчас в город, на вокзал, а оттуда... К чёрту на кулички, не важно. Только прежде надо ещё одно дело закончить. И противное же дело! Но ничего не попишешь, надо. Покойнику обещал... Да и дело-то — плёвое. Только что противное...

Амелин тряхнул головой и бодро пошагал по разбитой дороге. Сзади послышался скрип колёс. Он обернулся и увидел отъезжающую в противоположном

направлении коляску княгини, которой правила она сама, гордая, прямая, независимая...

— От пламени страстей, нечистых и жестоких,
От злобных помыслов и лживой суеты
Не исцелит нас жар порывов одиноких,
Не унесет побег тоскующей мечты,
Не среди житейской мертвенной пустыни,
Не на распутье праздных дум и слов
Найти нам путь к утраченной святыне,
Напасть на след потерянных богов... — пел
мелодичный женский голос под аккомпанемент
рояля. Жигамонт остановился у дверей
гостиной и осторожно заглянул внутрь.

На рояле играл князь Володя, а пела, к удивлению
доктора, племянница Николая Степановича. Этот
импровизированный концерт слушали Надя и Пётр
Андреевич.

— Не нужно их! В безмерной благостыне
Наш Бог земли своей не покидал
И всем единый путь от низменной гордыни
К смиренной высоте открыл и указал.
И не колеблются Сионские твердыни,
Саронских пышных роз не меркнет красота,
И над живой водой, в таинственной долине,
Святая лилия нетленна и чиста.³³

Раздались аплодисменты.

— Ася, у вас прелестный голос! — воскликнул
Володя, вскакивая.

— Это просто романс очень красивый, — улыбнулась Ася. — Жаль, что у меня не было времени разучить ваших романсов. Пожалуйста, подарите мне партитуры — я разучу их в Москве.

— О, с превеликим удовольствием! — кивнул молодой князь. — Жаль, что вы уже уезжаете.

— Ничего не поделаешь, — развёл руками Вигель. — Мне необходимо возвращаться к службе. Но, когда вы с Надей будете в Москве, наши двери всегда для вас будут открыты.

— Да-да, вы непременно навестите нас, — сказала Ася.

— Ваши гости, — улыбнулся Володя. — Увы, на вашу свадьбу мы не сможем приехать. Матушка больна, и мы, как только выправим документы, отбудем в Карлсбад.

— Приезжайте после. Мы всегда будем вам рады.

— Всенепременно! А на вашу свадьбу я напишу какой-нибудь музыкальный экспромт! Соло для скрипки! Кстати, и вы не забывайте нас! Приезжайте когда-нибудь.

И когда-то успели сдружиться эти молодые люди, искренне заверяющие теперь друг друга в вечной преданности и радующиеся жизни, несмотря на то, что столько горя только-только обрушилось на этот дом? В молодости всё кажется легче и проще... Молодость! Прекрасное время! Правда, много появилось молодых, но больных нервами, страдающих разными расстройствами — уж кому, как не врачу знать об этом? Но эти четверо, кажется, вполне крепки и здоровы телом и духом, и оттого так отрадно смотреть на них...

Кто-то тронул Жигамонта за рукав. Он обернулся и увидел княгиню Олицкую.

— Как хороши эти молодые люди, не правда ли, милый Жорж? — спросила она, точно читая мысли доктора. — Неужели и мы были такими?

— Должно быть, были когда-то, княгиня, — отозвался Георгий Павлович.

— До вашего отъезда ещё более получаса. Прогуляемся по саду напоследях? Нам есть, о чём поговорить...

День выдался прохладным, и княгиня куталась в накидку из тонкой шерсти искусной вязки. Со множества клумб смотрели яркие шары роз, георгин и каких-то иных цветов, названий которых доктор не знал.

— Вот, вы уедете, милый Жорж, и этот дом совсем опустеет, — вздохнула Олицкая, срывая крупную белую розу и вдыхая её аромат.

— Отчего же совсем? Владимир с молодой женой будут жить с вами.

— Они скоро тоже уедут.

— Да, я знаю. В Карлсбад. Но они вернуться.

— Нет, милый доктор, — покачала головой княгиня. — Они не вернуться. Для Кати будет тяжело жить в этом доме. А Володя хочет посвятить жизнь музыке. А для этого ему нужно жить не здесь... Во всяком случае, первое время. Жорж, чтобы осесть в деревне и жить в ней спокойно, человеку прежде много погулять надо, поездить... Думаете, в Европу они зачем рвутся? Из-за красот? Из-за моды? Нет, для усталости. Вот, устанут от пышности Европ и блеска столиц, и родным и прекрасным покажется им наше захолустье. Только когда это будет? Они уедут, Родя уйдёт в монастырь, и останутся со мною лишь дядя Алексей, Маша и мерзавец Лыняев... Дядя стар... Ах, милый Жорж, вы понимаете, что моя жизнь рушится? Сыновья моего мужа были всегда ко мне враждебны, мы жили на ножах, и были моменты, что и сулила я им в сердцах про себя всякого лиха, как и они мне, но, вот, их нет, и мне страшно. Когда я представляю себе, что уже

сегодня вечером я войду в столовую, сяду за стол, и никого за ним не будет, меня охватывает ужас...

— В таком случае, может, и вам стоит сменить обстановку, уехать куда-нибудь, развеяться? Погостить у кого-нибудь? Есть же у вас друзья...

— Да какие у меня друзья! — вздохнула Елизавета Борисовна. — Никого у меня нет... К тому же я не могу оставить хозяйства. Мы давеча виделись с Арсением Григорьевичем, с Надиным отцом... Кто бы мог подумать, что роднёй станем! Он человек суровый, так я его сюда пригласила, чтобы уж породниться и всякие вопросы утрясти. Хотим мы с ним маслобойню наладить, а там может и фабрику какую. Ведь столько же можно доброго сделать, когда с умом взяться! Столько богатства у нас, а мы мимо проходим. Немцы бы чего уж натворили! А нам вроде незачем, катится всё само собою, а нам шевельнуться лень.

Жигамонт заметил, как заблестели глаза княгини, стоило ей оседлать своего любимого конька. Нет, эта женщина не пропадёт. Она боец, у неё есть идея, есть дело, в которое она верит, и это будет держать её. Но Олицкая вдруг снова помрачнела:

— Вот, думаю только, добро: потружусь я ещё лет десять, пусть двадцать даже (в моём роду все долго живут), а ведь всё одно помирать, и куда всё? Разве Арсения Григорьевича дети возьмутся. Или же Володины подрастут да хозяйствовать надумают...

Елизавета Борисовна запрокинула голову, посмотрела на ясное в редких облаках небо:

— Милый доктор, а всё-таки страшно стареть... Я намедни представила себе свою старость. Пустой дом, старуха, сидящая за расходными книгами, уже ослабевшая умом, памятью и здоровьем, а потому не успевающая за всем следить, мерзавец-управляющий, пользующийся этим и ворующий... И, вот, хозяйство

начинает разваливаться вслед за хозяйкой, которая этого не замечает... Жуткая картина, не правда ли?

— Не нравится мне ваше расположение духа, — очень серьёзно сказал Жигамонт.

— А уж мне как не нравится! — усмехнулась княгиня. — Никогда ещё мне так тяжело не было. Всё бодрилась... Вот, если бы вы могли остаться, милый Жорж...

Доктор вздрогнул, поправил галстук:

— Вы же знаете, Елизавета Борисовна, что я не могу оставить свою практику, своих пациентов.

— Тех, что лечатся, по вашему выражению, от скуки? — спросила Олицкая. — Я думаю, они прекрасно обошлись бы без вас. Но простите меня! Это уж я сдуру сказала вам. Я понимаю, что ваша жизнь — в Москве, что вы не можете изменить её из-за того, что на меня напала такая причуда. Но, по крайней мере, милый Жорж, навещайте хотя бы иногда вашу Лизхен. Помните, вы меня так иногда называли в письмах, в Карлсбаде?

— Я буду приезжать к вам так часто, как только позволят мне мои обстоятельства, и писать гораздо чаще, чем прежде, — пообещал Жигамонт, крепко пожимая руку княгини.

— Пишите, милый доктор, пишите чаще. Все ваши письма у меня хранятся в большом резном ларчике, я их иногда перечитываю и представляю вас... Как вы живёте в Москве, как работаете, как посещаете театры... И мне кажется, что вы где-то совсем близко.

— А вы приезжайте по весне в Москву, — сказал Георгий Павлович. — Я отменю ради такого случая все дела, и посвящу освободившееся время целиком вам.

— Может, я и воспользуюсь вашим приглашением. В конце концов, что страшного случится от моего отсутствия? Ну, украдут чуть больше, чем положено: разве это так важно...

Полчаса пролетели незаметно, и неизвестно, сколько бы ещё продлился этот разговор, если бы не появление Николая Степановича.

— Прошу меня извинить, — сказал он, — но поезд вряд ли согласится ожидать нас. Лошади поданы, и мы все ждём только вас, Георгий Павлыч.

— Это я задержала доктора, — улыбнулась Елизавета Борисовна. — В самом деле, уже так много времени. Пора, пора...

У парадного подъезда дома стояла запряжённая тройкой гнедых коней просторная коляска на четыре места. На козлах сидел согбенный старик Анфимыч. Лошади потряхивали ушами и переступали копытами, ожидая отправки в путь.

Пётр Андреевич облокотился на открытую дверцу коляски и о чём-то толковал с Володей, по обыкновению, не могущим стоять на одном месте, и от того пританцовывающим и оживлённо жестикулирующим. Казалось, что этот молодой человек всегда слышит внутри себя какую-то музыку. Тут же была и жена его, скромно державшаяся в стороне.

Проводить гостей спустился и сам Алексей Львович Каринский с внучкой. Маша тотчас же подошла к Асе, и, взявшись за руки, девушки принялись оживлённо обсуждать что-то.

Алексей Львович щурил на солнце обрамлённые густой сетью морщин прозрачные стариковские глаза и чему-то улыбался.

— О, даже вы здесь, дядюшка! — сказала ему княгиня. — Осторожнее, нынче прохладно.

— Так ведь я только проститься, а потом снова вернусь в дом, — отозвался старик. — Хочу сделать кое-какие записи...

Георгий Павлович приблизился к Каринскому:

— Мне жаль, Алексей Львович, что так мало удалось провести времени в вашем обществе.

— Не ву деранже па, мон ами³⁴, я непременно вышлю вам экземпляр моих записок с дарственной надписью, если только Господь сподобит меня окончить их. Машеньке сейчас не до того, поэтому работа замедлилась... Пур фий³⁵... Она так огорчена всем случившимся! А я ничего не могу сделать для неё. Но пардон, я вас задерживаю. До свидания, любезный Георгий Павлыч. Бон шанс э бон вояж³⁶!

— Большое спасибо, — Жигамонт поклонился Каринскому, затем простился с княгиней и другими членами семьи и сел на переднее сидение коляски рядом с уже занявшим своё место Немировским.

— Ты пиши мне, шер капин³⁷, — говорила, между тем, Ася Маше. — Я, как приеду, так и за письмо тебе засяду. Я письма писать очень люблю. И приезжай к нам! Чудо было бы, если б ты выбралась ко мне на свадьбу...

— Я не смогу оставить Родиона и дядюшку.

— Я понимаю. Но всё-таки приезжай когда-нибудь, милая моя! Я так тебе буду рада, что и сказать нельзя!

Обе девушки прослезились, крепко обнялись и расцеловались, и Вигель помог невесте подняться в экипаж, после чего вскочил в него сам и захлопнул дверцу.

— Ну, в добрый путь! — слышался громкий голос княгини.

— С Богом, — откликнулся Немировский.

Кучер тронул поводья, и коляска покатила. Жигамонт видел, как Алексей Львович обнял внучку и шепнул ей что-то, а она, промокнув платком глаза, махнула вслед отъезжающим. Ася помахала ей в ответ рукой.

Княгиня сделала несколько шагов вслед за коляской. Прочие провожающие стали расходиться, а она всё стояла на дороге, и великой одиночеством веяло

от её высокой, прямой, облачённой в траур фигуры. Внезапно Георгий Павлович увидел, как Олицкая поднесла к глазам платок. Сердце доктора сжалось, словно вся боль Елизаветы Борисовны в этот миг передалась ему. Если бы он мог забрать её всю себе!

Наконец, и княгиня повернулась и побрела к дому, и впервые в её фигуре не было всегдашней величественной прямоты, но появилась какая-то надломленность, словно придавило неподъёмной кладью эту гордую женщину.

Жигамонт закусил губу. Коляска повернула, и вскоре усадьба исчезла из виду.

— Вам грустно, доктор? — негромко спросил Немировский.

— Да, Николай Степанович. Вся эта история оставила в моей душе тяжёлый осадок.

— Она справится, Георгий Павлыч.

— Кто?

— Княгиня. Стиснет зубы, выпрямится и снова возьмётся за дело с прежней хваткой.

— Ля фам форт³⁸, — задумчиво произнесла Ася. — И всё-таки мне жаль её. А ещё больше Машу. Если все Олицкие в какой-то степени расплачивались за свои грехи, то за что платит она?

— Вероятно, за любовь, — откликнулся Вигель.

Ася положила голову ему на плечо и вздохнула:

— Почему за неё надо платить?..

Лошади бежали всё быстрее, и, вот, уже стремительно проносились мимо перелески, сёла, золотистые поля, на которых мужики уже начинали убирать урожай.

Немировский скрестил руки на груди, прикрыл глаза и промолвил:

— Эх, грехи наши тяжкие... Вот оно: ели халву, да горько во рту...

Эпилог

— Господи, упокой души грешных раб Твоих Феодора и Агафьи...

Тускло поблёскивали синенькие, красные и зелёные лампадки под тёмными сводами старого храма, слабо освещаемого дневным светом, проникающим сквозь узкие прорези окон. Высоко-высоко каким-то дивным живописцем, не оставившим имени своего благодарным потомкам, изображена была сцена Страшного Суда. Отвратительный змей низвергается в огненное озеро, а вслед за ним обезумевшие от ужаса грешники, подталкиваемые вездесущими бесами, и белые ангелы с мечами сходят на землю, очищая её, и разламывается земля, и из открывшихся могил поднимаются воскресшие праведники, а над всем этим восседает на престоле Судия, по правую руку которого становятся верные Ему, а по левую разверзается бездна для отпавших...

Всякий день становился отец Андроник на колени перед распятым, терпя мучительную боль опухших ног, и долго-долго клал земные поклоны, так что измождённое лицо его покрывалось потом.

Некогда мать его, терявшая одного за другим детей и уже почти отчаявшаяся дать продолжение роду, забеременев вновь, обещала ребёнка Богу. Родившийся мальчик был наречён Кузьмой. Он рос тихим и богобоязненным, радуя престарелых родителей кротостью и прилежанием во всём. Рано осиротев, Кузьма должен был удалиться в монастырь, исполнив тем самым обет, данный матерью, но на пути его встретила прелестная девушка Агаша. Агаша была очень бедна, отец её был плотник и погиб, упав с большой высоты, а мать умирала от чахотки. Страшно

было подумать, что ждало несчастную девушку в скором будущем: они либо умерла бы, либо пошла по стезе девиц известного рода и погубила бы себя. Допустить этого Кузьма не мог. Он всей душой полюбил Агашу и ради неё презрел материнский обет. Женившись, Палицын открыл лавку церковной утвари, приносившую небольшой, но постоянный и достаточный для скромной жизни доход.

Через некоторое время Агаша родила сына, названного Фёдором. Мальчик был очень похож на отца, только послабее, часто хворал, печалился. Родители постоянно боялись за единственного сына, словно предчувствуя, что он рано уйдёт от них... К тому же Палицын страшился, что Господь прогневаётся на него за нарушенный обет, а потому днём и ночью отмаливал свой грех.

И, вот, Федя влюбился. И снова Кузьма Григорьевич видел большое сходство этой любви со своею собственной. Как и его Агаша, Аннушка, швея из мастерской фрау Ульбрехт, была крайне бедна и несла тяжкую сиротскую долю. Федя не чаял в девушке души. Каково же было потрясение, когда в одно роковое утро к Палицыным заявили полицейские и арестовали Фёдора по обвинению в убийстве Аннушки.

После ареста Кузьма Григорьевич виделся с сыном в тюрьме. Он смотрел на сломленного, исхудавшего Федю, так похожего на него самого, и содрогался. Несчастье сокрушило Фёдора, казалось, что и сам рассудок его помутился. То и дело он начинал плакать, вспоминая сою Аннушку, потом истово молился и клялся, что он не виновен...

— Батюшка, батюшка, вы мне верите? Я не убивал Аннушку! Я её люблю... И она не такая! Они лгут! Они клеветают на неё! Как они смеют? Она была чистая, невинная... Батюшка, скажите им, чтобы они не смели лгать о ней...

Не так страшно было для Фёдора то, что его обвиняли в убийстве, как то, что его невесту объявляли девицей лёгкого поведения, одной из красоток фрау Ульбрехт. И на следствии Федя почти не защищал себя, а требовал не лгать об Аннушке, чем ещё больше укреплял подозрения в свой адрес.

В невинности сына Палицын не сомневался. Он слишком хорошо знал своего мальчика, ласкового, по выражению матери, «аки телок». Сердце Кузьмы Григорьевича разрывалось, во всём случившемся он обвинял себя, видя в своём горе кару за неисполненный обет...

Но за что же Федю? Если виноват сам Палицын, так пусть бы поразило его какой-нибудь страшной болезнью! С каким смирением, благодарностью и радостью он принял бы её! Первый раз в своей жизни Кузьма Григорьевич возроптал на Бога, усомнился в справедливости его и пошатнулся в своей вере. Много раз перечитывал он историю многострадального Иова, ища обрести в ней наставление себе, но облегчение не приходило. Душа Палицына не желала смиряться с горем, душа пылала и восставала и требовала отмщения истинным виновникам, но их Кузьма Григорьевич не знал...

После приговора слегла Агаша... За что ей это страдание? Разве она виновата? В страдании душа очищается, потому его следует благословлять... Так пусть бы очищались чёрные, как дёготь души, а Агаша и так сама чистота! Так почему же наоборот?! Как легко было найти объяснение тому, как легко было говорить о Божьей милости, когда несчастье постигало ближних, но куда только подевались эти правильные доводы, стоило ему постучаться в собственную дверь?!

Никому не дано уклониться от предназначенного свыше. Лишившись сына и жены, Палицын исполнил материнский обет и принял постриг. Возвращение к

Богу заняло несколько лет, и эта вновь обретённая, выстраданная, огнём испытанная вера была гораздо горячее прежней, привычной, когда всё исполнялось не столько по велению сердца, сколько по заложенному с детства правилу.

Оставив Звенигород, отец Андроник стал служить в храме недалеко от Коломны. Однажды после службы к нему подошёл юноша, при взгляде на которого у священника дрогнуло сердце, настолько он был похож на его покойного сына. Юноша представился князем Родионом Александровичем Олицким и сообщил о своём желании посвятить жизнь Богу. С той поры они виделись очень часто, подолгу разговаривали. Если Родион уезжал из имения своего отца, то писал своему духовному наставнику письма, не тая от него ни единого своего помысла. Отцу Андронику иногда казалось, словно это его Федя воскрес, и оттого он так привязался к юному князю.

Семья Олицких не отличалась религиозностью, что сразу отметил священник. Он часто бывал в их доме, высоко ценил ум Елизаветы Борисовны и благородство её дяди Алексея Львовича, но не мог не сокрушаться царившей во всех членах семьи отчуждённости от Бога. Занедужил старый князь, и отца Андроника позвали исповедовать его. То, что он услышал из уст умирающего Александра Владимировича, потрясло его. Перед ним был убийца его сына, убийца его Фёдора исповедовался ему в своём преступлении...

Отец Андроник едва сдержал стон. Его первым побуждением было проклясть князя и его старших сыновей, но он смирил себя... Ночь прошла в пламенных молитвах и слезах. Отец Андроник умолял Бога дать ему смирения, чтобы не мстить, дать сил, чтобы простить и не позволить гневу взять верх в своей душе. К утру стало легче... Промыслу было угодно испытать

Палицына ещё раз, и этой вышней воле надо было покориться, не уклоняясь от неё.

А через некоторое время один за другим стали умирать князя Олицкие, и отец Андроник однажды поймал себя на страшной мысли: он ощутил удовлетворение от того, что бич Божий обрушился на убийц его сына. Стало быть, душа не простила и требовала отмщения, стало быть, сидел в ней этот не дремлющий бес, высунувший свои мерзкие рога, едва случилось ему попущение... Душа отца Андроника не находила покоя, и ночи, проведённые в молитвах, изнурение себя жёстким постом не могли снять с неё тяжёлую кладь...

— Господи, упокой души грешных раб Твоих Александра, Владимира, Антона, Бориса... Милостив буди мне грешному!

Раздался стук в дверь. Кряхтя, отец Андроник поднялся с колен и, стиснув зубы от боли, медленно побрёл открывать. Нежданным гостем, к его удивлению, оказался сельский врач Амелин.

— Здравствуйте... — начал Всеволод Гаврилович и замялся. Очевидно, обращение «батюшка» или «отец Андроник» не шло с его уст, поэтому он предпочёл католическое, произнесённое язвительно: — Здравствуйте... святой отец...

— Здравствуйте, доктор. Удивлён вашим посещением. Что-то случилось?

— О, нет! Я никогда бы не пришёл к вам, если б покойный Антон Александрович не утрудил меня просьбой передать вам своё письменное покаяние. Вот-с, извольте получить, — Амелин протянул отцу Андронику свёрнутые вчетверо листки.

— Вы уезжаете куда-то? — спросил священник, увидев в руках доктора баул.

— Да, надоело мне здесь. Пора и честь знать!

— Что же, доброго пути.

— Благодарствуйте! — Амелин отчего-то замешкался, точно хотел добавить ещё что-то.

— Вы хотели мне ещё что-то сказать?

— А что, святой отец, отпустили бы вы мне грехи, когда бы я вам сказал, что человека убил?

— Если бы от души покаялись, отпустил бы.

— Ну, нет, — Всеволод Гаврилович криво усмехнулся. — Каяться я не стану! Жаль, что чёрта нет на самом деле, хотел бы я с ним повстречаться!

— Так ведь он прямо за вами стоит, Всеволод Гаврилович, и ухмыляется точно так, как вы теперь, да только над вами.

Амелин зло сплюнул и, не прощаясь, резко развернулся и ринулся прочь так быстро, будто за ним гнались.

— Не нагнать тебе бешеной тройки:

Кони крепки, и сыты, и бойки,—

И ямщик под хмельком, и к другой

Мчится вихрем корнет молодой...

Отец Андроник покачал головой, развернул письмо и, прищурив близорукие глаза, стал разбирать неровный почерк князя.

«В тот год, — писал Антон Александрович, — я получил из полка отпуск сроком на целый месяц. Я был молод, горяч и жаждал всяческих удовольствий и увеселений. Отгулять так, чтобы потом на всю жизнь хватило! С таким стремлением я приехал в Москву, где в ту пору проживал мой брат Владимир, ведущий рассеянно-светский образ жизни, скучавший и ненавидящий, как мне показалось, весь мир, как и положено мизантропу.

Дни проносились в бесконечных попойках, посещениях известного рода заведений, кутежах, подробностей которых я не помню, да и не важны они...

На свою беду я однажды встретил на улице прелестную девицу, свежую, как едва распускающийся

бутон. Кто видел её, тот поймёт, что нельзя было не воспылать страстью к ней. Я пытался завязать знакомство, она пугливо убегала, я приходил в ярость, во мне проснулся инстинкт охотника... Я решил, что эта дичь должна стать моей, во что бы то ни стало. Никогда прежде отказов мне встречать не доводилось, и это было делом принципа.

Сдуру я рассказал обо всём брату. Моя история развлекла его, и он заявил, что устроит мне свидание наедине с моей «бель флёр» в три дня, так как хорошо знает хозяйку заведения, в котором она работала. Я доверился ему и снова ударился в кутежи, почти позабыв о неприступной красавице.

Аккурат на третий день в одном из трактиров меня отыскал Владимир и сказал, что «бель флёр» ожидает меня. Я был пьян, как извозчик, и даже не помню, как мы доехали до места свидания...

Всё дальнейшее я помню смутно. Помню, как вошёл в номер и увидел её... Девушка лежала на постели, кажется, спала... Уже потом я узнал, что перед этим Лейда напоила её чаем, в которое подмешала снотворное... Но что я соображал в тот момент? Я видел перед собой самую соблазнительную красотку, которую только приходилось мне видеть, кровь бросилась мне в голову... Я осторожно совлёк с неё платье, стал целовать её...

Когда я очнулся, то услышал, как в соседней комнате бранились между собой Лейда и Владимир.

— Старая сводня, ты клялась, что всё будет без сучка и задоринки!

— Кто же мог подумать, что она окажется такой дикаркой! Среди моих девушек таких не бывало! Ну, поплачут для порядка сперва, да скоро утешатся! Ваш брат сам хорош! Надо же было иметь деликатность!

— Какая, к чёрту, деликатность?! Ты ведь обещала, что она не проснётся!

— Она, действительно, должна была спать ещё целый час, за который мы бы успели отвезти её ко мне, и она бы ничего не узнала!

— Надо было подмешать больше снотворного, старая дура! — голос брата дрожал. — Зачем я только связался с тобой!

— Зачем связалась с вами я! И с вашим полоумным братом! Даже если девчонка оказалась дикаркой, и снотворное перестало действовать слишком рано, это не повод хвататься за нож! А что теперь?! Это же Сибирь!

Я так и не знаю наверное, что произошло в ту проклятую ночь. Мой брат и Лейда сказали мне, что убил я... Если бы я мог хоть что-то соображать, я никогда не допустил бы случившегося, но к чему теперь эти оправдания? Я ничего не помню! Убил ли я, или это сделали они, а меня обманули. Я помню лишь одно: её, лежащую на полу, мёртвую, а вокруг кровь... Я и теперь вижу это, стоит закрыть глаза.

Я бросился на вошедшего Владимира с кулаками:

— Негодяй! Зачем ты убил её?!

— Ты убил. Или, если желаешь, мы...

Каким холодом обдали меня эти слова. Я убил! Мы убили! Действительно, мы...

— Ты хотел заполучить эту дикую лань. Я помог тебе. А ты... — я плохо расслышал ту брань, которую адресовал мне мой братец. Главное, что волновало его, это честь имени, которое могло быть опозорено. И он сделал всё, чтобы этого не произошло, сделав так, чтобы все подозрения пали на невинного...

Когда я немного протрезвел, мною овладел ужас от совершённого. Я решил пойти в полицию и во всём признаться, но прежде я зачем-то поехал к отцу и всё рассказал ему. Отец был в бешенстве. Узнав о моём решении, он вlepил мне пощёчину:

— Идиот! Ты хочешь покрыть позором моё имя?! Навсегда опозорить всю нашу семью?! Я не позволю тебе этого! Лучше пусти себе пулю в лоб! Одним дураком будет меньше!

Я поднялся к себе, достал дуэльный пистолет, приставил дуло к виску... но выстрелить не смог. Я струсил. Я не застрелился и не сдался полиции. Я ушёл из полка, затворился в имении и стал топить свой кошмар в вине...

Отец послал в Москву Борю Каверзина, наказав ему сделать всё, чтобы ни одно подозрение не коснулось фамилии Олицких. Боря уже тогда был докой в таких делах! Он сделал всё, как должно, наша проклятая фамилия нигде не мелькнула, мы остались ни при чём, фамильная честь не пострадала. А за нас отправился на каторгу какой-то Фёдор Палицын...

Владимир отбыл в Европу, за ним последовал и отец с мачехой. «Поправлять здоровье»...

Этот кошмар преследует меня всю жизнь. Я знаю, что мне нет оправдания ни на этом свете, ни на том. Я убил двух человек. Даже, если не я зарезал несчастную девицу, то я был причиной её гибели. И из-за меня умер на каторге невинный. А мне не хватило духу даже застрелиться. Я убийца, трус и ничтожество, и в этом каюсь, хотя не знаю нужно ли теперь кому-нибудь моё покаяние, кроме меня самого... Моё покаяние опоздало, я ничего не сделал для искупления своего преступления, и моя жизнь превратилась в кошмар... Каждую ночь она является мне и смотрит на меня. Я не вижу её лица, но знаю точно, что это она. И в аду, если он есть, она будет смотреть на меня... Вечно... Будет смотреть и никогда не скажет: «Отпускаются тебе грехи твоя!» О, сколько бы я отдал, чтобы услышать эти слова! Целую жизнь...»

Отец Андроник кончил читать, и по его иссохшему лицу, по глубоким бороздам морщин покатались слёзы.

Он осенил себя крестом и прошептал, глядя
замутнёнными влагой глазами в небо:

— Боже, упокой душу раба Твоего Антона, отпусти
ему грехи его, как отпускаю ныне я!